

Правовое государство: теория и практика

The Rule-Of-Law State: Theory And Practice

Тема выпуска:
Концепция правового государства
в условиях глобализации

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: теория и практика
PRAVOVOE GOSUDARSTVO: teoriya i praktika
THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 3 (61) 2020

Общественно-политический и научно-правовой журнал

Издается с 2005 года

Журнал выходит ежеквартально [12+]

УДК 340.1+34(091)(05)

ББК 67.0я5

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Научный руководитель:

Раянов Фанис Мансурович – д.ю.н., профессор (ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Арзамаскин Николай Николаевич – д.ю.н., профессор (ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», г. Ульяновск);

Боголюбов Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

Еникеев Зуфар Иргалеевич – д.ю.н., профессор (Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан, г. Уфа);

Зайнуллин Руслан Ильдарович – к.ю.н., доцент (ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа);

Леруа Кристоф – доктор права, профессор (Университет Перпеньян, Франция);

Липинский Дмитрий Анатольевич – д.ю.н., профессор (Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти);

Макаренко Илона Анатольевна – д.ю.н., профессор (председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан, г. Уфа);

Макарова Тамара Ивановна – д.ю.н., профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Нигматуллин Ришат Вахидович – д.ю.н., профессор (ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа);

Петров Александр Васильевич – д.ю.н., профессор (ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет», г. Челябинск);

Сальников Виктор Петрович – д.ю.н., профессор (главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Санкт-Петербург);

Семитко Алексей Павлович – д.ю.н., профессор (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

Тлепина Шолпан Валерьевна – д.ю.н., профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

Халиков Аслям Наилевич – д.ю.н., профессор (ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа);

Шабуров Анатолий Степанович – д.ю.н., профессор (Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Зайнуллин Руслан Ильдарович – кандидат юридических наук, доцент

Зам. главного редактора:

Анисимов Владимир Александрович – кандидат юридических наук, доцент

Ответственный секретарь:

Латыпова Наталья Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент

Члены редакционной коллегии:

Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент;

Галиев Фарит Хатипович – доктор юридических наук, доцент;

Гиззатуллин Равиль Хасанович – доктор юридических наук, доцент;

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук, профессор;

Касимов Тимур Салаватович – кандидат юридических наук, доцент;

Эксархопуло Алексей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор.

УЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»;

Учреждение «Научно-исследовательский институт проблем правового государства»

Выпускающий редактор – А.Ф. Файзуллина

Редактор англоязычных текстов – З.А. Юсупова

Редактор электронной версии – З.Р. Гиниятова

Почтовый адрес издательства и редакции: 450005, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131–319.

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН:

- в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Министерстве образования и науки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук;
- в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в научной электронной библиотеке elibrary.ru;
- в базу Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.

ОСНОВНАЯ ТЕМАТИКА ЖУРНАЛА:

- теоретические вопросы формирования правового государства;
- правовое государство в системе естественно-исторических закономерностей развития общества;
- правовое государство в системе обществоведческих институтов;
- принципы правового государства и практика законодательства;
- правовая жизнь современных муниципалитетов;
- правовое государство в системе юридической науки.

УДК 340.1+34(091)(05)

ББК 67.0я5

EDITORIAL COUNCIL

Academic Supervisor:

Fanis M. Rayanov – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

EDITORIAL COUNCIL MEMBERS:

Nikolai N. Arzamaskin – Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Sergej A. Bogoljubov – Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Zufar I. Enikeev – Doctor of Law, Professor (Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan, Ufa);

Ruslan I. Zainullin – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor (Bashkir State University, Ufa);

Christophe Leroy – Doctor of Law, Professor (Université de Perpignan, France);

Dmitry A. Lipinskiy – Doctor of Law, Professor, (Togliatti State University);

Iлона A. Makarenko – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Tamara I. Makarova – Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Rishat V. Nigmatullin – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Alexander V. Petrov – Doctor of Law, Professor (South Ural State University);

Victor P. Salnikov – Doctor of Law, Professor (Editor-in-Chief of the Journal “Legal Science: History and Modernity”, St. Petersburg);

Alexey P. Semitko – Doctor of Law, Professor (Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Sholpan V. Tlepina – Doctor of Law, Professor (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan);

Aslyam N. Khalikov - Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Anatoly S. Shaburov – Doctor of Law, Professor (Ural State Law University, Yekaterinburg);

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

<i>J.A. Jellison- Hounkanrin</i>	Race, ethics and public policy	9
<i>Khalikov A.N.</i>	Psychology of interest in social and legal relations	15
<i>Горохова С.С.</i>	К вопросу о необходимости института правосубъектности искусственного интеллекта на современном этапе развития правового государства	23
<i>Попова А.В.</i>	Этические принципы взаимодействия с искусственным интеллектом как основа правового регулирования	34

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ
ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

<i>Буньковский Д.В. Гайдай М.К.</i>	Сущность и значение «паблик рилейшнз» в деятельности полиции	44
<i>Куранов В.Г.</i>	Классификации юридически значимых сообщений в российском гражданском праве	54
<i>Латыпова Н.С. Ямалетдинова Н.В.</i>	К вопросу о правовой природе коллизионного права	64
<i>Малый А.Ф.</i>	Миграционная политика: законодательное воплощение и правореализация в России	73
<i>Семенова Е.Ю. Якупова Р.Р.</i>	Проблемы применения понятия «рабочее время» по делам об увольнении за появление работника в состоянии алкогольного опьянения	83
<i>Шувалов И.И.</i>	Нормы гражданского законодательства в регулировании инвестиционной деятельности	90

ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

<i>Tulupova E.O. Demidova T.K. Yusupova R.R.</i>	Some features of legal regulation of environmental relations in Germany	100
<i>Попова И.П. Иванова А.Л.</i>	Реализация принципа состязательности сторон на досудебных стадиях уголовного судопроизводства в Российской Федерации и в зарубежных странах	108

**МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 15-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ЖУРНАЛА
«ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»**

<i>Раянов Ф.М.</i>	Азы современного правового обществоведения и не переосмысленные наши прошлые ошибки	120
<i>Березина Е.А.</i>	Правовые технологии и реализация идеи верховенства права	126
<i>Еникеев Р.Н.</i>	Право и государство в их историческом соотношении	137
<i>Сошникова И.В. Руколеев В.И. Шерпаев В.И.</i>	Правовое регулирование системы реабилитации детей, имеющих расстройство здоровья	143
<i>Уматова Е.С.</i>	Государственно-правовое обеспечение продовольственной безопасности в России	149
<i>Шабуров А.С.</i>	Российская государственность и сложности в формировании правового государства в нашей стране	153
<i>Шерпаев В.И.</i>	Конституционная определенность в сфере укрепления обороноспособности в Российской Федерации	160

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

<i>Нигматуллин Р.В.</i>	Памяти легендарного земляка Даяна Мурзина	165
-------------------------	---	------------

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Левушкин А.Н. Алборов С.В.</i>	Алексей Владимирович Барков: самобытный ученый, талантливый педагог и учитель, профессиональный коллега (к 60-летию юбилею А.В. Баркова)	175
---------------------------------------	--	------------

РЕЦЕНЗИИ

<i>Антонов И.А. Галиев Ф.Х.</i>	В едином понимании науки и практики. Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин и его соавторы выпустили значимую книгу по оперативно-розыскной деятельности. См.: Оперативно-розыскная деятельность. Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону / А.И. Бастрыкин, В.М. Егоршин, С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, И.Н. Кондрат, Д.В. Ривман, В.П. Сальников, А.Г. Хабибулин, А.В. Шахматов; под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Юрлитинформ, 2020	183
-------------------------------------	--	------------

К АВТОРАМ		197
------------------	--	------------

CONTENTS

GENERAL-PURPOSE AND HISTORICAL PROBLEMS OF THE FORMATION OF THE RULE-OF-LAW STATE

<i>J.A. Jellison-Houkanrin</i>	Race, ethics and public policy	9
<i>Khalikov A.N.</i>	Psychology of interest in social and legal relations	15
<i>Gorokhova S.S.</i>	On the issue of the need for the institution of legal personality of artificial intelligence at the present development stage of the rule-of-law state	23
<i>Popova A.V.</i>	Ethical principles of interaction with artificial intelligence as a basis of legal regulation	34

TOPICAL ISSUES OF THE DEVELOPMENT OF SECTORAL LEGISLATION

<i>Bunkovsky D.V. Gaidai M.K.</i>	The essence and significance of “public relations” in police activities	44
<i>Kuranov V.G.</i>	Classifications of legal communication in Russian civil law	54
<i>Latypova N.S. Yamaletdinova N.V.</i>	On the legal nature of law of conflict	64
<i>Malyi A.F.</i>	Migration policy: legislative embodiment and legal implementation in Russia	73
<i>Semenova E.Y. Yakupova R.R.</i>	Problems of applying the concept of working time in cases of dismissal for employee’s appearing under the influence of alcohol	83
<i>Shuvalov I.I.</i>	Civil law provisions to regulate investment activities	90

LAW OF FOREIGN COUNTRIES: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

<i>Tulupova E.O. Demidova T.K. Yusupova R.R.</i>	Some features of legal regulation of environmental relations in Germany	100
<i>Popova I.P. Ivanova A.L.</i>	The implementation of the adversarial principle At the pre-trial stages of criminal proceedings in the Russian Federation and in foreign countries	108

**PROCEEDINGS OF THE CONFERENCE, DEDICATED TO THE 15th
ANNIVERSARY OF THE JOURNAL "THE RULE-OF-LAW STATE:
THEORY AND PRACTICE"**

Rayanov F.M.	The fundamentals of modern legal social studies and our past not rethought errors	120
Berezina E.A.	Legal technologies and the implementation Of the idea of the rule of law	126
Enikeev R.N.	Law and state in their historical relationship	137
Soshnikova I.V. Rukoleev V.A. Sherpayev V.I.	Legal regulation of the rehabilitation system for children with health disorder	143
Umatova E.S.	State law protection of food security in Russia	149
Shaburov A.S.	Russian statehood and difficulties in the formation of the rule-of-law state in our country	153
Sherpaev V.I.	Constitutional definitiveness in the sphere of strengthening the defence capability of the Russian Federation	160

PAGES OF HISTORY

Nigmatullin R.V.	In memory of the legendary countryman Dayan Murzin	165
-------------------------	--	------------

PERSONNEL

Levushkin A.N. Alborov S.V.	Alexey Vladimirovich Barkov: original scientist, talented educator and teacher, professional colleague (to the 60th anniversary of A.V. Barkov)	175
--	---	------------

REVIEWS

Antonov I.A. Galiev F.Kh.	In a unified understanding of science and practice. Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation A.I. Bastrykin and his co-authors have published a significant book on law enforcement operations. See: Law Enforcement Operations. Scientific and practical commen- tary (article-by-article) on the Federal law / A.I. Bastrykin, V.M. Egorshin, S.I. Zakhartsev, Yu.Yu. Ignaschenkov, I.N. Kondrat, D.V. Rivman, V.P. Salnikov, A.G. Khabibulin, A.V. Chess; Under total. ed. A.I. Bastrykin. M. : Jurlitin- form, 2020	183
--------------------------------------	---	------------

TO THE AUTHORS		197
-----------------------	--	------------

**ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА**

**GENERAL-PURPOSE AND HISTORICAL
PROBLEMS OF THE FORMATION OF THE RULE-OF-LAW STATE**

УДК 340.1

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.1

RACE, ETHICS AND PUBLIC POLICY

Joyce Angela JELLISON-HOUNKANRIN

Lawyer, PhD student of Capella University, New York, USA.

E-mail: joycehounkanrin@gmail.com

There is reform and there is revolution. The fragility of Black lives in white spaces is long overdue for both reformation and revolution within the criminal justice organizational model. It is with particular urgency that current litigation within the Department of Justice be examined as it is an example of latent responses of American government to societal fracture and potential policy reform. There is no more representation of the fragility of Black lives in white spaces than American prison systems and relative to this; sentencing policies that disproportionally affect Blacks. This paper is drawn from deontological ethics, holding that human rights are a moral obligation that should not be excluded in the formation of public policy or the application of justice. It is a further suggestion that within reforms are potentials for revolutions. Salient questions proposed by this research are there accommodation for healing within structurally racist systems. Is reform enough or is there cause for revolutionary actions? The Department of Justice has launched an investigation into an alarming string of deaths within the Mississippi Department of Corrections. This paper will examine potential public policy changes that may emerge from that investigation as well as societal responses. Additionally, this paper is drawn from deontological ethics, holding that human rights are a moral obligation that should not be excluded in the formation of public policy or the application of justice.

Key words: race; ethics; public policy; Black lives; American government; investigation; revolution.

Mass Incarceration in American Prisons and the advancement of Retributive Justice

As much as the term mass incarceration has become integrated into everyday lexicon, according to researchers it was first used by “specialists in the field of punishment and society to describe tremendous changes in the scale of

incarceration that began in the 1970s and became visible to readers of imprisonment charts by the middle 1980s” (Simon, 2014). These same specialists voiced a myriad of concerns as the numbers of incarcerated Americans soared, namely the identified issues and criticisms were centered around; racial disproportionately; high collateral costs to the communities of highest incarceration (Simon, 2014).

The framework of the American prison is centered on retributive justice; however within this centering are salient questions of equitable distribution of retributive justice and race. Questioning the intersections of race, justice and retribution are necessary as the United States is the world’s leader in punishment, boasting a 2.2 million prison population (Materni, 2013). Scholars have longed questioned is there justice in punishment? The answer was perhaps best answered by the late Supreme Court Justice Anthony Scalia, who remarked during Oral Argument for *Miller v. Alabama*, “Well, I thought that modern penology has abandoned that rehabilitation thing, and they – they no longer call prisons reformatories or – or whatever, and punishment is the – is the criterion now. Deserved punishment for crime” (Materni, 2013).

What is revealed in Scalia’s remarks is there is no space within retributive punishment for healing or reform; mostly certainly this lack of accommodation for healing is not made in policy considerations or legislative actions. What space is made available for humanity to receive full bodied justice? Better explained beyond retribution what is there that exists for individuals in the American prison system.

Prison is a micro society reflecting on a smaller scale, the society individuals have been subtracted from – within the space they now reside, they play out in smaller patterns the complexities of larger society complete with its push and pulls of humanity; never subtracted from the multifariousness of living is the need for justice. Therefore, it is reasonable to then ask if there is no reformation is this justice. Scholars have reasonably proposed salient questions of why should there be concerned of applications of justice for those who are incarcerated. The answers are embedded in who is the majority population within American prisons and the communities that are fractured as result of these imprisonments. At least one article finds weight in how individuals are sentenced, but does not engage in the discussion of how these contribute to inequitable distributions of justice and the advancement of retribution in the place of actual justice (Materni, 2013).

Death in Mississippi and Institutionalized Racism as Public Policy

The Department of Justice announced on February 5, 2020, that is investigating the conditions of four Mississippi Prisons. The investigation will examine conditions at the Mississippi State Penitentiary (Parchman), Southern Mississippi Correctional Institute, Central Mississippi Correctional Facility, and the Wilkinson County Correctional Facility. The State of Mississippi is responsible for

all four facilities. According to a DOJ statement, the decision was made to investigate whether the Mississippi Department of Corrections adequately protects prisoners from physical harm at the hands of other prisoners at the four prisons, as well as whether there is adequate suicide prevention, including adequate mental health care and appropriate use of isolation, at Parchman.

The human rights violations within the Mississippi Department of Corrections are not isolated and speak to broader implications of public policy and institutionalized racism. Department of Justice investigations are not reform or revolutionary, they are reactionary and a response to wrong doing. Institutional racism is described as a barrier to access, if applied to those individuals who are within the criminal justice organization model – it is a barrier to access to full-bodied justice, institutional racism is in service to disadvantage blacks in America. Mass incarceration and retribution has been the most effective tool of destabilization and devaluation of Black lives in America after slavery.

Institutionalized racism “It is a term encompassing the, often unintentional, barriers and selection/promotion procedures which serve to disadvantage members of ethnic minority groups”, (Ward, 2016) at least one definition is extended further to include indirect or institutional racism and asserts that institutionalized racism is “is virtually unrecognized by organizations but is an extremely contentious issue in the public sector” (Braham et al as cited in Ward, 2016). Retributive justice is in service to white American interests, as well as institutionalized racism – it matters not if the retribution is meted out in inequitable portions, one quite literally is in service to the other.

Racism is woven into the fabric of American life, its normalization would then be likely be present in public policy, it is quite literally impossible in any corner of America. Ward (2016) citing, Dominelli (2002, 157) writes, that it is “often the veiled presence of racism in everyday activities which coincides with the failure to make connections between the various incarnations of racism.” Extracting racism from public policy would require a revolution of societal norms. Public policy responds to the white majority in American culture and has traditionally marginalized Black people. Marginalization is oppression and violence. Research supports that oppression fragments the individual American experience (Dominelli, 2002) this fragmentation leaves individuals “without alternatives or incapable of taking action to change his or her situation” (Dominelli, 2002). Therefore, it is surmised this oppression and fragmentation works as an effective stratagem towards making Blacks physically and emotionally unavailable to active participants in the policy formation processes. When individuals come together in groups, they reverse this process (Dominelli, 2002). DOJ responses to injustice is not necessarily a reversal of injustice, or change in policy. Retributive justice remains intact even when under litigation – the policy is not unraveled, because it is the product of societal demand.

Policy analysis is purposely ignorant of race and inequality. Myers (2002) writes that issues of significance have escaped the policy analysis community and suggests, “The tools and techniques of modern policy analysis—particularly those that emphasize the tension between equity and efficiency—certainly ought to be of use in finding solutions to nagging problems confronting communities of color” (Myers, 2002). The root of the problem is white supremacy and imperialism operating within the educational discipline of policy analysts.

The Costs of Racism and Policy Formation

What is most perplexing about policy analysis, is there not a solid definition of policy. This is a direct hit to understanding how policy is then formed if it essentially escapes definition, it is open to constant defining by a myriad of individuals who will consistently find reason to not involve in the necessity of race to be included. “Economists who teach policy analysis often have a propensity to think of the subject as the application of quantitative or microeconomic tools to the investigation of public policy problems. Political scientists tend to have a broader view of what constitutes policy analysis” (Myers, 2002).

Myers writes that his students are disinterested in economic analysis of policy formation, rather they “are primarily interested in resolving perplexing social problems that arise from the involvement of public agencies, bureaucracies, and public decision making mechanisms and from the nature of the policy issue itself” (Myers, 2002). Myers writes that many quantitative skills are taught in policy analyst courses and there is a focus on efficiency, he asserts this efficiency criterion is often at odds with “alternative criteria that do and must enter into the political decision making process” (Myers, 2002). Myers further asserts there is an evident tension within the discipline; the strain exists between equity and cost-efficiency and the inherent trade-offs between the two (Myers, 2002).

Myers gives salient examples of policy trade-offs that have failed to benefit stakeholders who have not been considered by analysts because of the focus on efficiency, “Transportation policies that seek to impose congestion taxes on drivers inherently disadvantage those whose income is low or who must use public transportation (Myers, Chung, and Saunders, 2001; Myers and Saunders, 1996). Environmental policies that seek to reduce pollution often pit gainers in some industries against losers in other industries” (Myers, 2022).

It is not difficult to draw parallels between prison policies that are short on protections for human rights and further devalue Black lives, particularly when there is evidentiary support for a on focus cost-efficiency in the decision making process. There is no escaping an income analysis and the reality that even justice is an allocated resource in America, “Analysis of income-transfer policies typically confronts the tensions between efficiency and equity.⁴ Indeed, one could argue that the tension between equity and efficiency is characteristic of virtually every resource allocation dilemma confronted by modern policy

analysis” (Myers, 2022). Given that Black Americans are marginalized in every aspect of their lives and systematically denied resources that will increase their capacity to enjoy full participation in their American experiences; justice is yet another resource in which they receive in limited and adulterated portions.

Myers writes that microeconomic analysis is a strength in policy analysis as it provides an ability to make tensions and trade-offs explicit “in order to make policymaking and the advice to policymakers more effective and useful” (Myers, 2002).

Ethics, Race and Justice

A salient question relative to ethics is who bears the responsibility for justice? It is proposed that justice is an emotion, it is a cognitive process, however procedural justice an arguably fungible good within the criminal justice system; it has been exchanged at the expense of Black lives and humanity. This is the ethical crossroads of the DOJ investigation and Mississippi Department of Correction; litigation is neither reform nor revolution – it is reactionary and evidence of continued ethical failure of the criminal justice system to support the lives of Blacks.

Jonathan Wolff in his seminal work, *Ethics and Public Policy: A Philosophical Inquiry* (2011) aimed to show there is a definitive place within public policy for philosophy; more poignant is that Wolff presents an argument that philosophy can benefit from its interactions with public policy “Wolff argues that philosophical reasoning can contribute to the resolution of controversial public policy matters and that philosophers' interactions with the public policy world can improve how philosophy is done” (Vladman, 2013).

Sustaining his arguments Wolff provides evidentiary support by beginning each chapter of book with various interactions of public policy and philosophy; “There is a chapter on animal experimentation, gambling, drugs, safety, crime and punishment, health, disability, and the free market. Each chapter surveys the current state of philosophical debate, describes recent movements on the public policy front, and suggests ways that philosophical reasoning can make a contribution” (Vladman, 2013).

Little writes in *Ethics, Economics, and Politics; Principles of Public Policy* (2002) what is right is a necessary discussion, “People create and acquire rights as parts of the process of socialization. It is a convention that promises create both duties and rights.” If Little is correct, then America has broken a promise to Black Americans; all men are created equal according to the language within the United State Constitution. The treatment of Blacks within the criminal justice organizational model is a gross ethical abrasion and an egregious breach of contract. Any litigation by the DOJ is reactionary and not reformatory or revolutionary.

Little writes the state acquires duties and rights conventionally, and “that have 100 years many states have acquired a right to enact redistributive

taxation that has become part of the moral ethos that regulate society” The moral ethos of America reflect that of the ruling, dominant class – whites. This same group shapes public policy which advances the rule of the state – if the ethics of the state are utilitarian/consequential then it is a direct reflection of desires of society.

References

1. Dominelli L., Campling J. (2002) Anti-Oppressive Practice in Action. In: Campling J. (eds) Anti-Oppressive Social Work Theory and Practice. Palgrave, London
2. Little I.M.D. (2002). Ethics, economics, and politics: principles of public policy. Oxford Scholarship Online. DOI: 10.1093/0199257043.001.0001.
3. Materni M. J. (2013). Crime punishment and the pursuit of justice. Harvard Law School.
4. Myers S. (2002). Presidential address-analysis of race as policy analysis. Journal of Policy Analysis and Management, Vol. 21, No. 2.
5. Simon J. (2014). Mass incarceration on trial. a remarkable court decision and the future of prisons in america. The New Press.
6. Ward J. (2016). Institutional racism and the public sector. Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy and Governance. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-31816-5_2336-1.
7. Vladman M. (2013). Jonathan wolff, ethics and public policy: a philosophical inquiry. Routledge Press.

Received: 02.08.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.1

РАСОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ, ЭТИЧНОСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

ДЖЕЛЛИСОН-ХАУНКАНРИН Джойс Анджела
адвокат, аспирант Университета Капелла, Нью-Йорк, США.
E-mail: joycehoukanrin@gmail.com

Существуют реформы, и существуют революции. Проблема уязвимости жизни чернокожих среди белокожих людей давно назрела в качестве основания и для реформирования и для революционной реорганизации системы уголовного правосудия. В кратчайшие сроки необходимо рассмотреть текущее судопроизводство в Министерстве юстиции, поскольку оно служит примером скрытых ответных мер американского правительства на раскол общества и потенциальные политические реформы. Нет более показательного примера уязвимости жизни чернокожих среди белых, чем в

американских тюремных и связанных с ними системах; непропорционально много приговоров выносятся чернокожим. Эта статья основана на деонтологической этике, согласно которой права человека являются натуральным обязательством, которое нельзя исключать при формировании государственной политики или осуществлении правосудия. Также предполагается, что в рамках реформ существуют потенциальные возможности для революций. Актуальные вопросы, поднятые в этом исследовании, касаются условий для оздоровления ситуации в рамках систем, являющихся расистскими по своей структуре. Достаточно ли одних реформ или есть повод для революционных действий? Министерство юстиции начало расследование тревожной череды смертей в Департаменте исполнения наказаний штата Миссисипи. В данной работе будут рассмотрены потенциальные изменения государственной политики, а также реакция общества на них.

Ключевые слова: раса; этичность; государственная политика; жизни чернокожих; американское правительство; расследование; революция.

Дата поступления: 02.03.2020

УДК 340.1

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.2

PSYCHOLOGY OF INTEREST IN SOCIAL AND LEGAL RELATIONS

KHALIKOV Aslyam Nailevich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: an010@yandex.ru

The psychology of the category of interest has a multifaceted character, which is the semantic line of human life. At the same time, interest begins with individual's psychology, then there is a transition to interests in social and legal relations, and then the interest again turns into personal motivation, but already in a social environment. The main psychological feature of interest is its emotional component, without which the interest loses its subjective meaning. It is reflected in legal relations between the state and society. Purpose: to consider the concept and characteristics of interest in social and legal relations. Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Results: the author comes to the conclusion that the construction of a person's interest at the present time does not come from two

components – individual and social, but from three, which will certainly include the third component as interests at the level of international relations.

Key words: interest; motivation; society; cognition; needs; person; emotions.

The category of interest in psychology is significant in different aspects: cognitive, emotional, interpersonal, educational, semantic, etc. Interest itself is often differentiated by public and personal interest, and that goes to the peculiarities of its studies in the field of social and personal psychology. Of course, the different orientations of interests of the society on the one hand and the individual on the other hand often do not coincide, shifting to internal and social conflicts, which begin with domestic situations and can lead to socio-political events. At the same time, the essence of interest as the demonstration of mind and emotions is expressed primarily through the individual, his subjective understanding of the objects of interest. In this respect, notion of the personal interest is dominant followed by the social interest which is again transformed into the individual interest in a society and therefore into the optimal balance between individual and public interests.

To a certain extent, personal and public interest is connected with an understanding of the interest, both internal and external. A person's inner interest is an interest in the processes within an individual's body, related to his psychology and physiology, in other words, when the subject is firstly interested in his own state processes which are clearly aimed at satisfying his inwardness. External interest is the interest of a person in an object or activity, the source is outside this person, outside his psychology or the processes occurring in the body [9, p. 157]. At the same time, the realization of the external interest in most cases follows the satisfaction of the internal interest; however, for this purpose external factors of interest are often addressed because they being of more important character influence internal interests. So, we see an ever-changing place of interests in the life of an individual with respect to interests of a society and social institutions when individual (internal) interests change into public (external) though social interests can exist only while they are accepted by the particular subjects satisfying their internal interests. In this sense, K. Helvetius, speaking of interest as a major factor in the progressive movement of people, their feelings and thoughts, wrote, that if the physical world is subordinated to the law of motion, then the spiritual world is no less subject to the law of interest. On earth interest is an omnipotent wizard, changing the look of all creatures. Interest is the beginning of all our thoughts and all our actions [3, p. 146-200].

Considering the psychological content of interest from a philosophical point of view, it should be noted that interest is based on the orientation of the will and action towards a purpose, achievement of which is regarded as subjectively important for it satisfies the need that is interpreted as fundamental. In practical philosophy difference between particular interests, universal and potentially

universal, is of great importance. Potentially universal interests are those found in all human beings and are characterized by the fact that the consequences of their realization can be freely accepted by all affected. If this condition is met, this refers to the interest of all and, if not it is a case of particular (private) ones.

In its turn, I. Kant determined that every ability of the soul can be attributed interest, a principle that contains the condition that only the use of this ability can be successful. Reason as the ability to give principles defines the interest of all emotional forces as well as its own interest. The interest of its speculative application lies in the knowledge of the object up to the highest apriori principles; the interest of its practical application is in the determination of the will for the final and complete purpose. What is required for the possibility of the use of reason in general, specifically that its principles and assertions are not contradictory, is not part of its interest; it is a condition for the possession of reason at all; only the expansion of the mind, and not just its relevance to itself we take as its interest [7, p. 517].

So, what does the category of interest mean in the life of an individual and a society in whole?

Studying a large body of literature on the content of interest, we have more than once met the opinion that it is definitely impossible to understand the category of interest and moreover, the frequently considered category is at the level of intuitive or individual understanding. For instance, the psychologist A. Reber writes that the meaning of the term «interest» is very loose, and at the same time this term was used for defining the following notions: attention, curiosity, motivation, concentration, concerns, purposefulness, awareness and desire. A majority of authors just follow their gut while using it; it is difficult to use it incorrectly [11, p.321].

In its turn, T.V. Shorokhova, also noting that there is still no universal definition of the concept of interest, divides its expression into several aspects: 1) axiological; 2) cognitive; 3) in the meaning of «benefit», «good», «profit»; 4) emotional-cognitive; 5) interest as a relationship; 7) need-motivational [13]. In this case, as we can see, a broad understanding of interest and necessarily intersecting its directions with each other in the view of the ambiguous psychological treatment of the concept take place as well.

A diverse understanding of the interest category is often seen in comparison with similar concepts such as needs, motivations, wishes. Of course, given notions are connected with interest to some extent because this refers to active orientation of the human activity towards the specific object (objects). But the importance of interest versus, say, needs is much more important as it is seen in a deeper sense which should be defended and actively pursued. S. L. Rubinstein defined interest as a tendency or orientation of the individual, consisting in concentrating his thoughts on a certain object. With this in mind, interest as focus of intentions differs significantly from the focus of wishes in which need is prima-

ry. Interest affects attention, thoughts, intentions; need has a significant impact on attraction, wishes, will [12, p.525]. For instance, in certain circumstances, needs or wishes may be limited or even eliminated. It is much more difficult to perform in regard to personal interests as the purport of existence which may be linked with his main values of existence such as physical life, health, family, destiny, etc. Differentiating between needs and interests E.P. Ilyin writes that for a person object or activity becomes important when there is a need so the emphasis in the understanding the need-interest goes to the purpose sort of «marking» interest shows to which it displays itself. Interest can't exist without an address though it may not be specific; it represents a broader field of activity or a range of subjects. Therefore, the view of some psychologists that the interest is not equal to the need is legitimate [6, p.168].

In general, the content of interest can be strictly divided into three parts each of which is an objective existence creating a vital need for the individual in the system of social and legal relations:

1) personal and individual interests focused on a particular object according to its attractiveness (parental or marital love, friendship) or necessity (legal categories of freedom, justice, equality, property);

2) social or socio-economic interests of an individual which occur only in relation to the interests of other socio-economic and legal entities (state, society, personnel, etc.);

3) cognitive interests in view of the rationality of the human being and the constant quest to learn the outside world which in itself constitutes an important, if not a major, factor in the development of humankind [1, p. 127-128].

The totality of an individual's interests creates an entire system formation, where each interest or interests themselves are in relation to each other, complementing and broadening the essence of its content. For example, material interests of any person may be achieved only by realizing his cognitive interests, in particular, striving for study, development of professional skills, discoveries in science and technology. At the same time, cognitive interest cannot be separated from the spiritual interests of a person in the cultural development, treatment of other people, interest to different beliefs and religion in general. The development of spiritual interests leads to the fact that the subject perceives his family interests and the interests of close people in unity with his own interests and sometimes even more valuable than his own. In a certain way, a reasonably constructed system of interests in a person's life, together with overcoming difficulties and obstacles in the observance or struggle for interests, allows to maintain its self (its identity) in all situations and to develop in a true human direction, while preserving the basic values of the world - freedom, equality, justice. Notably, these values are subsequently transformed into legal ones with the appropriate enforcement mechanisms in respect to the citizens of the state.

On the mechanism of interest formation V.V. Nikandrov writes that initially interest can even display itself by means of external attractiveness, and only after that its life purpose is realized [10, p.763]. Thus, the content of interest derives from the positive exterior features of an object that are consciously, and sometimes subconsciously, accepted by the person in his or her senses and perceptions. This is followed by the process of understanding and cognizability of an object, it itself will be the subject of the cognitive individual interest. After that, the presence of interest becomes the necessity of its existence for the person, transforming into the basic principles of the meaning of the human life in relation to the external world. In system unity, different interests in a person's life may still be competing in their importance for his or her future life, but interests themselves constitute the essence of a person's physical, social and legal existence, without the satisfaction of which it loses itself and its place in the social environment and in the world.

At the same time, almost all the psychologists agree that the main element in the category of interest is its emotional appeal. As C. Izard says, one cannot overestimate the importance of the emotion of interest - stimulation for individual development, personal becoming and socialization of a person. Having this in mind, any fundamental emotion performs a social function. The human being is first and foremost a social being whose well-being and civilization require a certain degree of social organization and order; it can therefore be said that every human being has some social interest based on emotion [5, p.124-133].

In a normal society and a state, the category of interest is dynamic, that is, the striving for constant development, change, transition from elementary or low interests to higher, qualitative interests. In this connection, the satisfaction of some interests and the transition to others undoubtedly develop a person who, after a positive result, always pursues or, in any case, displays the desire (attention) for other, better interests. Though this does not, of course, exclude the attractiveness of an object or activity of dominant interest. In some extent, interest development resembles the hierarchy of needs of A. Maslow from the basic or lower (food, sex, safety) to the higher ones (self-actualization in a society, state service, aesthetic needs, etc.) [8].

As it was mentioned in the article, personal interests are not separable from the public ones in the social environment in which the individual is located; as a result, their relationship always involves a process of evaluation of some with the evaluation of others, while maintaining a certain balance. Of course, in some certain situations, personal or social interest may be dominant though driving it to extremes has only negative consequences. Let us assume that the display of an exceptionally personal interest may lead to deviant behaviour, including criminal offences, which in some cases is an extreme degree of self-interest. However, the existence of exceptionally social interests, with unreasonable denigration of personal ones, may lead to the same negative manife-

stations against particular citizens, their health, life and property, assuming that only the interests of the state are called upon, completely ignoring the personal one. Speaking of the necessity to unite personal and social interests B. Yak states that human society doesn't disintegrate due to combination of personal interests, norms of justice and social friendship. In other words, this combination with one another has three reasons: calculations of what will serve our own interests, beliefs about what we owe each other, and feelings of special care for the well-being of the people who we have something in common with [14, p.95].

In order to develop interests, there must be an appropriate environment for the individual to develop his interests or individual interests must be optimally related to the social interests. In addition to that, social interests, as opposed to the individual ones, are to some extent transformed into the level of the general needs which may not meet the individual needs, and sometimes even contradict them. This contraposition of the individual and public interests has always been a problem in a society and states, where the incomparability of collective and personal interests has escalated to riots, revolutions and civil wars. Although it was essentially a clash of deeply hidden personal interests between an individual as a leader or a group of individuals who took the responsibility (sometimes irresponsibility) to speak on behalf of the people or a part of a social group within a state.

Hence, understanding interest as an objective or subjective category in relation to the individual is a challenging issue. If we have stated that the interest surely relies on the emotional attitude towards it, then in this case we speak about a subjective direction of the interest development. Moreover, a person being in a fit of temper or rage may act at first glance to satisfy only his own interests (killing the offender), but in reality he will only worsen his situation and come out against his true interests. Consequently, the reasonable combination of personal interests with those of other people, a society and even a state leads to the objectification of the interest, to the understanding of its necessity and verity in the context of one's self and the outside world. A.G. Zdravomyslov writes that the interest is considered as a dialectical unity of objective and subjective. The balance between objective and subjective in the interest is double-natured. On the one hand, it is the transition of the objective into the subjective because any interest has a definite basis in the surrounding circumstances. On the other hand, it is the transition of the subjective into the objective because the interest is the motive of the activity which transforms subjective goals, desires, intentions, etc into reality. Double-natured understanding of the interest – objective and subjective – is its main difficulty [4, p. 6-7].

In general, the interest is the result of the development of the objective reality at a certain time and in a certain localization, regardless of whether it is seen in the individual or in the public sense. While we may speak of the typical ba-

sic and legal values of an individual and a society such as freedom, equality, justice and property, the form of displaying an interest will always differ depending on the historical time and place of the state in question. It is another matter that the world development of practically all the states is now being equalized by world or global processes in the form of transport possibilities, the Internet, open borders, etc. This leads to the emergence and development of the unity of social and legal interests in the world community, which also affects the unity of individual interests, social and even state interests. Thus, these objective processes influence the standard features of the psychology of interest of any individual, and especially of young people, who are most open to new ideas and directions that shape their interests in the context of globalization. As a result, the construction of human interest is currently based not on the two components - individual and public, but on three, which will necessarily include the third component as interests at the level of international (not inter-state!) relations.

References

1. Antsupov A.Ya., Shipilov A.I. Conflict Dictionary, St. Petersburg, 2006.
2. Brockhaus. Philosophy: concepts, thinkers, concepts, edited by T. Uvarov, trans. and ed. text: E.V. Alymova et al., St. Petersburg, Amphora, RKhGA, 2010.
3. Helvetius K.A. On the mind, Works, In 2 volumes, T. 1, Moscow, Thought, 1974.
4. Zdravomyslov A.G. The problem of interest in sociological theory, Leningrad, Leningrad State University, 1964.
5. Izard K.E. The Psychology of Emotions, St. Petersburg, Peter, 2008.
6. Ilyin E.P. Motives and motivation, St. Petersburg, Peter, 2002.
7. Kant. I. Critique of practical reason, Works, In 8 volumes, V. 4, Prolegomena. Fundamentals of the metaphysics of morals. Metaphysical principles of natural science. Criticism of practical reason, under total. ed. prof. A.V. Gulygi. Moscow, CHORO, 1994.
8. Maslow A.G. Motivation and personality, trans. from English. A.M. Tatlybaev. St. Petersburg, Eurasia, 1999.
9. Nemov R.S. Psychological Dictionary, Moscow, Humanities. ed. center VLADOS, 2007.
10. Nikandrov V.V. Psychology, textbook, Moscow, Prospect, 2007.
11. Reber A. Big explanatory psychological dictionary, In 2 volumes, T. 1, Moscow, Veche, AST, 2001.
12. Rubinstein S.L. S. Fundamentals of General Psychology, Moscow, 2008.
13. Shorohova T.V. The problem of defining the category of "interest" in modern domestic psychology and pedagogy, Internet journal Eidos.

14. Yak B. Nationalism and moral psychology of the community, Moscow, Gaidar Institute, 2017.

Received: 22.08.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.2

**ПСИХОЛОГИЯ ИНТЕРЕСА
В СОЦИАЛЬНЫХ И ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

ХАЛИКОВ Аслям Наилевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: an010@yandex.ru

Психология категории интереса имеет многоаспектный характер, являющийся смысловой линией человеческой жизни. В то же время интерес начинается с психологии отдельного индивида, затем следует переход на интересы в социальных и правовых отношениях, а затем интерес вновь переходит в личностную мотивацию, но уже в условиях социального окружения. Основной психологической особенностью интереса является его эмоциональная составляющая, без которой интерес теряет свой субъективный смысл. Это имеет отражение и в правовых отношениях государства и общества. Цель: рассмотреть понятие и характеристику интереса в социальных и правовых отношениях. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Результаты: автор приходит к выводу, что конструирование интереса у человека в настоящее время исходит не из двух составляющих – индивидуального и общественного, а из трех, куда непременно будет все больше входить и третья составляющая как интересы на уровне международных отношений.

Ключевые слова: интерес; мотивация; общество; познание; потребности; человек; эмоции.

Дата поступления: 22.08.2020

УДК 347; 004.8

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.3

**К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ИНСТИТУТА
ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО
ГОСУДАРСТВА**

ГОРОХОВА Светлана Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента международного и публичного права, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва, Россия.

E-mail: sgorohova@fa.ru

Актуальной проблемой трансформирования правовой системы Российской Федерации на современном этапе ее развития является нахождение оптимального баланса в определении принципиальных подходов к правовому регулированию общественных отношений, осложненных участием киберфизических систем, искусственного интеллекта, различных видов роботов и объектов робототехники, а также рассмотрение возможности придания правосубъектности слабому и сильному искусственному интеллекту в различных отраслях права и законодательства. Цель: анализ вопросов, связанных с определением правового статуса искусственных интеллектуальных систем с учетом современных требований, продиктованных достижениями научно-технического прогресса, развитием общественных отношений и принципами правового государства, направленными на обеспечение соблюдения прав и законных интересов личности, общества и государства. Методы: на основе диалектического и метафизического методов применялись общенаучные (анализ, синтез, сравнительно-правовой и др.) и частнонаучные (юридико-догматический, кибернетический, толкования) методы научного познания. Результаты: на современном этапе технологического развития следует говорить о существовании слабого ИИ узкого назначения (Narrow AI) и сильного ИИ общего назначения (General AI). Сверхсильный интеллект (Super AI) пока не существует, хотя его развитие в будущем прогнозируется. Слабый ИИ, безусловно, не может приблизиться к естественному интеллекту, поэтому, исходя из его внутренних свойств, не может считаться субъектом в отношениях ни при каких обстоятельствах. В отличие от слабого ИИ (Narrow AI), General AI (GAI) обладает развитым интеллектом, сравнимым с человеческим по определенным характеристикам. Теоретическое обсуждение придания искусственному интеллекту статуса субъекта или «квази» субъекта права имеет смысл только для технологических решений в ранге

General AI и Super AI. В случае с ИИС речь может идти только о частичной правоспособности. Частичная правоспособность – это статус, применимый к субъектам, имеющим правоспособность только в соответствии с конкретными правовыми нормами, но в противном случае не несущими обязанностей и не имеющими прав. Поэтому при выборе концепта о законодательном присвоении ИИС частичной правоспособности необходимо определить, какие конкретно права или «правообязанности» будут предоставлены General AI и Super AI.

Ключевые слова: искусственный интеллект; робот; робототехника; правовое регулирование; правовое государство; дееспособность; правоспособность.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Для определения места роботов, объектов робототехники или искусственного интеллекта в современном правовом пространстве необходимо ответить на вопрос, могут ли данные системы самостоятельно принимать решения в зависимости от полученной в ходе самообучения информации или их действия представляют только определенный алгоритм, заложенный человеком? Известно, что по аналогии с трактовкой человека как биосоциального существа, в котором сознание (идеальное) и тело (материальное) представляют собой неразрывную дихотомию, в науке и практике предпринимаются попытки создания единого виртуального «человека» (интеллектуальной системы), в котором искусственный интеллект будет помещен в тело робота или отдельный объект робототехники. Главным его качеством становится процесс самообучения, поэтому задача скорейшего правового регулирования ИИ ставится во главу угла практически во всех экономически развитых странах мира начиная уже с 2010-х гг. и особенно в период 2015–2017 гг., когда практически во всех технологически развитых странах мира можно было наблюдать развитие технологий ИИ, свидетельствующее о наступлении шестого технологического уклада в развитии человеческой цивилизации.

Период 2017–2019 гг. стал периодом принятия целого ряда юридических документов, определяющих не только сферы применения различных видов роботов, роботизированных и киберфизических систем, основанных на искусственном интеллекте, самого ИИ, но и необходимости их правового регулирования. В Российской Федерации определение ИИ дано в «Стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019

№ 490¹, который определяется как «комплекс технологических решений», способных имитировать определенный ряд свойств человека и, прежде всего, такого свойства естественного разума, как способность к самообучению. Такая способность является основополагающей и актуализирует вопросы определения места искусственного интеллекта в системе как уже сложившихся общественных отношений, так и складывающихся в недалеком будущем в целях обеспечения благосостояния всех людей, национальной безопасности и экономического развития в современных условиях государственно-правового развития.

Исходя из такой трактовки ИИ, можно сделать вывод, что на современном этапе технологического развития следует однозначно говорить о реальном существовании слабого узкого назначения ИИ (Narrow AI) и сильного общего назначения ИИ (General AI), в то время как сверхсильный интеллект (Super AI) пока даже не обозначен, хотя его развитие в будущем не просто предполагается, а научно прогнозируется [13]. Это важно для определения его правосубъектности, ведь Narrow AI (NAI) работает в полной зависимости от созданного человеком алгоритма, в результате которого такой ИИ способен получать информацию только из того набора данных, который прямо указан в алгоритме, т. е. «помогать» людям в решении конкретной задачи. Такой вид ИИ напрямую соотносится с определением его как системы специальных средств и приемов, используя которые, компьютер на основе уже накопленной информации может отвечать на заданные ему вопросы, делая на базе этого экспертные выводы [11, с. 130]. Не обладая подобием естественного разума, работая в заранее заданном диапазоне, такой слабый ИИ, безусловно, не может даже, в самых смелых мечтах, приблизиться к естественному интеллекту, поэтому, исходя из его внутренних свойств, не может считаться субъектом отношений.

В отличие от слабого ИИ (Narrow AI) General AI (GAI) обладает развитым интеллектом сравнимым с человеческим по определенным характеристикам. Сам термин ввел в научный обиход Джон Серл, по мнению которого основной задачей сильного интеллекта должна стать его способность «обходить» текст Тьюринга на основе алгоритма «китайской комнаты». Обработывая данные со скоростью, превышающей человеческую мысль в десятки, если не в сотни раз, сильный интеллект на основе созданной программы «с правильными входами и выходами» станет аналогом естественного разума (в том смысле, в котором мы сегодня определяем человеческое сознание), а следовательно, уже не будет исключи-

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года") // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 11.10.2019.

тельно объектом в сложившихся отношениях при взаимодействии ИИ между собой и человеком [12]. Если до 2015 г. создание сильного интеллекта представлялось делом далекого будущего, то с появлением «взрывного роста» технологий это уже реальность.

В последние 6–7 лет стали создаваться специальные программы по изучению человеческого мозга для создания аппаратного и программного обеспечения, например: Human Brain Project (НБР) (Швейцария) или Американский проект Brain Activity Map Project («Карта активности мозга», 2013 г.), которые должны быть завершены к 2023 г.; программа BlueBrain по изучению ассамблей нейронов, проект «Банк кодов Земли» Amazon Third Way и т. д. [1]. Super AI (SAI), по определению Ника Бострома, превзойдет естественный интеллект по когнитивным способностям в несколько раз во всех возможных сферах социальной жизни [2]. Именно такая перспектива больше всего вызывает озабоченность у большинства, ведь такой ИИ неподконтролен человеку, моральных или правовых ограничений пока по отношению к нему нет, а следовательно, сверхсильный интеллект будет действовать не только помимо человека, быстрее его принимать решения, но и сможет доминировать над ним ².

Определение ИИ, роботов, объектов робототехники в качестве объекта или субъекта правовых отношений связано с тем, что современные технологии могут совершать юридически значимые действия, при этом зачастую оставаясь механизмом, лишенным признаков социализации. Нахождение человечества на стадии шестого технологического уклада свидетельствует о внедрении в нашу жизнь по меньшей мере пяти факторов, способных полностью изменить не только материальную, но и духовно-нравственную составляющую цивилизационного развития. К их числу должны быть, безусловно, отнесены: базы данных, различного рода алгоритмы, нейронные сети, многообразные облачные технологии [6, с. 86], социальные сети (Facebook, YouTube, Twitter, LinkedIn, Instagram) [7, с. 17] и системы «экспоненциального улучшения аппаратного обеспечения»³. Все перечисленные технологии свидетельствуют о новом этапе взаимодействия человека и окружающего его мира технических вещей, основанном на массовом использовании различного рода киберфизических систем, в том числе и слабом ИИ (NAI) и сильном ИИ (GAI).

В юридической научной литературе принято различать киберфизические системы и искусственные когнитивные системы (ИИ), причем если

² Eight Act amending the road Traffic Act // BMVI [Электронный ресурс]. URL: https://www.bmvi.de/SharedDocs/EN/Documents/DG/eight-act-amending-the-road-traffic-act.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 21.03.2020).

³ Intelligent Robots Development And Distribution Promotion Act [Электронный ресурс]. URL: <http://elaw.klri.re.kr/engmobile/viewer.do?hseq=17399&type=part&key=18> (дата обращения: 31.03.2020).

первые – это совокупность взаимодействующих друг с другом различного рода физических объектов специального программного обеспечения и коммуникационных сетей, то вторые – «компьютерный алгоритм, способный воспринимать окружающую среду, анализировать полученную из нее информацию и на этой основе принимать рациональные решения с разной степенью автономности» [6, с. 87]. Таким образом, главным различием между ними выступает способность автономно действовать вне зависимости от воли человека. При определении возможности быть субъектом права, во-первых, необходимо определить степень такой автономности, а во-вторых, что выступает «оболочкой» таких систем – определенный тип технического средства или внеаппаратная среда по аналогии с естественным сознанием. В первом случае вопрос о соотношении с объектом правоотношений для роботов, объектов робототехники и киберфизических систем будет в определенной степени очевиден. Ведь движимые и недвижимые материальные объекты, используемые «как оборудование, необходимое для улучшения производственных процессов», и решения практических задач обладают свойствами объекта права [3, с. 219].

В случае использования в таких технических средствах ИИ вопрос об отнесении их исключительно к объектам права уже не так однозначен. Степень автономности киберфизических и когнитивных систем от воли человека (заложенных в них точек входа и выхода, того или иного алгоритма, дающего техническому средству права на самообучение и т. д.) напрямую влияет на использование по отношению к ним определений «объект права», «субъект права», «участник правоотношений» и др. Итак, если автономность в принятии решения зависит исключительно от заложенного человеком алгоритма, то она не будет иметь значения для характеристики в правовом плане такой системы, т. к. действия элемента «умного дома» не являются юридическими фактами, а следовательно, не порождают, изменяют или прекращают правоотношения. Если же система на основе ИИ становится участником общественных отношений, то, по мнению Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор, необходимо уже определять его как «новую цифровую личность», что, в свою очередь, свидетельствует о необходимости изменения юридических подходов к определению группы участников правоотношений [14].

На наш взгляд, необходимо разделять всех действующих в правовом пространстве акторов на типичных субъектов права (поименованных в законодательстве как физические и юридические лица, государство, народ и т. д.) и участников общественных отношений (цифровых личностей) – беспилотный автомобиль; робот на высокотехнологичном производстве, осуществляющий сборку продукта без участия человека; антропоморфный робот, применяемый в сфере услуг; боевой беспилотный летательный аппарат, а также провайдеры, блогеры и т. д. [14, с. 87]. Данная

точка зрения получила подтверждение в европейском законодательстве, определяющем правовой статус автопилотников по отношению к иным участникам дорожного движения⁴, заключающееся в праве автопилотников самостоятельно осуществлять важные для человеческой жизни действия, несмотря на то, что они по своей сути являются лишь сложными техническими средствами, управляемыми искусственной когнитивной системой, способной в непредсказуемых условиях самостоятельно выбирать одно из нескольких альтернативных решений» [6, с. 89], а также «умных роботов», используемых в социальной сфере⁵.

Именно такие новые роботы и иные киберфизические системы в силу их свойств и способности влиять на общественные отношения позволяют говорить о появлении в теории права не только субъектов, но и квазисубъектов права [8; 9; 10], которые довольно часто в научной литературе называют социальными роботами [5], имея в виду возможность их социализации в первую очередь, а не использование в социально-экономической сфере. К числу таких роботов с 2004 г. принято относить не только робота-аватара, но и робота – продолжение тела и социального партнера (*sociable partner*) [15]. Они обладают определенными признаками, позволяющими не относить их к объектам правоотношений, а определять как особых участников – *socially interactive robot*, обладающих «способностью выражать и/или воспринимать эмоции; вести (поддерживать) диалог высокого уровня сложности; запоминать/узнавать модели поведения других агентов; устанавливать/поддерживать социальные взаимоотношения; использовать естественные коммуникативные сигналы (взгляд, жесты и др.); демонстрировать заметно выраженные черты характера; обладать способностью тренировать (развивать) социальные компетенции [5, с. 305]. При этом наделение киберфизических систем внешностью человека или животного будет способствовать все большей их социализации в человеческом восприятии, а следовательно, и признанию за ними качеств социального субъекта [18].

Горизонты возможного воздействия технологий сверхразума (искусственного интеллекта) на природу человека в XXI в. действительно становятся все более и более необозримыми. Сегодня в отдельных странах искусственный интеллект, созданный на основе антропоморфных киберсистем, предлагается использовать для взаимодействия людей в целях достижения социально значимых целей. Поэтому в правовом пространст-

⁴ Eight Act amending the road Traffic Act // BMVI [Электронный ресурс]. URL: https://www.bmvi.de/SharedDocs/EN/Documents/DG/eight-act-amending-the-road-traffic-act.pdf?_blob=publicationFile (дата обращения: 21.03.2020).

⁵ Intelligent Robots Development And Distribution Promotion Act [Электронный ресурс]. URL: http://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=17399&type=part&key=18 (дата обращения: 31.03.2020).

ве⁶ как основном объекте правовой онтологии особое место занимает пространство виртуальной реальности, которое, по мнению Г.А. Гаджиева, также как и развитие все новых и новых технических и технологических возможностей создает предпосылки для изменения всей системы права в целом и института правосубъектности в частности [4, с. 14]. Причиной этого могут служить пока неразрешенные законодательным путем вопросы: легальное определение каждой из интеллектуальных систем; отнесение искусственного интеллекта, интеллектуальных систем и иных объектов информационных технологий к субъектам или объектам правовых отношений; содержание вида и особенностей юридической ответственности за неверные решения или действия искусственного интеллекта; определение прав искусственного интеллекта, особенностей трудовых и налоговых правоотношений при условии использования его работодателями и т. д. Поэтому при определении за киберфизическими и когнитивными системами качеств субъекта права станет необходимым признание за ними и в полной мере юридической ответственности, что, на наш взгляд, на современном этапе развития технологического уклада является преждевременным.

Библиографические ссылки

1. Баррат Дж. Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens. М. : Альпина нон-фикшн, 2015.
2. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/Twilight/Downloads/[Nik_Bostrom]_Iskusstvennei_intellekt._YE tapue,_u(z-lib.org).pdf (дата обращения: 10.03.2020).
3. Габов А.В., Хаванова И.А. Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 215–233. DOI: 10.17223/15617793/435/28
4. Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография. М. : НОРМА: НИЦ ИНФРА-М, 2013.
5. Зильберман Н.Н., Стефанцова М.А. Социальный робот: подходы к определению понятия // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 11 (67). С. 297–312. DOI: 10.12731/2218-7405-2016-11-297-312.

⁶ См. подробнее: Попова А.В. Философия права : учебное пособие. Ч. 1. М. : Инфра-М, 2019. С. 28–44; Терентьев И.А. Правовое пространство как форма социальной реальности: к постановке проблемы // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6 [Электронный ресурс]. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/files/2015-6/philosophy/terentyev.pdf (дата обращения: 29.06.2019).

6. Регулирование взаимодействия человека с автономными техническими средствами: дискуссия о правовых режимах / Д.Л. Кутейников, О.А. Ижаев, В.А. Лебедев, С.С. Зенин // Lex Russica. 2019. № 9 (154). С.86–95. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.154.9.085-095.
7. Паньшин Б.Н. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития // Наука и инновации. 2016. № 3. С. 17–20.
8. Попова А.В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. 2018. Т. 6. № 11. С. 14–24.
9. Попова А.В. Электронная личность: к вопросу о правовом регулировании / Публично-правовые средства эффективности развития экономики и финансов (ч. I. Публично-правовые средства цифровизации управления, экономического и социального. (Аспирантура). (Магистратура) : монография / под ред. Г.Ф. Ручкина, М.А. Лапина. М. : Русайнс, 2020. С. 30–46.
10. Попова А.В., Абрамова М.Г. Природа природы и онтология человека: к вопросу о новых субъектах права // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1. С. 54–63.
11. Пройдаков Э.М. Современное состояние искусственного интеллекта // Наукоедческие исследования. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. С. 129–153. DOI: 10.31249/scis/2018.00.09.
12. Серл Д. Разум мозга – компьютерная программа? // В мире науки. 1990. № 3. С. 7–13. URL: <https://psychosearch.ru/teoriya/psikhika/338-searle-john-gazum-mozga-kompyuternaya-programma> (дата обращения: 18.03.2020).
13. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовое пространство: постклассическая интерпретация // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 3 (8). С. 81–88.
14. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в эпоху цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
15. Breazeal C. Social interactions in HRI: the robot view // IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics, Part C: Applications and Reviews 34. 2004. № 2. Pp. 181–186.
16. Brynjolfsson E. and Avinash C. How Should We Measure the Digital Economy? // Harvard Business Review. 2019. № 97 (6). Pp. 140–148. DOI: 10.1257/aer.20170491.
17. Brynjolfsson E., McAfee A. Machine, Platform, Crowd: Harnessing Our Digital Future. 2017. NewYork : W.W. Norton, 2017.
18. Yang S. et al. Experiences developing socially acceptable interactions for a robotic trash barrel // Robot and Human Interactive Communication (ROMAN). 2015 24th IEEE International Symposium on. IEEE, 2015. Pp. 277–284.

Дата поступления: 12.06.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.3

**ON THE ISSUE OF THE NEED FOR THE INSTITUTION OF LEGAL
PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AT THE
PRESENT DEVELOPMENT STAGE OF THE RULE-OF-LAW STATE**

GOROKHOVA Svetlana Sergeevna

*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the
Department of International and Public Law, Financial University under the
Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

E-mail: sgorohova@fa.ru

An urgent problem of transforming Russian legal system at the present stage of its development is to find an optimal balance in determining fundamental approaches to the legal regulation of public relations complicated by cyberphysical systems, artificial intelligence, various types of robots and robotics objects, as well as to consider the possibility of giving legal personality to weak and strong artificial intelligence in various branches of law and legislation. Purpose: analysis of the issues related to determining the legal status of artificial intellectual systems, taking into account modern requirements dictated by scientific and technological progress, the development of social relations, and the rule-of-law principles, aimed at ensuring respect for the individual rights and legitimate interests, society and the state Methods: on the basis of dialectical and metaphysical methods, general scientific (analysis, synthesis, comparative law, etc.), and specific scientific (legal-dogmatic, cybernetic, interpretation) methods of scientific knowledge are used. Results: at the present stage of technological development, we should talk about the existence of a weak narrow-purpose AI (Narrow AI) and a strong General-purpose AI (General AI). Super-strong intelligence (Super AI) does not yet exist, although its development is predicted in the future. Narrow AI, of course, can not reach natural intelligence, so, based on its internal properties, it can not be considered a subject in relations under any circumstances. In contrast to narrow AI (Narrow AI), General AI (GAI) has a developed intelligence comparable to that of a human in certain characteristics. The theoretical discussion of giving an artificial intelligence the status of a subject or a “quasi” subject of law makes sense only for technological solutions in the rank of General AI and Super AI. In the case of an AIS, it can only be a question of partial legal capacity. Partial legal capacity is a status that applies to subjects that have legal capacity only in accordance with specific legal norms, but are otherwise not obligated or entitled. Therefore, when choosing the concept of legislative assignment of partial legal capacity to the AIS, it is necessary to determine which specific rights or “right obligations” will be granted to General AI and Super AI.

Key words: artificial intelligence; robot; robotics; legal regulation; rule-of-law state; legal capability; legal capacity.

References

1. Barrat Dzh. Poslednee izobretenie chelovechestva: Iskusstvennyj intellekt I konec jery Homosapiens. (The Last Invention of Humanity: Artificial Intelligence and the End of the Homo sapiens Era). Moscow, Al'pinanonfikshn, 2015.
2. Bostrom N. Iskusstvennyj intellekt. Jetapy. Ugrozy. Strategii. (Artificial Intelligence. Stages. Threats. Strategy). Available at: file:///C:/Users/Twilight/Downloads/[Nik_Bostrom]_Iskusstvennuei_intellekt._YEtapue,_u(z-lib.org).pdf (accessed date: 10.03.2020).
3. Gabov A.V., Havanova I.A. Jevoljucija robotov I pravo XXI veka (Evolution of Robots and Law of the XXI Century), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, No. 435, pp. 215–233. DOI: 10.17223/15617793/435/28.
4. Gadzhiev G.A. Ontologija prava: (kriticheskoe issledovanie juridicheskogo koncepta dejstvitel'nosti) (Ontology of Law: (critical study of the legal concept of reality)), monografija. Moscow, NORMA: NIC INFRA-M, 2013.
5. Zil'berman N.N. Social'nyj robot: podhody k opredeleniju ponjatija (Social Robot: Approaches to the Definition of the Concept), *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*, 2016, No. 11(67), pp. 297–312. DOI: 10.12731/2218-7405-2016-11-297-312.
6. Kutejnikov D.L. Regulirovanie vzaimodejstvija cheloveka s avtonomnym I tehničeskimi sredstvami: diskussija o pravovyh rezhimah (Regulation of human interaction with autonomous technical means: discussion on legal regimes), *Lex Russica*, 2019, No. 9 (154), pp. 86–95. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.154.9.085-095.
7. Pan'shin B.N. Cifrovaja ekonomika: osobennosti i tendencii razvitija (Digital Economy: Features and Trends of Development), *Nauka i innovacii*, 2016, No. 3, pp. 17–20.
8. Popova A.V. Novye sub'ekty informacionnogo obshhestva I obshhestva znaniya: k voprosu o normativnom pravovom regulirovanii (New Subjects of Information Society and Knowledge Society: to the Issue of Normative Legal Regulation), *Zhurnal rossijskogo prava*, 2018, V. 6, No. 11, pp. 14–24.
9. Popova A.V. Jelektronnaja lichnost': k voprosu o pravovom regulirovanii (Electronic Personality: to the issue of legal regulation), Publichno-pravovye sredstva jeffektivnosti razvitij jekonomik I ifinansov (ch. I. Publichno-pravovye sredstva cifrovizacii upravlenija, jekonomicheskogo I social'nogo. (Aspirantura). (Magistratura). Monografija, pod red. G.F. Ruchkina, M.A. Lapina, Moscow, Rusajns, 2020, pp. 30–46.
10. Popova A.V., Abramova M.G. Priroda prirody I ontologija cheloveka: k voprosu o novyh sub'ektah prava (Nature of Nature and Human Ontology: to

the question of new subjects of law), *Rossiiskij zhurnal pravovyh issledovanij*, 2017, No. 1, pp. 54–63.

11. Projdakov Ye.M. Sovremennoe sostojanie iskusstvennogo intellekta (Modern State of Artificial Intelligence), *Naukovedcheskie issledovanija*. Moscow, Institut nauchnoj informacii po obshhestvennym naukam RAN, 2018, pp. 129–153. DOI: 10.31249/scis/2018.00.09

12. Sjol D. Razummozga – komp'juternaja programma? (Mind Is a Computer Program?), *V mire nauki*, 1990, No. 3, pp. 7–13. Available at: <https://psychosearch.ru/teoriya/psikhika/338-searle-john-razum-mozga-kompyuternaya-programma> (accessed date: 18.03.2020).

13. Skorobogatov A.V. Pravovoe prostranstvo: postklassicheskaja interpretacija (Legal space: post-classical interpretation), *Rossiiskij zhurnal pravovyh issledovanij*, 2016, No. 3 (8), pp. 81–88.

14. Habrieva T.Ya. Pravo v jepohu cifrovoj real'nosti (Law in the Age of Digital Reality), *Zhurna lrossijskogo prava*, 2018, No. 1, pp. 85–102.

15. Breazeal C. (2004) *Social interactions in HRI: the robot view*, IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics, Part C, Applications and Reviews 34, No 2, pp. 181–186.

16. Brynjolfsson E. and Avinash C. (2019) How Should We Measure the Digital Economy? / E. Brynjolfsson, E & C. Avinash, *Harvard Business Review*, No. 97(6), pp. 140–148. DOI: 10.1257/aer.20170491.

17. Brynjolfsson E., McAfee A. (2017) *Machine, Platform, Crowd: Harnessing Our Digital Future*, NewYork, W.W. Norton.

18. Yang S. et al. (2015) Experiences developing socially acceptable interactions for a robotic trash barrel, *Robot and Human Interactive Communication (ROMAN)*, 24th IEEE International Symposium on. IEEE, pp. 277–284.

Received: 12.06.2020

**ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ
КАК ОСНОВА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

ПОПОВА Анна Владиславовна

доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»; профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Бакинский государственный университет»; профессор кафедры конституционного права Юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва, Россия. E-mail: anna0710@yandex.ru

Вопросы правовой регламентации правовых и этических принципов взаимодействия человека, общества, государства в лице государственных органов являются необходимым условием гарантированности конституционных норм, закрепляющих человека, его права и свободы как высшую ценность Российской Федерации. ИИ, беря на себя задачи сквозного и прозрачного государственного и муниципального управления на основе Больших данных и с использованием Искусственного интеллекта, представляет особый элемент в складывающихся общественных отношениях, которые должны, по нашему убеждению, подчиняться робоэтике и этике ИИ, созданной наподобие юридической этики. Именно поэтому этика принятия решения и действий самого ИИ, этика тех программистов, которые создают алгоритмы, по которым действуют и самообучаются эти системы, этика взаимодействия человека и киберфизических и когнитивных систем представляет собой предмет правового регулирования. Цель: анализ современных этических принципов взаимодействия человека и искусственного интеллекта, нейронных сетей и умных роботов, являющихся основой для формирования современного законодательства в данной сфере в США, странах Западной Европы и Восточной Азии. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Применялись частнонаучные методы: сравнительно-правой, юридико-догматический. Результаты: исследование позволило на основе сравнительно-правового анализа

существующих этических кодексов, иных юридических документов по использованию и взаимодействию с ИИ определить сущностные черты этики взаимодействия с человеком и этики создателей программного обеспечения ИИ, профессиональной этики разработчиков систем ИИ и этики принятия решения ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект; робот; робототехника; правовое регулирование; правовое государство; этика; эмпатия; этический кодекс.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Особое внимание с недавних пор приковано к проблеме этики, а именно этики принятия решения и действий самого ИИ, этики тех программистов, которые создают алгоритмы, по которым действуют и самообучаются эти системы, этики взаимодействия человека и киберфизических и когнитивных систем. Ведь использование роботов, нейронных сетей и ИИ влечет за собой необходимость решения этических проблем, возникающих при использовании автономных беспилотников, случаи манипулирования доступностью информации, сексизма и расизма в алгоритмах распознавания лиц и таргетированной рекламы с использованием ИИ, последствия применения алгоритмов в работе государства [9; 10]. В ноябре 2019 г. в Москве на конференции по искусственному интеллекту «AI Journey» Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил важность и необходимость развития ИИ в России, предложив профессиональному сообществу, компаниям подумать над формированием свода этических правил взаимодействия человека с искусственным интеллектом» [4]. С 2016 г. большинство государств с цифровой экономикой включились в технологическую гонку по разработке роботов, киберфизических и нейронных сетей, ИИ: к 2020 г. были приняты тридцать четыре стратегии по развитию ИИ. Поэтому так важно именно сегодня задать этические рамки развития ИИ, ограничить возможности его неэтичного применения и направить энергию разработчиков и идеи законодателей в русло, обеспечивающее максимальную безопасность и выгоду для общества [1].

При формировании законодательства о роботах-беспилотниках особое внимание уделяется тому, как правильно с точки зрения нравственных ценностей создать программное обеспечение для робота, в том числе и тогда, когда при определенной ситуации при дорожно-транспортном происшествии не удастся избежать причинения вреда человеку. Для сбора информации о предпочтительном решении и, возмож-

но, создания универсальной этики беспилотных автомобилей с 2016 г. была запущена онлайн тест-система Moral Machine (<http://moralmachine.mit.edu>) на десяти языках, где каждый может пройти 13 тестов, заключающихся в модификации знаменитой «проблемы вагонетки» Ф. Фута [7]. Каждому предлагается сделать выбор, кого оставить в живых при невозможности избежать жертв вообще – мужчин или женщин, детей или взрослых, собак или кошек, толстых или стройных, маргинальных или законопослушных, врачей или чиновников и т. д. Система сайта фиксирует возраст, место нахождения, пол, социальный статус, политические, религиозные и иные убеждения и иную информацию [6], разделяя людей условно на три зоны, в зависимости от господствующей религии (западная – христианство, восточная – ислам, конфуцианство и южная – Андские страны и воспринявшие французское влияние). С учетом анализа таких данных приняты нормативные правовые акты: «Изменения в Закон о дорожном движении Германии для целей использования высокоавтоматизированных автомобилей» (ФРГ, 2017) ¹; «Руководство по испытаниям автоматизированных транспортных средств» (Австралия, 2017) ²; «Пробный свод правил для испытания автономных транспортных средств на территории Китая» (Китай, 2018) ³; «Резолюция о запрете применения автономных смертельных систем вооружения» (Бельгия, 2018) ⁴; «Директива об автоматизированном принятии решений для федеральных учреждений» (Канада, 2019). Отказаться от опроса общественного мнения при создании этики искусственного интеллекта решили в 2017 г. в Германии. В Рекомендациях по беспилотным автомобилям ⁵ запрещено в случае неизбежной аварии «выбирать возможных жертв (из числа людей. – А. П.) по каким-либо личным качествам (возрасту, полу, физическому и ментальному состоянию)», сохраняя при общих равных условиях жизнь че-

¹ Germany Permits Automated Vehicles // White & Case [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitecase.com/publications/article/germany-permits-automated-vehicles> (дата обращения: 01.04.2020).

² Automated vehicle trial guidelines // National Transport Commission. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ntc.gov.au/codes-and-guidelines/automated-vehicle-trial-guidelines> (дата обращения: 01.04.2020).

³ 智能网联汽车道路测试管理规范（试行） // 工业和信息化部 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.miit.gov.cn/n1146295/n1652858/n1652930/n3757018/c6128243/content.html> (дата обращения: 01.04.2020).

⁴ Résolution visant à interdire l'utilisation, par la Défense belge, de robots tueurs et de drones armés // Chambre des représentants de Belgique. [Электронный ресурс]. ГКДЖ https://www.lachambre.be/FLWB/pdf/54/3203/54K3_203005.pdf (дата обращения: 01.04.2020).

⁵ Ethics Commission Automated and Connected Driving [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bmvi.de/SharedDocs/EN/publications/report-ethics-commission-automated-and-connected-driving.pdf?blob=publicationFile> (дата обращения: 01.04.2020).

ловека, против имущества или жизни животного. При этом на один из вопросов, поднятых в Moral Machine, был дан ответ: «...те стороны, которые вовлечены в создание опасности при движении, не должны приносить в жертву невовлеченные стороны»⁶.

Другой проблемой при создании этических принципов взаимодействия с нейронными сетями и сильным ИИ является возможность их «обучения» морали, создания единого алгоритма действия. Ведь в условно восточных и условно западных странах в отношении к самой морали и способам ее воспитания в социуме существует принципиальное отличие, которое и выразилось в отношении к новым технологическим акторам XXI в. Главной задачей традиционного общества является воспитание «благородного мужа» (цзюнь-цзы) в Китае и Южной Корее, обладающего специальным набором качеств, изложенных в конфуцианстве, или «человека чести» (хадзи о сиру) в Японии, который никогда не совершит ничего, за что он может подвергнуться осуждению со стороны социума, что лежит в основе синтоизма. Иначе говоря, жители азиатских стран акцентированы не на сам поступок, причинно-следственную связь, смягчающие обстоятельства и др., а на результаты действия человека, даже самые косвенные, на появление которых тот не в силах повлиять, но которые могут отразиться на благополучии всех.

Исходя из принципов синтоизма, роботы, киберфизические системы и ИИ признаются имеющими душу наравне с человеком и именуются в соответствии с ч. 1 ст. 2 Закона № 9014 от 28 марта 2008 г. (в ред. Закона № 13744 от 6 января 2016 г.) «О содействии развитию и распространению умных роботов»⁷ (далее – Закон об умных роботах) «умными роботами», т. е. «механическими устройствами, способными воспринимать окружающую среду, распознавать обстоятельства, в которых они функционируют, и целенаправленно передвигаться самостоятельно». В силу данного факта умные роботы признаются акторами социума, действующими наравне с людьми и выполняющими единую с ними цель, обозначенную как содействие улучшению качества жизни граждан и развитию экономики страны». За ними в ст. 30 Раздела V Закона об умных роботах даже закрепляется отдельная территория их «проживания, развития и распространения» – Роботлэнд. Однако даже при таком лояльном отно-

⁶ Ethics Commission Automated and Connected Driving [Электронный ресурс]. URL: https://www.bmvi.de/SharedDocs/EN/publications/report-ethics-commission-automated-and-connected-driving.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 01.04.2020).

⁷ Intelligent Robots Development and Distribution Promotion [Электронный ресурс] / перевод выполнен А. Незнамовым, М. Ивановой для Исследовательского центра проблем регулирования робототехники и ИИ robopravo.ru. URL: <https://www.robopravo.ru>. (дата обращения: 01.04.2020).

шении к ИИ как возможному актору, действующему наравне с человеком, и в целом симпатизируя роботам, в возложении на них ответственности как обязательного элемента свободного поведения создатели закона отказывают. В «Этических руководящих принципах для Японского общества искусственного интеллекта (JSAI)» (2017) делается принципиальное различие между слабым и сильным ИИ. Ответственность за роботов возлагается на программистов, создателей роботов, членов Научного общества искусственного интеллекта (JSAI), но Правило 9 гласит, что «AI (имеется в виду сильный ИИ. – А. П.) должен соблюдать этические правила также как и члены JSAI, чтобы стать членом или квазичленом общества»⁸.

По-иному воспринимаются роботы, нейронные системы, ИИ в западной культуре. В отличие от азиатских стран, внедрению ИИ и других цифровых технологий в странах западноевропейской культуры препятствует в первую очередь низкий уровень доверия граждан к алгоритмам и новым технологиям, в принципе, а также отсутствие понятных этических рамок в применении ИИ. Фантастика А. Азимова, С. Лема, высказываемые опасения И. Маска, Б. Гейтса [8] вызывают у общества страх перед возможным превосходством интеллектуальных роботов [6], что и находит свое подтверждение в создаваемых в странах ЕС и США программах развития ИИ и этических нормах. Возможно, что столь разительное отличие в восприятии ИИ в восточной и западной культурах кроется и в господствующей доктрине прав человека – приоритет индивидуальных или коллективных прав. До пандемии 2020 года ИИ, исходя из доктрин либерализма и гуманизма, не мог быть признан актором наравне с человеком, что и было заявлено в национальных стратегиях ИИ и этических правилах. Как отмечал Н. Бостром, «рационалистическая суть ИИ несовместима с гуманностью и человечностью. Ведь основное свойство разума, проторазума, иного разума и т. д. – это, прежде всего, приспособлять к себе окружающую среду. Поскольку у разума как такового нет нравственности, он может «пойти» на все, что считает целесообразным» [6, с. 62].

К апрелю 2020 г. практически во всех странах были приняты юридические акты и различного рода рекомендации, посвященные этике ИИ: «Азиломарские принципы ИИ» (США, 2017)⁹; Рекомендации по беспи-

⁸ 人工知能学会倫理指針 [Электронный ресурс]. URL: <http://ai-elsi.org/wp-content/uploads/2017/02/.pdf> / Английский перевод The Japanese Society for Artificial Intelligence Ethical Guidelines [Электронный ресурс]. URL: <http://ai-elsi.org/wp-content/uploads/2017/05/JSAI-Ethical-Guidelines-1.pdf> (дата обращения: 02.04.2020).

⁹ AsilomarAIPrinciples [Электронный ресурс]. ГКДЖ <https://futureoflife.org/ai-principles/?cn-reloaded=1> (дата обращения: 01.04.2020).

лотным автомобилям (Германия, 2017) ¹⁰, Монреальская декларация об ответственном развитии искусственного интеллекта ¹¹ (Канада, 2017); «Этические руководящие принципы для Японского общества искусственного интеллекта (JSAI)» [18] (Япония, 2017); Руководство по этике для надежного ИИ Специальной группы экспертов высокого уровня Совета Европы (СЕ, 2018) ¹²; Модельная конвенция робототехники и искусственного интеллекта (Россия, 2018) ¹³; Римский призыв к этике ¹⁴ (Ватикан, 2020); Этические принципы для искусственного интеллекта (США, 2020) ¹⁵. Анализируя принятые юридические акты, можно выделить следующие ключевые этические принципы: безопасность, надежность, прозрачность, инклюзивность, защита прав человека, беспристрастность, справедливость, контролируемость, все системы ИИ, роботы, конфиденциальность, ответственность.

Таким образом, когда мы говорим об этических принципах, следует иметь в виду общие системы жизненных программ, основанные на определенных источниках и системах координат, преимущественно в дихотомии добро – зло, а если о моральных, то систему конкретных принципов отдельного человека или общества на конкретном временном этапе его развития [2]. Поэтому для программирования роботов, создания их программного обеспечения следует говорить исключительно об этических принципах взаимодействия человека и таких киберфизических систем. При этом необходимо отметить, что сфера применения роботов оказывает значительное влияние на систему таких этических принципов. Полагаем, что следует различать дата-этику (умный город, умный дом, Big-Data, системы распознавания лиц и др.); этику социальных роботов (боты-адвокаты, роботы-сиделки, роботы-учителя, роботы-медицинский

¹⁰ Ethics Commission Automated and Connected Driving [Электронный ресурс]. URL: https://www.bmvi.de/SharedDocs/EN/publications/report-ethics-commission-automated-and-connected-driving.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 01.04.2020).

¹¹ Montréal Declaration: Responsible AI // Université de Montréal [Электронный ресурс]. URL: <https://mila.quebec/en/2018/12/official-launch-of-the-montreal-declaration-for-responsible-development-of-artificial-intelligence/> (дата обращения: 01.04.2020).

¹² Ethics Guidelines For Trust Worthy AI [Электронный ресурс]. URL: [file:///C:/Users/1234/Downloads/AIHLEG_Ethics Guidelines for Trustworthy AI-ENpdf.pdf](file:///C:/Users/1234/Downloads/AIHLEG_Ethics%20Guidelines%20for%20Trustworthy%20AI-EN.pdf) (дата обращения: 01.04.2020).

¹³ Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте [Электронный ресурс]. URL: <http://robopravo.ru/modielnaiakonvientsiia> (дата обращения: 01.04.2020).

¹⁴ Rome Call for AI Ethics [Электронный ресурс]. URL: http://www.academyforlife.va/content/dam/pav/documenti %20pdf/2020/CALL %2028 %20febbraio/AI %20Rome %20Call %20x %20fi rma_DEF_DEF_.pdf (дата обращения: 01.04.2020).

¹⁵ Ethical Principles for Artificial Intelligence [Электронный ресурс]. URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Releases/Release/Article/2091996/dod-adopts-ethical-principles-for-artificial-intelligence/> (дата обращения: 05.04.2020).

персонал и др.); этику военных роботов; этику ИИ в сфере охраны правопорядка и правосудия и т. д.

В случае, когда мы имеем дело с нейронными сетями, сильным ИИ и предполагаем появление в недалеком будущем сверхсильного ИИ, необходимо создание по меньшей мере трех видов этики [18]:

1) этика принятия решения ИИ – первые «точки входа» создает человек, закладывая определенные моральные принципы, но в процессе самообучения система ИИ ведет себя автономно, улучшая свои параметры и принимая решения, влияющие на жизнь человека; поэтому необходимы гарантии моральности ИИ, что вызывает наибольшие трудности при верификации морального выбора;

2) этика взаимодействия с человеком и этика создателей программного обеспечения ИИ, цель которой проанализировать и предотвратить этические коллизии, возникающие в процессе применения ИИ, а именно: нарушение приватности, возможная дискриминация, социальное расслоение, проблемы трудоустройства и т. д.;

3) профессиональная этика разработчиков систем ИИ, включающая в себя такие принципы, как вклад в развитие человечества (защитить основные права человека, уважать культурное разнообразие, предотвращать угрозу безопасности человека); соблюдение законов и нормативных актов; уважение частной жизни других лиц; справедливость (беспристрастность, запрет любой дискриминации); безопасность (создание мер безопасности для самого ИИ, безопасность, управляемость и необходимая конфиденциальность при обеспечении того, чтобы пользователям ИИ предоставлялись соответствующие и достаточные средства, информация); добросовестность, основанная на доверии общества к технологиям ИИ; подотчетность и социальная ответственность; коммуникабельность и саморазвитие.

Библиографические ссылки

1. Готовцев П.М., Карпов В.Э., Нестик Т.А., Потапова Е.Г. Зачем искусственному интеллекту этика? [Электронный ресурс]. URL: http://ethics.cdto.center/3_1 (дата обращения: 03.04.2020).
2. Зубец О.Н. Моральная философия и этика: взгляд через различия начала и причины // Гуманитарные ведомости ТПГУ им. Л.Н. Толстого. 2019. № 2 (30). С. 148–158. DOI 10.22405/2304-4772-2019-1-2-148-158.
3. Максимов Л.В. Этика и мораль: соотношение понятий // Этическая мысль. 2003. С. 14–22.

4. Путин В.В. РФ способна стать одним из глобальных лидеров в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7096728> (дата обращения: 28.03.2020).
5. Стерледев Р.К., Стерледева Т.Д. Искусственный интеллект в аспекте ноосферы: почти фантастика? // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ). Культура. История. Философия. Право. 2017. № 2. С. 61–65. DOI: 10.15593/perm.kipf/2017.2.08 (дата обращения: 28.03.2020).
6. Шестаков И. Моральный код: почему общество не может научить компьютер морали. 20 февраля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/844965/ignat-shestakov/moralnyi-kod-pochemu-obshchestvo-ne-mozhet-nauchit-kompiuter-morali> (дата обращения 03.04.2020).
7. Foot Ph. The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect in Virtues and Vices. Oxford: Basil Blackwell, 1978.
8. Holley P., Gates B. On dangers of artificial intelligence: “I don’t understand why some people are not concerned” (2015) [Electronic Resources]. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/> (дата обращения: 02.04.2020).
9. Musk E. We need to Regulate AI before 'it's too Late' [Electronic Resources]. URL: <http://thehill.com/policy/technology/342345-elon-musk-we-need-to-regulate-ai-before-its-too-late> (дата обращения: 02.04.2020).
10. Simonite T. AI experts want to end «black box» algorithms in government [Электронный ресурс] // Wired Business. URL: <https://www.wired.com/story/ai-experts-want-to-end-black-box-algorithms-in-government> (дата обращения: 13.03.2020).

Дата поступления: 23.06.2020

ETHICAL PRINCIPLES OF INTERACTION WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A BASIS OF LEGAL REGULATION

ПОПОВА Анна Владиславовна

Doctor of Law, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University; Professor of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law named after M. M. Speransky of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. E-mail: anna0710@yandex.ru

The issues of legal regulation of legal and ethical principles of interaction between a person, society, and the state represented by state bodies are a necessary condition for guaranteeing constitutional norms that enshrine a person, his rights and freedoms as the highest value of the Russian Federation. AI, taking on the tasks of end-to-end and transparent state and municipal management based on Big data and using Artificial intelligence, is a special element in the emerging public relations, which we believe should be subject to the robot ethics and AI ethics, created like legal ethics. That is why the ethics of decision-making and actions of the AI itself, the ethics of those programmers who create algorithms that these systems use to operate and self-learn, the ethics of human interaction with cyberphysical and cognitive systems is a subject of legal regulation. Purpose: to analyze the current ethical principles of interaction between human and artificial intelligence, neural networks and smart robots, which are the basis for the formation of modern legislation in this area in the United States, Western Europe and East Asia. Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Specific scientific methods are used: comparative-legal, legal-dogmatic. Results: the study allows us to determine the essential features of human interaction ethics and ethics of AI software creators, professional ethics of AI system developers, and decision-making ethics based on a comparative legal analysis of existing ethical codes and other legal documents on the use and interaction with AI.

Key words: artificial intelligence; robot; robotics; legal regulation; rule-of-law state; ethics; empathy; code of ethics.

References

1. Gotovtsev P.M., Karpov V.E., Nestik T.A., Potapova E.G. Zachem iskusstvennomu intellektu etika? (Why does artificial intelligence need ethics?). Available at: http://ethics.cdto.center/3_1 (accessed date: 03.04.2020).
2. Zubets O.N. Moral'naya filosofiyai etika: vzglyad cherez razlicheniya nachala i prichiny (Moral Philosophy and Ethics: Looking Through Differences of Origin and Causes), Gumanitarnye vedomosti TPGU im. L.N. Tolstogo, 2019, No. 2 (30), pp. 148–158. DOI 10.22405/2304-4772-2019-1-2-148-158.
3. Maksimov L.V. Etika i moral': sootnoshenie ponyatii (Ethics and Morality: Ratio of Concepts), Eticheskaya mysl', 2003, pp. 14–22.
4. Putin V.V. RF sposobna stat' odnim iz global'nykh liderov v sfere iskusstvennogo intellekta. (The Russian Federation can become one of the global leaders in the field of artificial intelligence.). Available at: <https://tass.ru/ekonomika/7096728> (accessed date: 28.03.2020).
5. Sterledev R.K., Sterledeva T.D. Iskusstvennyy intellekt v aspekte noosfery: pochtii fantastika? (Artificial Intelligence in the Aspect of the Noosphere: Almost Fantastic?), Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta (PNIPU), Kul'tura, Istoriya, Filosofiya, Pravo, 2017, No. 2, pp. 61–65. DOI: 10.15593/perm.kipf/2017.2.08.
6. Shestakov I. Moral'nyi kod: pochemu obshchestvo ne mozhet nauchit' komp'yuter morali. (Moral code: why society cannot teach the computer morality), 20 fevralya 2019 g. Available at: <https://iz.ru/844965/ignat-shestakov/moralnyi-kod-pochemu-obshchestvo-ne-mozhet-nauchit-kompiuter-morali> (accessed date: 03.04.2020).
7. Foot Ph. The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect in Virtues and Vices, Oxford, Basil Blackwell, 1978.
8. Holley P., Gates B.(2019) On dangers of artificial intelligence: “I don’t understand why some people are not concerned”(2015). Available at: <https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/> (accessed date: 02.04.2020).
9. Musk E. We need to Regulate AI before 'it's too Late'. Available at: <http://thehill.com/policy/technology/342345-elon-musk-we-need-to-regulate-ai-before-its-too-late> (accessed date: 02.04.2020).
10. Simonite T. AI experts want to end «black box» algorithms in government. *Wired Business*. Available at: <https://www.wired.com/story/ai-experts-want-to-end-black-box-algorithms-in-government> (accessed date: 13.03.2020).

Received: 23.06.2020

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ
ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

**TOPICAL ISSUES OF THE DEVELOPMENT
OF SECTORAL LEGISLATION**

УДК 351.74

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.5

**СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ «ПАБЛИК РИЛЕЙШНЗ»
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ**

БУНЬКОВСКИЙ Дмитрий Владимирович

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, Россия. E-mail: bdv611@yandex.ru

ГАЙДАЙ Мария Константиновна

доктор социологических наук, доцент, начальник кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, Россия. E-mail: mkgfip@mail.ru

Развитие правового государства в условиях интенсивной эволюции общественного мнения требует глубокого понимания закономерностей функционирования общественного мнения о деятельности органов государственной власти. Данные предпосылки актуализируют исследования различных аспектов общественного мнения и таких связанных с ним категорий, как «паблик рилейшнз». Цель: исследование сущности и значения «паблик рилейшнз» в деятельности органов государственной власти, в частности органов внутренних дел. Методы: в данном исследовании использованы теоретические методы дедуктивной логики, а также эмпирические методы наблюдения, сравнения, обобщения, интерпретации. Результаты: в ходе исследования определены основные характеристики «паблик рилейшнз» и ключевые направления связей с общественностью учреждений системы органов внутренних дел Российской Федерации. Обобщены функции «паблик рилейшнз» на разных этапах взаимодействия с населением. Предложены рекомендации к выбору подходов и стратегий связей с общественностью для учреждений системы органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: «паблик рилейшнз»; полиция; общественное мнение; государство; органы внутренних дел; связи с общественностью.

Осмысление таких категорий, как «общественное мнение» и «публик рилейшнз» на протяжении длительного времени является актуальной проблемой теории государства и права и социально-гуманитарных наук в целом. В современном мире эта актуальность существенно увеличивается, поскольку в процессе социальной и научно-технической динамики интенсивно меняются условия и порядок функционирования общественного мнения и его значение. Области воздействия общественного мнения постоянно расширяются, функции и взаимозависимости усложняются, повышается компетентность носителей общественного мнения, непрерывно расширяется круг проблем и явлений, оказывающихся объектами общественного мнения.

Сегодняшние реалии современного российского государства характеризуются изменением в целом правовой политики, она становится все более социально ориентированной [6, с. 151]. В соответствии со статьей 9 Федерального закона «О полиции» мнение населения является официальной оценкой работы полиции как по Российской Федерации в целом, так и на уровне отдельного субъекта Федерации. Мониторинг и анализ общественного мнения о деятельности территориального органа внутренних дел выступает ключевым механизмом в системе управления данным органом внутренних дел. В этом контексте следует отметить, что, «совершенствуя систему диалога органов внутренних дел с общественностью, СМИ, населением, принципиально важно исходить из содержания Федерального закона "О полиции", а также принципов и норм профессиональной этики, системы нравственных, профессионально-этических ценностей, принципов и обязательств, которыми сотрудник полиции должен руководствоваться в процессе профессиональной деятельности и в повседневной жизни, в быту, в семье» [12, с. 106]. А методологическая преемственность, унифицированная система показателей, повторяемость проводимых замеров по изучению мнения о деятельности полиции дают возможность сопоставлять полученные данные, учитывая специфику регионов и общенациональные показатели [8, с. 137].

Постоянный мониторинг и исследования общественного мнения о деятельности органов внутренних дел являются неотъемлемой частью функционирования правового государства и имеют особое значение в выявлении суждений, мнений и оценок граждан. Основным подразделением в ОВД, осуществляющим связи с общественностью, являются пресс-службы [1, с. 309].

По мнению специалистов, одной из особенностей PR деятельности в государственных структурах является оповещение граждан о сути работы этих структур и о принимаемых решениях [7, с. 487].

Для любого учреждения, организации, которая стремится быть успешной и заинтересована в максимизации эффективности своей деятель-

ности, «паблик рилейшнз» является очень важным фактором [13, с. 296]. Специфичность PR-деятельности состоит в том, что она является сугубо коммуникативной и реализуется в системе «человек – человек». При этом контактные группы различны по профессиональному и социальному статусу, интересам, возрасту, менталитету и сферам влияния [10, с. 309].

К основным сущностным характеристикам связей с общественностью можно отнести:

1) общественный характер – связи с общественностью адресованы множественной аудитории. Выбор целевой аудитории является очень важным, ведь в случае ошибки данное обращение может не принести желаемого результата;

2) способность к увещеванию – это означает, что связи с общественностью способны не только заявить об организации, но и постоянно напоминать о себе, давать возможность сравнивать, создавать позитивный образ;

3) обезличенность – связи с общественностью направлены на целевую массовую аудиторию, а не на определенного человека, то есть конкретный гражданин не обязан отвечать на данное вещание или немедленно реагировать на него;

4) экспрессивность – при реализации связей с общественностью могут использоваться разные подходы, разные элементы, выбор цветов, музыкальных фонов, то есть сообщение может быть ярким, запоминающимся и, соответственно, эффективным.

Ключевыми направлениями связей с общественностью учреждений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации можно считать следующее:

1) продвижение оказываемой государственной услуги – в данном случае связи с общественностью помогают учреждению увеличивать объемы реализации государственной услуги;

2) продвижение самого учреждения – связи с общественностью нацелены на формирование положительного интереса у граждан не к услуге, а к учреждению системы МВД Российской Федерации.

Формируемая и реализуемая учреждением система связей с общественностью должна выполнять конкретные функции и иметь определенный уровень эффективности. Все функции связей с общественностью можно сгруппировать следующим образом:

1) социальная функция заключается в том, что связи с общественностью оказывают огромное влияние на общество и отдельно на каждого человека, формируют особое понимание государственной услуги в обществе, формируют сознание людей, ценности общества, увеличивают потребность людей к повышению собственного благосостояния, побуждают расширять культуру индивидуума, ведь когда перед человеком стоит выбор, он стре-

мится выбрать лучшее. «Паблик рилейшнз» может дать человеку новые знания, информировать о совершенствовании жизни. «Паблик рилейшнз» оказывает косвенное влияние на развитие экономики, человеческих ценностей, создание культуры, сохранение определенных традиций;

2) экономическая функция состоит в том, что связи с общественностью сообщают о государственной услуге, а также формируют некий спрос, создают потребность в этом продукте и помогают МВД Российской Федерации расширять реализацию государственной услуги. При этом данная функция положительно сказывается на создании новых государственных услуг, различных нововведений;

3) коммуникационная функция заключается в том, что связи с общественностью являются определенным каналом связи между гражданами и учреждением системы МВД Российской Федерации. Учреждение может оказывать прямое и не прямое воздействие на население. Прямое воздействие заключается в том, что население должно положительно отреагировать, то есть получить государственную услугу. Непрямое воздействие направлено на сознание граждан, то есть формирование положительного отношения к деятельности учреждения системы МВД Российской Федерации.

В таблице приведено распределение функций «паблик рилейшнз» по разным этапам взаимодействия учреждения, реализующего государственные услуги, с населением.

Функции «паблик рилейшнз» на разных этапах взаимодействия учреждения с населением

СТАДИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С НАСЕЛЕНИЕМ	ФУНКЦИЯ «ПАБЛИК РИЛЕЙШНЗ»
Выбор аудитории	Поступление информации о данной государственной услуге, сообщение о ней, а также формирование определенной аудитории
Внедрение новой государственной услуги	Формирование спроса на государственную услугу, расширение аудитории
Массовое оказание государственной услуги	Адаптация к запросам населения, увеличение объема оказания государственной услуги

Реализация мероприятий связей с общественностью может иметь различные цели. Наиболее распространенными целями можно считать: сообщение обществу о появлении новой услуги; создание имидж учреждения; создание потребности в услуге; информирование об особенностях услуги; формирование позитивного настроения на получение услуги; изменение мнения об учреждении в лучшую сторону; формирование призна-

ния качества услуги; формирование психологической подготовленности к оказанию помощи.

При выборе целей и направлений связей с общественностью возможны следующие подходы.

Первый подход является классическим «знания – эмоции – действия». Он предполагает, что граждане реагируют на выход информации уже с существующими знаниями о данной государственной услуге, а также о ее особенностях и характеристиках.

Второй подход «действия – эмоции – знания» предусматривает, что гражданин после оказания государственной услуги может оценить ее качество, получив окончательную информацию о ней.

Третий подход «эмоции – действия – знания» предполагает, что при обращении за получением государственной услуги гражданин основывается на эмоциях и поверхностной информации о ней [4, с. 71].

При осуществлении связей с общественностью учреждение системы МВД Российской Федерации должно выбрать наиболее подходящий в той или иной ситуации подход в соответствии с поставленными целями.

Как правило, организации в связях с общественностью придерживаются определенной стратегии. Такая стратегия должна учитывать специфику деятельности организации, характеристики реализуемых государственных услуг, а также особенности местности, в которой располагается организация, и характер целевой аудитории – основных потребителей государственных услуг. Выделяются следующие типовые стратегии связей с общественностью:

1) стратегия новости. Данная стратегия заключается в предоставлении информации населению о новой услуге, о ее функциях, преимуществах. Стратегией новости пользуются в основном организации-лидеры, которые внедряют абсолютно новую услугу и формируют первичный спрос на нее;

2) стратегия логики. Она заключается в поддержании известности услуги, повышении знаний о ней. Стратегией логики пользуются те организации, которые уже имеют определенную репутацию;

3) стратегия образа. Данная стратегия заключается в поддержании позитивного отношения к учреждению. Ее используют организации, которым необходимо улучшить отношение граждан к себе.

В процессах формирования системы связей с общественностью и разработке соответствующих мероприятий необходимо, прежде всего, ответить на следующие вопросы:

1) что сказать обществу? – сформулировать информацию о государственной услуге, ее преимуществах;

2) как сказать обществу? – необходимо определить метод донесения до населения информации в запоминающейся форме;

3) в какой форме сказать? – следует определить макеты, музыкальные сопровождения, картинки, фотографии, по радио или на телевидении и т. п.

Для учреждений системы МВД Российской Федерации важно знать, как воспринимают их деятельность граждане, какие эмоции преобладают при взаимодействии, довольны ли качеством работы. Для улучшения мнения о деятельности полиции значение имеет качественное и профессиональное выполнение возложенных на полицию обязанностей, а также целенаправленная пропагандистская работа со стороны МВД и государства в целом [11, с. 15]

В целях налаживания и поддержания устойчивой обратной связи с целевой аудиторией, а также анализа эффективности конкретных мероприятий «паблик рилейшнз» возможно проведение различного рода опросов [3, с. 113] и тестирований. Различают следующие формы тестирования:

1) тестирование на запоминание. Оно позволяет узнать, что может сказать гражданин, знающий ту или иную информацию, сможет ли он рассказать содержание информации;

2) тестирование на узнавание. С его помощью можно узнать какое количество граждан узнает информацию при повторном ее вещании;

3) тестирование на восприятие. Оно позволяет установить, как воздействует та или иная информация на население положительно или отрицательно, с чем она ассоциируется.

Необходимо отметить, что в современных условиях инструментарий формирования системы связей с общественностью интенсивно дополняется различными инновационными средствами. К таковым сегодня относятся упрощенные средства коммуникаций во всемирной информационной компьютерной сети Интернет. Связи с общественностью через Интернет предполагают организацию различных онлайн-мероприятий. Средства «паблик рилейшнз», которые учреждение может реализовывать вне сети, также применимы и в Интернете. К наиболее распространенным инструментам можно отнести информирование населения на официальном сайте учреждения, реализацию электронных пресс-релизов, ведение тематических форумов и блогов, наполнение аккаунтов в социальных сетях, проведение научных, практических и иных онлайн-конференций и вебинаров.

В настоящий момент ничто не препятствует тому, чтобы организации могли обращаться к собственной аудитории не через СМИ, а напрямую – через собственный сайт, корпоративный блог, официальные страницы в социальных сетях, брендированный YouTube канал и другие. Так, социальные сети являются одним из наиболее действенных информационных инструментов сегодняшнего дня и представляются более конкурентоспособными в сравнении с традиционными СМИ ввиду системы онлайн, подразумевающей отсутствие временных и территориальных границ [9,

с. 130]. Современная информационная среда уже не воспринимает стандартные пресс-релизы и корпоративные статьи, написанные без соблюдения правил продающего и убеждающего текста. Согласно исследованию Холмс 2014 г. «Креативность в PR» наиболее важными трендами в разработке контента являются: 3D технологии; носимые гаджеты; мобильность; сотворчество; бренды с эффектом присутствия; социальная польза; ясность послания бренда; визуальная коммуникация; сторителлинг [5, с. 402].

В качестве заключения к проведенному исследованию необходимо отметить, что достоверные результаты мониторинга и анализа общественного мнения о деятельности органов внутренних дел должны быть одним из решающих факторов обоснования и принятия различного рода управленческих решений соответствующих органов государственной власти. «Паблик рилейшнз» в деятельности полиции позволяет прогнозировать реакцию граждан на различные мероприятия и управленческие воздействия, а также налаживать обратную связь, которая, в свою очередь, позволяет корректировать цели мероприятий и управленческих воздействий. При этом данное условие должно обеспечивать гибкость и адаптивность системы органов внутренних дел в динамично изменяющейся действительности. Определенную роль изучение мнения населения о работе полиции может играть при прогнозировании, учет которого будет полезным при принятии управленческих решений. Совершенствование системы прогнозирования рассматривается рядом авторов на основе методов статистического анализа [2, с. 66].

Кроме того, мониторинг и исследования общественного мнения могут участвовать в процессах сбора и обработки дополнительной информации и извлечения некоторых знаний о причинно-следственных связях развития преступности на конкретной территории в определенном субъекте Российской Федерации. Особое значение мониторинг и исследования общественного мнения о деятельности органов внутренних дел и их связи с общественностью приобретают в процессах развития гражданского общества и правового государства, поскольку именно в общественном мнении концентрируются ценности и установки людей, их интересы, групповые настроения и оценки, характеризующие различные аспекты повседневной жизни граждан.

Библиографические ссылки

1. Грозин С.Ю., Таскаев Н.Н. Основные проблемы, связанные с освещением деятельности полиции в средствах массовой информации // Интеллигенция и проблемы социокультурно модернизации современного общества : материалы XII Международной научной конференции «Байкаль-

- ская встреча», посв. 85-летию д-ра филос. наук, проф. И.И. Осинского (Улан-Удэ, 12–16 сентября 2018 г.) / науч. ред. М.В. Бадмаева. Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2018. С. 309–312.
2. Мартынов С.В., Мычка С.Ю., Шаталов М.А. Совершенствование системы прогнозирования методами статистического анализа // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2017. Т. 5. № 8–2. С. 65–68.
 3. Мартышенко Н.С. Разработка типологий по данным социологических исследований интернет-опросов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2 (49). С. 113–123.
 4. Морозов К.Е., Питько О.А. Психологические механизмы воздействия пропаганды СМИ // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2018. № 2 (31). С. 69–73.
 5. Насырова Е.В. Social media marketing как инструмент повышения открытости работы бизнеса // Евразийский юридический журнал. 2019. № 9 (136). С. 402–405.
 6. Нигматуллин Р.В. Роль Российского государства в обеспечении законности и правопорядка в современных условиях // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2013. № 1. С. 145–151.
 7. Розенберг Н.В., Андросова Л.А. Особенности и цели PR в государственных структурах (социологический анализ) // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 6. С. 486–490.
 8. Родимушкина О.В., Яковлев О.В., Чупс И.Н. Особенности формирования общественных оценок работы полиции в современных условиях // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 1 (84). С. 136–148.
 9. Сулейманова Р.Р. Социальные сети и их роль в формировании имиджа региона (на примере Республики Башкортостан) // Актуальные проблемы коммуникации: теория и практика : материалы X Всероссийской научно-практической конференции. Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. С. 127–131.
 10. Сулейманова Р.Р. Связи с общественностью – новая специальность для новой России // Роль классических университетов в формировании инновационной среды регионов. Современное гуманитарное образование как основа гуманизации общества : материалы Международной научно-практической конференции. Т. IV. Ч. 1. 2009. С. 307–311.
 11. Тимко С.А., Тимко П.В. Общественное мнение о деятельности ОВД (региональный аспект) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 4 (59). С. 11–15.
 12. Янбухтин Р.М., Игбаева Г.Р. Перспективные направления формирования позитивного образа полиции в общественном мнении // Евразийская адвокатура. 2017. № 5 (30). С. 104–107.

13. Polyakova A.G., Loginov M.P., Strelnikov E.V., Usova N.V. Managerial decision support algorithm based on network analysis and big data // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2019. T. 10. № 2. С. 291–300.

Дата поступления: 15.06.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.5

THE ESSENCE AND SIGNIFICANCE OF “PUBLIC RELATIONS” IN POLICE ACTIVITIES

BUNKOVSKY Dmitry Vladimirovich

Candidate of Sciences (Economy), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Philosophy, Psychology and Social and Humanitarian Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia. E-mail: bdv611@yandex.ru

GAIDAI Maria Konstantinovna

Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Psychology and Social and Humanitarian Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia. E-mail: mkgfip@mail.ru

The development of the rule-of-law state under intensive evolution of public opinion requires a deep understanding of the laws governing the functioning of public opinion on state authorities' activities. These prerequisites actualize researches on various aspects of public opinion and such related categories as “public relations”. Purpose: to study the essence and significance of “public relations” in state authorities' activities, in particular internal affairs bodies. Methods: in this study, theoretical methods of deductive logic are used, as well as empirical methods of observation, comparison, generalization, interpretation. Results: during the study, the main characteristics of “public relations” and the key areas of public relations of institutions of the system of internal affairs bodies of the Russian Federation are determined. The functions of “public relations” at different stages of interaction with the population are generalized. Recommendations are offered for choosing approaches and strategies for public relations for institutions of the system of internal affairs bodies of the Russian Federation.

Key words: “public relations”; police; public opinion; state; internal affairs agencies; public relations.

References

1. Grozin S.Yu., Taskayev N.N. Osnovnyye problemy, svyazannyye s osveshcheniyem deyatel'nosti politsii v sredstvakh massovoy informatsii (The main

problems associated with the coverage of police activities in the media), *Intelligentsiya i problemy sotsiokul'turno modernizatsii sovremennoyo obshchestva*, materialy XII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Baykal'skaya vstrecha», posv. 85-letiyu d-ra filos. nauk, prof. I.I. Osinskogo (Ulan-Ude, 12–16 sentyabrya 2018 g.), nauch. red. M.V. Badmayeva. Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta, 2018, pp. 309–312.

2. Martynov S.V., Mychka S.YU., Shatalov M.A. Sovershenstvovaniye sistemy prognozirovaniya metodami statisticheskogo analiza (Improvement of the forecasting system by methods of statistical analysis), *Aktual'nyye napravleniya nauchnykh issledovaniy XXI veka: teoriya i praktika*, 2017, T. 5, No. 8–2, pp. 65–68.

3. Martysenko N.S. Razrabotka tipologiy po dannym sotsiologicheskikh issledovaniy internet-oprosov (Development of typologies according to the data of sociological studies of Internet polls), *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya*, 2019, No. 2 (49), pp. 113–123.

4. Morozov K.Ye., Pit'ko O.A. Psikhologicheskiye mekhanizmy vozdeystviya propagandy SMI (Psychological mechanisms of influence of media propaganda), *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Aleykhema*, 2018, No. 2 (31), pp. 69–73.

5. Nasyrova Ye.V. Social media marketing kak instrument povysheniya otkrytosti raboty biznesa (Social media marketing as a tool for increasing the openness of business operations), *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2019, No. 9 (136), pp. 402–405.

6. Nigmatullin R.V. Rol' Rossiyskogo gosudarstva v obespechenii zakonnosti i pravoporyadka v sovremennykh usloviyakh (The role of the Russian state in ensuring the rule of law and order in modern conditions), *Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki*, 2013, No. 1, pp. 145–151.

7. Rozenberg N.V., Androsova L.A. Osobennosti i tseli PR v gosudarstvennykh strukturakh (sotsiologicheskiy analiz) (Features and goals of PR in state structures (sociological analysis), *Sotsial'no-ekonomicheskkiye yavleniya i protsessy*, 2017, T. 12, No. 6, pp. 486–490.

8. Rodimushkina O.V., Yakovlev O.V., Chups I.N. Osobennosti formirovaniya obshchestvennykh otsenok raboty politzii v sovremennykh usloviyakh (Features of the formation of public assessments of police work in modern conditions), *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 2018, No. 1 (84), pp. 136–148.

9. Suleymanova R.R. Sotsial'nyye seti i ikh rol' v formirovanii imidzha regiona (na primere Respubliki Bashkortostan) (Social networks and their role in the formation of the image of the region (on the example of the Republic of Bashkortostan), *Aktual'nyye problemy kommunikatsii: teoriya i praktika*, materialy X Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Ufa, RITS BashGU, 2018, pp. 127–131.

10. Suleymanova R.R. Svyazi s obshchestvennost'yu – novaya spetsial'nost' dlya novoy Rossii (Public relations - a new specialty for the new Russia), *Rol'*

klassicheskikh universitetov v formirovanii innovatsionnoy sredy regionov. Sovremennoye qumanitarnoye obrazovaniye kak osnova qumanizatsii obshchestva, materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, T. IV, Ch. 1, 2009, pp. 307–311.

11. Timko S.A., Timko P.V. Obshchestvennoye mneniye o deyatelnosti OVD (regional'nyy aspekt) (Public opinion on the activities of the Department of Internal Affairs (regional aspect), *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, 214, No. 4 (59), pp. 11–15.

12. Yanbukhtin R.M., Igbayeva G.R. Perspektivnyye napravleniya formirovaniya pozitivnogo obraza politsii v obshchestvennom mnenii (Promising directions of forming a positive image of the police in public opinion), *Yevraziyskaya advokatura*, 2017, No. 5 (30), pp. 104–107.

13. Polyakova A.G., Loginov M.P., Strelnikov E.V., Usova N.V. Managerial decision support algorithm based on network analysis and big data, *International Journal of Civil Engineering and Technology*, 2019, Vol. 10, No. 2, pp. 291–300.

Received: 15.06.2020

УДК 347.131

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.6

КЛАССИФИКАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ СООБЩЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

КУРАНОВ Владимир Григорьевич

старший преподаватель кафедры правоведения Пермского государственного медицинского университета им. Е.А. Вагнера, г. Пермь, Россия. E-mail: kuranov.perm@yandex.ru

Деловая коммуникация выступает неотъемлемым условием успешного функционирования гражданского оборота. Для придания деловой коммуникации правового значения законодатель ввел в 2013 г. новую норму – ст. 165.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, посвященную юридически значимым сообщениям. Несмотря на существование указанной новеллы на протяжении почти семи лет, накопленный объем судебно-арбитражной практики по вопросам применения указанной нормы, научно-исследовательский интерес к обозначенной проблематике, в цивилистике отсутствует полноценная теория юридически значимых сообщений, включающая их понятие, признаки, место в системе юридических фактов, а также иные вопросы. Цель: классифицирование юридически значимых сообщений, правовой статус которых предусмотрен нормой ст. 165.1 ГК РФ,

по различным основаниям для решения имеющей значение для развития российского гражданского права задачи – построения цивилистической теории юридически значимых сообщений. Методы: в основе настоящего исследования – диалектико-материалистический метод познания общественных явлений и процессов, предопределивший изучение юридически значимых сообщений в динамике и взаимосвязи с иными правовыми явлениями. Среди универсальных методов получили применение анализ, синтез, индукция и дедукция, сравнение, классифицирование. Результаты: автором предложены оригинальные классификации юридически значимых сообщений, в основу которых положены разнообразные критерии – форма, поведение адресата, получившего сообщение, количество адресатов, характер правовых последствий, источник, сфера применения.

Ключевые слова: юридически значимые сообщения; заявления; уведомления; извещения; требования; виды сообщений; классификация.

Основным назначением любой классификации следует признать упорядочение научного знания о каких-либо явлениях объективной действительности, а также выявление родо-видовых признаков таких явлений. Неудивительно в этой связи, что В.А. Белов придал классификации статус «первой ступени всякого научного познания» [1, с. 73].

Очевидно, что даже самая совершенная классификация не может охватить всего многообразия жизненных явлений. Полагаем, что систематизация всего разрозненного массива юридически значимых сообщений имеет определяющее правовое значение для формирования цивилистической теории этой новой гражданско-правовой конструкции.

Прежде всего, необходимо разобраться, в чем кроме терминологического обозначения состоит разница между заявлениями, уведомлениями, извещениями, требованиями и иными юридически значимыми сообщениями, перечисленными в ст. 165.1 ГК РФ.

В.В. Долинская по этому поводу замечает, что указанные виды юридически значимых сообщений отличаются «по содержанию информации и последствиям в виде активного (пассивного) поведения адресата, в том числе направления ответа» [3, с. 10]. Частично разделяя мнение В.В. Долинской на этот счет, позволим себе усомниться в возможности четкого разграничения заявлений, уведомлений, извещений и требований на основании указанных критериев.

На наш взгляд, гражданское законодательство в части юридически значимых сообщений отличается большой терминологической путаницей. К сожалению, такие юридические термины, как «заявления», «уведомления», «извещения» и «требования», не имеют четкого законодательного разграничения. Из этого следует, что законодатель, вводя в ГК РФ или другие нормативно-правовые акты правила, содержащие те или

иные юридически значимые сообщения, исходит не из четких установок по поводу содержания каждого специального термина (заявления, уведомления, извещения или требования), а из сложившейся практики или обычаев делового оборота. В итоге возникает не только серьезная терминологическая путаница, подмена одних терминов иными, но и неизбежная правовая неопределенность.

Таким образом, заявления, уведомления, извещения, требования и иные юридически значимые сообщения (например, претензии), являясь видами юридически значимых сообщений, не образуют одну строгую классификацию. Неудивительно в этой связи понимание термина «юридически значимые сообщения» в качестве «самостоятельной обобщающей категории», т. е. категории, которая призвана объединить общим правилом давно известные гражданскому обороту виды сообщений. Думается, что, объединив эти виды юридически значимых сообщений в одной ст. 165.1 ГК РФ, законодатель преследовал цель не классифицировать, а, скорее, систематизировать обозначенные виды сообщений.

Анализ всех имеющихся в гражданском законодательстве видов юридически значимых сообщений позволяет произвести их классифицирование по следующим основаниям.

По форме: устные, письменные, электронные. Устанавливая в ст. 165.1 ГК РФ самые общие правила доставки юридически значимых сообщений и момента возникновения гражданско-правовых последствий у адресата, законодатель не конкретизирует вопрос о формах, в которых могут быть осуществлены юридически значимые сообщения. На наш взгляд, при разрешении обозначенного затруднения следует руководствоваться по аналогии ст. 158–161 ГК РФ, регламентирующими формы сделок, так как известно, что сделки могут быть совершены в устной или в письменной форме.

Вопрос о возможности направления юридически значимых сообщений в устной форме следует признать дискуссионным. Проблема «устных» юридически значимых сообщений состоит в сложности фиксации факта передачи такого сообщения и, как следствие, сложности доказывания этого факта в случае возникновения противоречий и юридических конфликтов. Однако устная форма юридически значимого сообщения законом не запрещена. А.Г. Карапетов по этому поводу отмечает следующее: «Комментируемая норма (ст. 165.1 ГК РФ) в первую очередь рассчитана на применение в отношении письменных извещений. Но сама идеология нормы вполне применима и к устным сообщениям» [4].

Что касается электронной формы юридически значимых сообщений, то такую форму следует признать весьма перспективной. Согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, обозначенной им в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25, «по общему пра-

вилу, юридически значимое сообщение может быть направлено с помощью электронной почты, факсимильной и другой связи, осуществлено в иной форме, соответствующей характеру сообщения и отношений и позволяющей достоверно установить, от кого оно исходило и кому адресовано (п. 65)»¹. При этом в качестве примеров электронной формы юридически значимых сообщений Пленум ВС РФ приводит размещение на сайте хозяйственного общества в сети Интернет информации для участников этого общества, размещение на специальном стенде сведений об общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме и т. п.

Н.С. Котленко, исследуя проблему электронной формы юридически значимых сообщений, отмечает, что «электронная форма юридически значимых сообщений – вопрос, который не получил должного освещения законодателем. Однако с использованием такой формы связано множество практических проблем. Более того, даже возможность использования юридически значимых сообщений не закреплена на уровне законодательства, несмотря на то, что широко признана судебной практикой» [5, с. 91].

В отсутствие специальных законодательных указаний по поводу допустимых форм юридически значимых сообщений суды относятся к электронным сообщениям с известной осторожностью. Так, Суд по интеллектуальным правам в одном из своих постановлений замечает: «электронная форма переписки, на которую ссылается истец в обоснование заявленных исковых требований, в качестве допустимой формы согласования, не предусмотрена условиями спорного договора в качестве надлежащего доказательства взаимного согласования воли сторон указанного договора»². На наш взгляд, единственным выходом из рассмотренной проблемы может быть только дополнение ст. 165.1 ГК РФ правилом о допустимых формах совершения юридически значимых сообщений. Очевидно, что юридически значимые сообщения могут быть совершены в устной и письменной формах.

Вызывает сложность перечень цифровых форм, в которых могут быть совершены юридически значимые сообщения. К примеру, в юридической литературе предлагаются такие электронные формы, как «СМС-сообщения, электронные сообщения, а также публикации в социальных сетях» [6, с. 17]. Последняя форма кажется несколько радикальной. В то же время не возникает сомнений в увеличении значения мессенджеров

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19 января 2016 г. № С01-1146/2015 по делу № А40-217983/2014 / Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» URL: <https://base.garant.ru/71355482/> (дата обращения: 18.04.2020).

(Viber, WhatsApp, Telegram, Signal и др.) в деловой коммуникации участников имущественного оборота.

Кроме того, важно учитывать и существующие тенденции регулирования гражданских правоотношений. Так, трендом современного гражданского законодательства стала так называемая «цифровизация», оказавшая существенное влияние на реформирование существующих и появление новых гражданско-правовых институтов. В результате принятия Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»³ ГК РФ пополнился рядом правовых норм, регламентирующих цифровые права, электронную форму сделки, а также исполнение обязательства путем применения информационных технологий. Указанные новеллы предопределяют необходимость соответствующих изменений и в ст. 165.1 ГК РФ.

Так, предлагаем дополнить п. 1 ст. 165.1 ГК РФ абз. 3 следующего содержания: «Сообщения совершаются устно или в письменной форме. Письменная форма сообщения считается соблюденной также в случае направления сообщения с помощью электронных либо иных технических средств (электронной почты, факсимильной связи, SMS-сообщений, социальных сетей и мессенджеров и иных средств), позволяющих достоверно установить, от кого оно исходило и кому адресовано».

По поведению адресата, получившего сообщение: требующие активного поведения (в том числе ответа), не требующие активного поведения. Движение гражданских правоотношений, происходящее в результате совершения юридически значимых сообщений, в большинстве случаев сопровождается и действиями, исходящими от адресата, получившего соответствующее сообщение. Так, в соответствии с п. 1 ст. 859 ГК РФ договор банковского счета расторгается по заявлению клиента в любое время. Получив подобное заявление, банк обязан совершить определенные активные действия в отношении клиента: закрыть соответствующий счет и выдать клиенту остаток денежных средств по данному счету.

В то же время в гражданском законодательстве встречаются и такие юридически значимые сообщения, получив которые, адресат сам принимает решение о том, как поступить: совершить активные действия или воздержаться от их совершения. Такие юридически значимые сообщения актуальны только в том случае, если с их получением связана реализация адресатом субъективного гражданского права. Примером может

³ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 18.03.2019).

служить правило о направлении извещения о продаже доли в праве общей собственности (п. 2 ст. 250 ГК РФ). Сособственник, получивший такое извещение, вправе как совершить активные действия по приобретению доли, так и воздержаться от каких-либо действий. В последнем случае, как следует из абз. 2 п. 2 ст. 250 ГК РФ, у продавца, не получившего в установленный законом срок ответа от сособственника о намерении воспользоваться своим правом преимущественной покупки доли, возникает в свою очередь право продажи доли постороннему лицу.

По количеству адресатов: адресованные одному субъекту, адресованные нескольким субъектам, адресованные заранее неопределенному кругу лиц. В рамках данной классификации особую сложность представляют такие юридически значимые сообщения, которые должны быть направлены нескольким субъектам или неопределенному кругу лиц. Если адресатов много, встает закономерный вопрос о наиболее приемлемой форме уведомления. Стало быть, от количества адресатов в том числе зависит и выбор формы уведомления.

В отдельных случаях, когда речь идет о заранее неопределенном круге управомоченных субъектов, законодатель предусматривает специальную форму уведомления – через средства массовой информации. К примеру, в соответствии с п. 3 ст. 20 Федерального закона РФ от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО)⁴ «в течение трех рабочих дней после принятия обществом решения об уменьшении его уставного капитала общество обязано дважды с периодичностью один раз в месяц опубликовать в органе печати, в котором публикуются данные о государственной регистрации юридических лиц, уведомление об уменьшении его уставного капитала». В качестве СМИ, в котором должно быть опубликовано такое уведомление, выступает журнал «Вестник государственной регистрации»⁵.

Извещение заранее неопределенного круга лиц происходит и в случае отмены доверенности лицом, ее выдавшим. Так, согласно правилу абз. 3 п. 1 ст. 189 ГК РФ «сведения о совершенной в простой письменной форме отмене доверенности могут быть опубликованы в официальном

⁴ Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон РФ от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 04.11.2019, с изм. от 07.04.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 04.11.2019).

⁵ См. об этом: Об обеспечении публикации и издания сведений о государственной регистрации юридических лиц в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной регистрации: Приказ ФНС России от 16 июня 2006 г. № САЭ-3-09/355@ (ред. от 28.08.2013) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 28.

издании, в котором опубликовываются сведения о банкротстве». Таким изданием является газета «Коммерсантъ»⁶.

По характеру правовых последствий: правопорождающие, правоизменяющие и правопрекращающие. Известно, что классическая теория юридических фактов исходит из трех стадий движения гражданских правоотношений: возникновение, изменение и прекращение. Признание юридически значимого сообщения юридическим фактом позволяет сделать вывод о наличии трех видов сообщений в зависимости от характера правовых последствий: правопорождающих, правоизменяющих и правопрекращающих.

К примеру, извещение о продаже доли в праве общей собственности (п. 2 ст. 250 ГК РФ) будет правопорождающим юридическим фактом для сосособственника, который намерен приобрести долю на указанных в извещении условиях; уведомление о замене выгодоприобретателя в договоре страхования (ст. 955 ГК РФ) – правоизменяющим сообщением, а уведомление кредитора о прощении долга (п. 2 ст. 415 ГК РФ) – правопрекращающим сообщением.

С учетом того правового эффекта, который возникает в результате совершения юридически значимых сообщений, можно говорить о том, что большинство сообщений являются правоизменяющими. Если между сторонами правоотношения отсутствует какая-либо юридическая связь, то обмен между такими участниками имущественного оборота юридически значимыми сообщениями лишен какого-либо смысла. Именно поэтому большинство исследователей юридически значимых сообщений сходятся во мнении о правоизменяющей или правопрекращающей природе юридически значимых сообщений. Сделанный нами вывод подтверждается и некоторыми отдельными примерами из судебно-арбитражной практики⁷.

По источнику: предусмотренные законом; предусмотренные сделкой; предусмотренные иными источниками. Из буквального толкования п. 2 ст. 165.1 ГК РФ следует, что правила о юридически значимых сообщениях могут быть предусмотрены законом, условиями сделки, обычаем или практикой, установившейся во взаимоотношениях сторон. Полагаем, что в большинстве случаев юридически значимые сообщения предусмотрены законом или условиями сделки. Однако в качестве «иных» источников сообщений могут выступать не только обычаи и сложившаяся прак-

⁶ Об официальном издании, осуществляющем опубликование сведений, предусмотренных Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)»: Распоряжение Правительства РФ от 21 июля 2008г. № 1049-р // Собрание законодательства РФ. 2008. № 30 (ч. 2), ст. 3674.

⁷ См., напр.: [Электронный ресурс]./ Документы опубликованы не были [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.03.2020).

тика, как это указано в п. 2 ст. 165.1 ГК РФ. К примеру, достаточно часто источником сообщений выступает устав хозяйственного общества. В то же время в ст. 165.1 ГК РФ устав как источник юридически значимого сообщения не упоминается вообще.

Думается, что правила п. 1 и п. 2 необходимо гармонизировать. Так, на сегодняшний день разрозненность этих пунктов проявляется в следующем: гражданско-правовые последствия от юридически значимого сообщения предусмотрены только законом или сделкой. При этом правила п. 1 ст. 165.1 ГК РФ могут быть изменены законом, условиями сделки, обычаем или устоявшейся практикой. Предлагаем правило п. 2 ст. 165.1 ГК РФ изложить в новой редакции, дополнив перечень источников «иными правовыми актами, а также учредительными документами юридических лиц».

По сфере применения: применимые в отношениях с участием потребителя; применимые в предпринимательских отношениях; применимые в иных отношениях. Данная классификация имеет своей целью обоснование разности подходов к регулированию порядка совершения юридически значимых сообщений в тех правоотношениях, в которых участвует так называемая «экономически слабая сторона», т. е. потребитель, и в тех правоотношениях, стороны которых – профессиональные участники имущественного оборота, т. е. предприниматели. При этом, безусловно, упоминается о существовании и иных сфер применения юридически значимых сообщений.

В.А. Белов, исследуя значение юридически значимых сообщений в потребительских отношениях, приходит к следующему выводу: «представляется весьма спорным вывод о том, что правила, закрепленные в статье 165.1 ГК РФ, могут быть реализованы в безапелляционном порядке применительно к потребителю, особенно в тех случаях, когда последний выступает в качестве получателя юридически значимого сообщения» [6].

Таким образом, юридически значимые сообщения могут быть классифицированы по следующим основаниям: по форме (устные, письменные, электронные); по поведению адресата, получившего сообщение (требующие активного поведения (в том числе ответа), не требующие активного поведения); по количеству адресатов (адресованные одному субъекту, адресованные нескольким субъектам, адресованные заранее неопределенному кругу лиц); по характеру правовых последствий (правопорождающие, правоизменяющие и правопрекращающие); по источнику (предусмотренные законом; предусмотренные сделкой; предусмотренные иными источниками); по сфере применения (применимые в отношениях с участием потребителя; применимые в предпринимательских отношениях; применимые в иных отношениях).

Библиографические ссылки

1. Белов В.А. Имущественные комплексы. Очерк теории и опыт догматической конструкции по российскому гражданскому праву. М. : Центр ЮрИнфоР, 2004.
2. Белов В.А. Юридически значимые сообщения и их значение в потребительских правоотношениях // Вестник арбитражной практики. 2017. № 2. С. 51–61.
3. Долинская В.В. Правовая природа юридически значимых сообщений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 6. С. 10–19.
4. Карапетов А.Г. Комментарий к ст. 165.1 ГК РФ // Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2018. [Электронное издание. Редакция 1.0]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://m-lawbooks.ru/index.php/product/sdelki-predstavitelstvo-iskovaya-davnost-postateynyiy-kommentariy-k-st-153-208-gk-rf-pod-red-a-g-karapetova/> (дата обращения: 20.04.2020).
5. Котленко Н.С. Электронная форма юридически значимых сообщений // Вопросы российской юстиции. 2020. № 5. С. 91–96.
6. Юридически значимые сообщения в гражданском праве России : монография / В.В. Богдан [и др.]. Курск : Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2019.

Дата поступления: 21.05.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.6

**CLASSIFICATIONS OF LEGAL COMMUNICATION
IN RUSSIAN CIVIL LAW**

KURANOV Vladimir Grigorievich

Senior Instructor, Department of Law, Perm State Medical University named after E.A. Wagner, Perm, Russia. E-mail: kuranov.perm@yandex.ru

Business communication is an essential condition for successful functioning of the civil turnover. In 2013, for assigning a legal effect to business communication, the legislator introduced a new norm – Article 165.1 of the Russian Federation Civil Code that covers legal communication. Despite the fact that this legislative innovation has been existing for almost seven years, despite the accumulated volume of judicial and arbitration practice of applying this rule, and despite the scientific research interest in this problem, the civil law science does not have a full-fledged theory of legal communication, including its concept, features, place in the system of legal facts, and other aspects. The purpose

is to classify by various criteria the legal communication whose legal status is provisioned by the rule of Article 165.1 of the Russian Federation Civil Code, for solving a task meaningful for the Russian civil law development – i.e. the task of constructing the civil theory of legal communication. **Methods:** the basis of the research is the dialectical materialistic method of obtaining awareness of public phenomena and processes that conditions the study of legal communication in dynamics and in conjunction with other legal phenomena. Other universal methods including analysis, synthesis, induction and deduction, comparison, grouping are applied. **Results:** the author proposes innovative classifications of legal communication; with the classification criteria including the form, the conduct of the addressee of the message, the number of the addressees, the nature of legal implications, the source, and the sphere of application.

Key words: legal communication; claims; notifications; notices; demands; types of communication; classification.

References

1. Belov V.A. Imushchestvennye komplekсы: Oчерk teorii i opyt dogmaticheskoy konstrukcii po rossijskomu grazhdanskomu pravu (Property complexes: an Essay on the theory and experience of dogmatic construction in Russian civil law), Moscow, YurInfoR, 2004.
2. Belov V.A. Yuridicheski znachimye soobshcheniya i ih znachenie v potrebitel'skih pravootnosheniyah (Legal communication and its significance in consumer legal relations), *Vestnik arbitrazhnoj praktiki*, 2017, No. 2, pp. 51–61.
3. Dolinskaya V.V. Pravovaya priroda yuridicheski znachimyh soobshchenij (Legal nature of legal communication), *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2014, No. 6, pp. 10–19.
4. Karapetov A.G. Kommentarij k st. 165.1 GK RF (Commentary to article 165.1 of the Civil Code of the Russian Federation), *Sdelki, predstavitel'stvo, iskovaya davnost': postatejnyj kommentarij k stat'yam 153-208 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii*, V.V. Bajbak, R.S. Bevzenko, S.L. Budylin i dr.; otv. red. A.G. Karapetov, Moscow, M-Logos, 2018 [Elektronnoe izdanie. Redakciya 1.0], Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (accessed date: 20.04.2020).
5. Kotlenko N.S. Elektronnaya forma yuridicheski znachimyh soobshchenij (Electronic form of legal communication), *Voprosy rossijskoj yusticii*, 2020, No. 5, pp. 91–96.
6. Yuridicheski znachimye soobshcheniya v grazhdanskom prave Rossii (Legal communication in Russian civil law), monografiya, V.V. Bogdan [i dr.], Kursk, 2019.

Received: 21.05.2020

УДК 342.5

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.7

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ КОЛЛИЗИОННОГО ПРАВА

ЛАТЫПОВА Наталия Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Бакирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: marchrose@yandex.ru

ЯМАЛЕТДИНОВА Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Бакирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: fnv80-80@mail.ru

Термин «коллизийное право» прочно вошел в категориальный аппарат российской юридической науки, однако до настоящего времени не сложилось единого подхода к определению его места в системе права. В статье анализируется научная дискуссия, освещаются основные точки зрения в сфере исследования коллизийного права. Цель: анализ правовой природы коллизийного права и определение основных тенденций его развития. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Применялись частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. Результаты: юридическая природа коллизийного права проявляется, прежде всего, в коллизийных нормах, рассредоточенных в различных отраслях права, обеспечивающих системность и структурную организованность права. Следовательно, оно не имеет ярко выраженной отраслевой принадлежности. Авторы предлагают рассматривать коллизийное право как комплексный межотраслевой правовой институт.

Ключевые слова: коллизии норм права; юридическая коллизия; противоречия в праве; коллизийное право; федеральное коллизийное право.

Современное российское законодательство характеризуется высокими темпами развития и представляет собой сложную многоуровневую совокупность правовых предписаний, объективно отягощенных противоречивостью, несогласованностью и разночтением. Сложность правотворческого процесса порождает диссонанс между предписаниями нормативных правовых актов. Юридические коллизии мешают согласованному развитию всех элементов правовой системы, что, в свою очередь, негативно сказывается на эффективности механизма правового регулирования, обеспечении законности и правопорядка, свободной реализации прав и законных интересов граждан. Система права, сколь совершенной бы она ни была, не может предотвратить возникновение противоречий меж-

ду нормами национального и международного, федерального и регионального законодательства, предписаниями различных отраслей права.

В отечественной юридической науке не сложилось единого подхода к пониманию отраслевой правовой природы коллизионного права. Длительное время коллизионные нормы рассматривались исключительно в сфере регламентации международных отношений или правовых отношений, осложненных иностранным элементом, сквозь призму предписаний международного частного права. Однако в последние годы в юриспруденции отчетливо прослеживается тенденция на укрупнение предмета коллизионного права и рассмотрение его не только с точки зрения гармонизации и унификации международного законодательства, но и применительно к национальному праву.

Особенно актуальным подобное «широкое» понимание коллизионного права видится в отношении стран с федеративной формой государственного устройства в связи с наличием в них двухуровневой системы законодательства: федеральной и региональной. Конституцией Российской Федерации в официальный юридический лексикон прочно внедрен термин «федеральное коллизионное право» (ст. 71). Соглашаясь с мнением С.И. Носова, отметим, что Конституция РФ в значительной мере расширила сферу применения норм коллизионного права, установив нормы-запреты (запрет присвоения государственной власти – ч. 4 ст. 3), нормы-приоритеты (определение приоритета общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации – ч. 4 ст. 15), процедурные нормы (использование согласительных процедур для разрешения разногласий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации – ч. 1 ст. 85) [4, с. 73]. Однако, несмотря на конституционное закрепление новой для российского права дефиниции, в юридической доктрине не сложилось единообразного подхода к пониманию коллизионного права в целом и к федеральному коллизионному праву в частности [11, с. 20].

Наиболее детально проблемы коллизионного права исследованы в трудах А.Ю. Тихомирова, включившего в его содержание принципы предотвращения коллизий, процедуры преодоления споров, законные интересы и притязания, юридическую ответственность участников коллизионных отношений, правовые идеи и концепции. Исследуя местоположение коллизионного права в системе российского права, А.Ю. Тихомиров определил его как комплексную суперотрасль, к предмету которой относятся общественные отношения, урегулирование которых вызывает разногласия и споры. Федеральное коллизионное право, по мнению ученого, следует считать подотраслью конституционного права [9, с. 339].

Наличие формулировки «федеральное коллизионное право» предусмотрено в конституционных системах Германии, Австрии, Швейцарии и «является юридическим ориентиром и стимулом для формирования подобной отрасли» [10, с. 367]. Конституции зарубежных стран в качестве средств и способов предотвращения и разрешения коллизий определяют: 1) нормативное закрепление основных механизмов предотвращения коллизий: предварительный конституционный контроль, верховенство и незыблемость конституционных принципов, участие органов конституционного контроля в законотворческом процессе; 2) участие парламента в формировании органов конституционного контроля в целях поддержания авторитетности их деятельности и нивелирования коррупциогенных влияний; 3) расширение полномочий органов конституционного контроля по разрешению коллизий [7, с. 71].

Подобных взглядов на определение федерального коллизионного права в системе российского права придерживается и И.А. Стародубцева. Несмотря на частичное совпадение предмета, структуры и принципов конституционного и федерального коллизионного права, Инна Алексеевна конкретизирует предмет последнего, включая в него «общественные отношения, связанные с предотвращением и разрешением всех коллизий, конфликтов, противоречий и споров в государстве, регулируемые нормами конституционного права на федеральном уровне» [8, с. 60]. Следует отметить, что И.А. Стародубцева придерживается отличного от А.Ю. Тихомирова мнения в вопросе определения коллизионного права, которое представляется как перспективная и на данный момент времени неоформившаяся комплексная отрасль права, теоретическое и нормативное развитие которой детерминировано необходимостью минимизации негативного воздействия юридических коллизий на правовую систему [8, с. 76].

Можно констатировать, что в отечественной правовой науке не оформился монистический подход к отраслевой природе коллизионного права. Так, Н.А. Власенко скептически относится к возможности определения коллизионного права как в качестве суперотрасли права, так и в качестве самостоятельной отрасли. Коллизионный механизм не имеет отраслевой окраски, а коллизионные нормы «могут иметь "прописку" в различных отраслях» [1, с. 15]. Следовательно, коллизионное право рассматривается им как универсальный инструмент российского права, обеспечивающий структурность права и системность его действия. Коллизионное право – средство поддержания единого правового порядка в государстве, гарант законности в обществе. Федеральное коллизионное право, по мнению профессора, несмотря на законодательное его закрепление в нормах Конституции Российской Федерации, не следует относить к подотрасли конституционного права. Идея коллизионного права, и в том числе федерального коллизионного права, актуальна и востребована с

точки зрения систематизации коллизионных принципов при условии разработки федерального коллизионного закона. Однако с 1993 г. практических шагов по реализации данных идей, заложенных в Основном законе России, к сожалению, не предпринято.

Исследование вопроса отраслевой принадлежности коллизионного права стало также предметом размышлений Д.С. Милинчук. В диссертационном исследовании на тему «Коллизионное право как межотраслевой институт российского права» последовательно изложена концепция понимания коллизионного права как межотраслевого юридического явления, возникающего на стыке неоднородных отраслей права. Наличие коллизий во всех отраслях права (гражданском, трудовом, налоговом, административном и т. д.) позволило автору сделать закономерный вывод о межотраслевом характере данного правового института. В различных отраслях права разработаны способы разрешения юридических противоречий: так, в международном частном праве подобные конфликты разрешаются путем выбора соответствующей формулы прикрепления, в конституционном праве разрешение конфликтов норм происходит в соответствии с федеральным коллизионным правом (п. «п», ст. 71 Конституции РФ) [5, с. 197]. Следовательно, коллизионным правом регламентируется однородный круг отношений, который образует межотраслевой институт права.

Динамизм развития общественных отношений и, как следствие, появление разнообразных правовых коллизий и способов их разрешения и предопределили высокий интерес ученых-правоведов к исследованию коллизионного права. Определение коллизионного права в качестве самостоятельной отрасли права либо суперотрасли предполагает наличие классических критериев деления права на отрасли: предмета и метода правового регулирования. Предметом правового регулирования является качественно однородный тип общественных отношений (в семейном праве – брачно-семейные отношения, в гражданском праве – имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, в административном праве – общественные отношения, возникающие в связи и по поводу практической реализации исполнительной власти). В коллизионном праве крайне затруднительно выявить какой-либо самостоятельный круг общественных отношений, оно регламентирует порядок разрешения правовых конфликтных ситуаций во всех сферах общественной жизни. В данном случае уместно говорить о том, что коллизионное право представляет собой совокупность норм, посредством которых разрешаются коллизионные ситуации, норм, обеспечивающих структурность и системность права.

Вторым критерием определения автономности отрасли права является наличие специфического метода правового регулирования, под которым понимается совокупность различных способов и приемов правового

воздействия на общественные отношения, составляющие предмет отрасли. Метод правового регулирования структурно представлен следующими компонентами: порядок возникновения субъективных прав и обязанностей, степень самостоятельности субъектов правоотношения, а также способы регулирования и обеспечения поведения субъектов права. Усовершенствование законодательства, толкование и гармонизация права, принятие модельных законов, рассматриваемые как основные формы коллизионного регулирования, не представляют собой единого метода правовой регламентации и заимствованы из других отраслей права.

Таким образом, можно сформулировать вывод о том, что коллизионное право, не обладая уникальным предметом и методом правового регулирования, не отвечает традиционным критериям деления права на отрасли. Наиболее перспективным подходом к определению правовой природы коллизионного права представляется понимание его как комплексного межотраслевого правового института, поскольку наличие коллизий характерно для всех отраслей права, а «круг регулируемых коллизионным правом отношений направлен на упорядочение правоотношений, возникающих в результате выбора между конфликтующими нормами права» [6, с. 11]. Следовательно, коллизионное право – это межотраслевой правовой институт, консолидирующий правовые нормы, регулирующие правоотношения, связанные с воздействием на юридические коллизии, с целью достижения согласованности и непротиворечивости правового регулирования.

Наличие коллизионных норм характеризует право как высокоорганизованную систему. Система коллизионного права отличается сложностью и многообразием. Представляется целесообразным выделить в ней как минимум две группы норм, регулирующих правовые конфликты и противоречия: между национальным и международным правом, а также в рамках национальной правовой системы. Профессор С.И. Носов справедливо отмечает, что в современной «юридической литературе коллизионное право все чаще рассматривается в широком понимании, выходящим за рамки традиционного представления, в виде норм международного частного права» [4, с. 81].

Особенности норм коллизионного права, регламентирующих сферу внутреннего национального права, отображают проблемы и противоречия на всех этапах развития современного российского государства. Конституция Российской Федерации нормативно закрепила законотворческие полномочия субъектов России в сфере регламентации вопросов совместного и исключительного ведения субъектов [2, с. 169]. Активное использование регионами данной компетенции привело к стремительному росту массива нормативных правовых актов, содержащих не только

незначительные юридические ошибки, но и серьезные противоречия, имеющие принципиальный характер.

На начальном этапе становления Российской Федерации и формирования конституционной модели разграничения полномочий с 1993 г. по 1999 г. субъекты практически самостоятельно определяли пределы своей правотворческой деятельности и нередко вмешивались в компетенцию Федерации, что воплощалось в региональном законодательстве. Так, в 1993 г. на протяжении 4 месяцев в России фактически существовал субъект, не предусмотренный Федеративным договором 1992 г. – Уральская республика, преобразованная из Свердловской области с целью повышения ее статуса в составе Российской Федерации и обретения значительной экономической и законодательной самостоятельности. Конституция Республики Алтай содержала положения о ее суверенности, принадлежности субъекту права собственности на природные ресурсы, находящиеся на ее территории, и т. п. В 1994 г. между Республикой Башкортостан и Республикой Чувашия был заключен Договор о дружбе и сотрудничестве, основанный на признании государственного суверенитета обеих сторон¹. Таким образом, законодательство «молодой» Российской Федерации нередко отличалось противоречивостью и непоследовательностью, что, в свою очередь, понижало эффективность правового регулирования в целом. Переходное состояние системы государственной власти, незрелость политической системы и незначительный опыт применения норм коллизионного права для разрешения внутригосударственных юридических конфликтов и противоречий привели к несогласованности норм российского законодательства.

Значительная работа по укрупнению и централизации государственной власти, проведенная в период с 2000 г. по 2005 г., затронувшая в том числе и законодательную сферу, привела к существенному сокращению конфликтующих и взаимоисключающих норм в национальном праве. Так, Конституционным Судом РФ в 2000 г. отдельные нормы Конституции Республики Алтай и связанные с ними нормативные правовые акты, воспроизводящие или содержащие эти положения, были признаны несоответствующими Основному закону Российской Федерации и подлежащими отмене².

¹ Официальный портал органов власти Чувашской республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cpr.ru> (дата обращения: 10.05.2020).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации"» [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-07062000-p/> (дата обращения: 10.05.2020).

Особую актуальность и остроту проблема коллизий приобретает в публичном праве, поскольку затрагивает законные интересы и потребности не только частных лиц, но и государства и общества. В системе права Российской Федерации можно выделить следующие виды коллизий в сфере норм публичного права: коллизии между предписаниями федеральных нормативных правовых актов, коллизии между федеральными нормативными правовыми актами и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации и коллизии между нормативными актами субъектов Российской Федерации [3, с. 57]. Полагаем, что в ближайшем будущем количество правовых коллизий, несомненно, будет возрастать, следовательно, пропорционально этому в научном мире будет востребована тема исследования коллизионного права.

Изложенное позволяет сформулировать выводы относительно тенденций развития коллизионного права в России. Правовые коллизии оказывают негативное влияние на российскую правовую систему, поскольку эффективность ее функционирования напрямую опосредована согласованностью и взаимозависимостью законодательной базы. Коллизионное право на данный момент находится на стадии активного становления. В современной юридической литературе до сих пор не сложилось единого подхода к определению отраслевой принадлежности коллизионного права. Его правовая природа раскрывается, прежде всего, через сами коллизионные нормы, рассредоточенные в различных отраслях права. В связи с чем наиболее перспективным подходом к определению институциональной принадлежности коллизионного права представляется понимание его как комплексного межотраслевого правового института.

Библиографические ссылки

1. Власенко Н.А. Коллизионное право России: состояние и перспективы // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 5–18.
2. Ибрагимова Ф.М., Тулупова Е.О. Актуальные проблемы конституционного развития в сфере разграничения предметов ведения и полномочий между федерацией и ее субъектами // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 2 (36). С. 168–171.
3. Латыпова Н.С. Развитие внешних форм сотрудничества органов местного самоуправления // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 4 (58). С. 54–58.
4. Носов С.И. Коллизионное право: проблемы институализации // Социология власти. 2012. № 2. С. 72–82.

5. Милинчук Д.С. Коллизионное право как межотраслевой институт системы российского права // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. № 1. С. 196–198.
6. Милинчук Д.С. Коллизионное право как межотраслевой институт российского права : резюме дис. ... канд. юрид. наук. М. : НИУ ВШЭ, 2018.
7. Стародубцева И.А. Коллизионные отношения как разновидность конституционно-правовых : монография. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016.
8. Стародубцева И.А. Конституционные принципы федерального коллизионного права // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 59–65.
9. Тихомиров А.Ю. Правовое регулирование: теория и практика. М. : Формула права, 2008.
10. Тихомиров А.Ю. Коллизионное право и отклонения в правовой сфере // Право и политика. 2013. № 3 (159). С. 363–370.
11. Ямалетдинова Н.В. Правовое регулирование создания и функционирования согласительных комиссий в Федеральном Собрании Российской Федерации // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2019. № 2 (4). С. 19–25.

Дата поступления 25.06.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.7

ON THE LEGAL NATURE OF LAW OF CONFLICT

LATYPOVA Natalia Sergeevna

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law, Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.

E-mail: marchrose@yandex.ru

YAMALETDINOVA Natalia Vladimirovna

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law, Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.

E-mail: fnv80-80@mail.ru

The term “law of conflict” has firmly entered the categorical apparatus of Russian legal science, but today there is no unified approach to determining its place in the legal system. The article analyzes the scientific discussion, highlights the main points of view in the field of researching law of conflict. Purpose: to analyze the legal nature of law of conflict and determine the main trends in its development. Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Specific scientific methods are used: legal-dogmatic and method of interpretation of legal norms. Results: the legal nature of law of conflict is manifested primarily in conflict of laws dispersed in various branches of law that ensure law consistency and structural organization. Therefore, it does not belong expressly to

any branch. The authors propose to consider law of conflict as a complex inter branch-legal institution.

Key words: conflicts of law, legal conflict, contradictions in law, law of conflict, Federal law of conflict.

References

1. Vlasenko N.A. Kollizionnoye pravo Rossii: sostoyaniye i perspektivy (Law of Conflict in Russia: state and prospects), *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2017, No. 6, pp. 5–18.
2. Ibragimova F.M., Tulupova Ye.O. Aktual'nyye problemy konstitutsionnogo razvitiya v sfere razgranicheniya predmetov vedeniya i polnomochiy mezhdu federatsiyey i yeye sub'yektami (Actual problems of constitutional development in the sphere of delimiting the subjects of jurisdiction and powers between the federation and its subjects), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2014, No. 2 (36), pp. 168–171.
3. Latypova N.S. Razvitiye vneshnikh form sotrudnichestva organov mestnogo samoupravleniya (Development of external forms of cooperation between local government bodies), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2019, No. 4 (58), pp. 54–58.
4. Nosov S.I. Kollizionnoye pravo: problemy institutizatsii (Law of Conflict: problems of institutionalization), *Sotsiologiya vlasti*, 2012, No. 2, pp. 72–82.
5. Milinchuk D.S. Kollizionnoye pravo kak mezhotraslevoy institut sistemy rossiyskogo prava (Law of Conflict as an interdisciplinary institution of the Russian law system), *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*, 2016, No. 1, pp. 196–198.
6. Milinchuk D.S. Kollizionnoye pravo kak mezhotraslevoy institut rossiyskogo prava (Law of Conflict as an interdisciplinary institution of Russian law), *rezyume dis. ...kand. yurid. nauk*, Moscow, NIU VSHE, 2018.
7. Starodubtseva I.A. Kollizionnyye otnosheniya kak raznovidnost' konstitutsionno-pravovykh (Collisional relations as a kind of constitutional and legal relations), *monografiya*, Voronezh, Izdatel'skiy dom VGU, 2016.
8. Starodubtseva I.A. Konstitutsionnyye printsipy federal'nogo kollizionnogo prava (Constitutional principles of federal law of conflict), *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2012, No. 6, pp. 59–65.
9. Tikhomirov A.Yu. Pravovoye regulirovaniye: teoriya i praktika (Legal regulation: theory and practice), Moscow, Formula prava, 2008.
10. Tikhomirov A.Yu. Kollizionnoye pravo i otkloneniya v pravovoy sfere (Conflict law and deviations in the legal sphere), *Pravo i politika*, 2013, No. 3 (159), pp. 363–370.
11. Yamaletdinova N.V. Pravovoye regulirovaniye sozdaniya i funktsionirovaniya soglasitel'nykh komissiy v Federal'nom sobranii Rossiyskoy Federatsii (Legal regulation of the creation and functioning of conciliation commissions in the Federal Assembly of the Russian Federation), *Vestnik Instituta prava Bashkirkogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, No. 2 (4), pp. 19–25.

Received: 25.06.2020

УДК 342

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.8

**МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ
ВОПЛОЩЕНИЕ И ПРАВОРЕАЛИЗАЦИЯ В РОССИИ****МАЛЫЙ Александр Федорович***доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия. E-mail: afm-10@mail.ru*

Актуальность рассматриваемой в статье проблемы обусловлена значимостью миграционной политики для государства. В статье рассматриваются вопросы либерализации миграционного законодательства в России. Изложена проблема реализации норм права правоприменителем, сделан вывод о том, что правоохранительные органы и суды ориентируются на сложившуюся практику жесткого подхода к оценке деятельности субъектов миграционных отношений. Цель: акцентировать внимание на необходимости либерализации не только миграционного законодательства, но и правоприменительной практики, учета меняющейся миграционной политики в деятельности властных структур. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Использовались частнонаучные методы: исторический, юридико-догматический, метод толкования правовых норм. Результаты: исследование позволило сформулировать ряд выводов, касающихся выявленного направления миграционной политики, ее отражения в законодательстве. Отмечено сохранение традиционного подхода в деятельности правоохранительных органов, касающихся участников миграционных отношений. Он сохраняет свою репрессивную направленность и не вполне согласуется с провозглашенным политическим курсом на либерализацию миграционных отношений.

Ключевые слова: миграционная политика; законодательство; правоприменение; концепция; судебная практика; трудовые мигранты.

Трудовая миграция является неотъемлемой частью глобальных интеграционных процессов. Государства стремятся законодательно упорядочить перемещение трудовых ресурсов, вводя как поощрительные нормы, так и ограничивая въезд мигрантов, ужесточая режимы пребывания иностранных работников на своей территории [1]. Миграционные потоки стали одним из факторов, влияющих на экономическое развитие государства, его социально-экономическую обстановку в целом. Многообразие право-

вого регулирования обусловливается в том числе особенностями участия государств в экономических интеграционных объединениях [3, с. 26].

Российская Федерация прошла свой путь развития миграционного законодательства, который отразил все сложности формирования правовой системы государства, резко поменявшего идеологические установки на новые принципы строительства политических, экономических, социальных отношений. С исчезновением единой страны – СССР – и появлением новых государств возникли вызовы, порожденные значительными перемещениями рабочей силы на постсоветском пространстве. Советское законодательство о правовом статусе иностранных граждан уже не отвечало новым экономическим реалиям. Появилась необходимость регулирования проблем, возникших в результате распада СССР и обостривших отношения в сфере миграции трудовых ресурсов. О наличии сложностей в разработке соответствующих нормативных правовых актов свидетельствуют длительные сроки их разработки. Только в 2002 году был принят Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»¹. Ведомственные нормативные акты, детализирующие положения законов, появились еще позже [2].

Миграционное законодательство РФ развивалось на фоне сформировавшегося общественного мнения о неконтролируемой миграции как явлении скорее негативном, чем позитивном. Стремление ввести ограничения и поставить под контроль миграционные потоки в России нашли отражение в целом ряде ограничений для иностранцев, связанных с видами деятельности (например, запрет занимать должности, осуществлять отдельные виды работ), усилении ответственности за нарушение миграционного законодательства.

Если мы посмотрим на развитие нормативного регулирования трудовой миграции, то заметим два процесса, обусловливаемые политической и экономической обстановкой в стране. Первый – ужесточение требований к трудовым мигрантам, введение различного рода ограничений, второй – либерализация процесса допуска к выполнению трудовых функций (например, расширение сферы применения патента), снятие некоторых ограничений и запретов [4].

При достаточно жестком правовом регулировании миграционных отношений государство допускало его послабление в сферах, требующих повышенного внимания.

О гибкости миграционного законодательства может свидетельствовать принятие в 2007 году специального Федерального закона, предусматривающего введение особого (ускоренного и сокращенного) порядка

¹ Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3032.

выдачи разрешений на работу иностранным гражданам, заключившим гражданско-правовые договоры с Оргкомитетом «Сочи 2014» или Государственной корпорацией по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горно-климатического курорта ². Особое регулирование коснулось использования труда мигрантов, с которыми заключались трудовые договоры или гражданско-правовые договоры на выполнение работ, оказание услуг, связанных с осуществлением мероприятий по подготовке и проведению чемпионата мира по футболу 2018 года и иных подобных мероприятий ³.

Вариативность подходов законодателя к регулированию миграционных отношений обуславливается экономической целесообразностью, трансформируемой в политические решения и затем воплощаемой законодателем в нормах права. При этом права и свободы трудового мигранта вторичны, хотя и защищаются надлежащим образом в каждом конкретном случае, вызываемом экономической и политической целесообразностью. Что же касается общих норм, устанавливаемых для подавляющего большинства трудовых мигрантов, то их реализация часто обуславливается сложившейся правоприменительной практикой, усмотрением должностного лица.

Правоприменитель руководствуется в своей деятельности как общей миграционной политикой государства, так и собственными представлениями о должном. Одна и та же норма закона может быть истолкована по-разному. У правоприменителя понимание содержания нормы иногда формируется без желания учитывать интересы участников миграционных отношений, а обуславливается узковедомственным пониманием, в основе которого шаблонный взгляд на проблему и боязнь допустить ошибку, отойдя от устоявшегося ведомственного подхода к оценке деяния. Другим объяснением допускаемой вариативности в принятии решений является стремление правоохранительных органов показать результативность в борьбе с нарушителями закона, нередко поддерживаемое судебными инстанциями.

² Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 01.12.2007 № 310-ФЗ (ред. от 28.06.2014) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 49, ст. 6071.

³ О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года, чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 07.06.2013 № 108-ФЗ (ред. от 01.05.2019) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 23, ст. 2866.

Показательным является Постановление КС РФ от 04.02.2020 № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 18.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, части второй статьи 67 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца первого пункта 8 статьи 13 Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданки А.А. Викторовой»⁴. Сама фабула и разрешение возникшей коллизии показательны с точки зрения отношения правоприменителя к содержанию нормы права и ее истолкованию. Изложение сути дела и аргументации Суда требует значительного цитирования.

Основанием направления жалобы в Суд явилась неопределенность (по мнению заявительницы В.) в понимании нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП), предусматривающей административную ответственность за неуведомление уполномоченного органа о заключенном трудовом договоре с иностранным работником, а также норм Трудового Кодекса РФ и Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Статья 18.15 (ч. 3) КоАП предусматривает наказание за «неуведомление или нарушение установленного порядка и (или) формы уведомления территориального органа федерального органа исполнительной власти, осуществляющего федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, о заключении или прекращении (расторжении) трудового договора или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) с иностранным гражданином в срок, не превышающий трех рабочих дней с даты заключения, прекращения (расторжения) договора, если такое уведомление требуется в соответствии с федеральным законом»⁵.

Индивидуальный предприниматель В. приняла на работу водителем гражданина Таджикистана, заключила с ним трудовой договор и своевременно уведомила об этом уполномоченный орган. Проведенная правоохранительными органами проверка выявила, что данный гражданин Таджикистана выполнял функции продавца, при этом соответствующий договор не был оформлен. Предприниматель не уведомила Отделение по вопросам трудовой миграции Управления МВД об изменении трудовых обязанностей иностранного гражданина.

Рассматривая данное дело по первой и второй инстанции, суды пришли к выводу, что каждый факт привлечения к выполнению трудовых функций иностранного гражданина предполагает обязанность работода-

⁴ Собрание законодательства РФ. 2020. № 6, ст. 744.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.

теля направить соответствующее уведомление в уполномоченный орган, а неисполнение данной обязанности является основанием для привлечения работодателя к административной ответственности.

Конституционный Суд посмотрел на возникшую коллизию комплексно, с учетом норм трудового законодательства, равным образом регламентирующего трудовые отношения всех участников этих отношений безотносительно особенностей правового положения каждой из сторон при условии, что эти особенности учтены при реализации прав и обязанностей в других отношениях (миграционных). Его аргументация основана на строгом следовании нормам права, обращении к их очевидному содержанию, выявлении взаимосвязей этих норм.

Суд еще раз подтвердил, что «закон, устанавливающий административную ответственность, не может толковаться при его применении расширительно, т. е. как распространяющийся на деяния, прямо им не запрещенные. Расширительное толкование оснований административной ответственности несовместимо с юридическим равенством и с принципом соразмерности устанавливаемых ограничений конституционно одобряемым целям». Согласно Закону обязанность работодателя уведомлять уполномоченный орган о привлечении к трудовой деятельности иностранного работника ограничивается сообщением о фактах заключения и расторжения трудового договора (абзац 1 пункта 8 статьи 13 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»).

Трудовое законодательство Российской Федерации содержит общие правила относительно поручения работнику выполнения иной функции (не обусловленной трудовым договором), перемещения работника на другой участок работы в рамках одного предприятия. Эти правила распространяются и на трудовых мигрантов. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» не детализирует трудовые отношения с участием иностранного элемента, однако при возникновении спорных вопросов относительно прав и обязанностей участников миграционных отношений обращение к отраслевому законодательству неизбежно. И в коллизионной ситуации отраслевой закон является определяющим.

Толкуя нормы действующего отраслевого законодательства в их единстве, определяемом предметом спора, Суд исходил и из буквального понимания норм. Он отметил, что Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» не предусматривает обязанность «работодателя, привлекающего и использующего для осуществления трудовой деятельности иностранного гражданина, уведомлять указанный орган о любых изменениях определенных сторонами

условий трудового договора, заключенного с иностранным гражданином (в том числе о поручении такому работнику иной оплачиваемой работы у того же работодателя, а также об изменении адреса, по которому осуществляется трудовая деятельность)»).

Данная мера направлена в первую очередь на обеспечение контроля за использованием работодателями иностранной рабочей силы, что согласуется как с целями миграционной политики Российской Федерации, так и с обусловленной социальным характером государства задачей по поддержанию приемлемой – с точки зрения защиты национального рынка труда – миграционной обстановки, а потому сама по себе не может рассматриваться как не согласующаяся с конституционными предписаниями.

Признав обжалуемые нормы федеральных законов не противоречащими Конституции РФ, Суд указал на искажение их конституционно-правового смысла правоприменителем. Такой вывод вполне мог сделать и суд общей юрисдикции. Но выбрал иной вариант толкования норм, который был предложен инициаторами наложения административного взыскания и опирался на традиционный подход к оценке действий трудового мигранта и его работодателя как потенциальных нарушителей.

Вынося свое решение, Конституционный Суд исходил в том числе из необходимости следования общей миграционной политике государства. В Постановлении Суда можно видеть упоминание миграционной политики, которая ориентирована в том числе и на создание более благоприятных условий экономической деятельности трудовых мигрантов.

Миграционная политика формируется не только заявлениями лидеров государства, находит отражение в нормативных правовых актах, но и в концентрированном виде отражается в специальных документах. В России таким документом является «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы», которая была утверждена Указом Президента РФ от 31 октября 2018 года⁶. В ней достаточно ясно выражены требования относительно развития соответствующего нормативного правового регулирования: «совершенствование миграционного законодательства Российской Федерации предполагает прежде всего установление простых, понятных для граждан и исполнимых правил, отвечающих цели, принципам и задачам миграционной политики, свободных от административных барьеров и обусловленных ими издержек».

⁶ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. Указ Президента РФ от 31.10.2018. № 622 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 45, ст. 6917.

В Концепции определены цели, принципы, задачи, основные направления миграционной политики. В числе задач: «дальнейшее развитие механизмов и средств профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации...» (пп. «д» п. 21 Концепции)⁷. Это задача правоохранительных органов. Но помимо этой есть и другие. Например: «создание условий для адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации иностранных граждан» (пп. «б» п. 21 Концепции), поощрение въезда в Российскую Федерацию и пребывание на ее территории иностранных граждан, желающих развивать экономические, деловые, профессиональные, научные, культурные и иные связи, изучать язык, историю и культуру нашей страны, способных благодаря своей трудовой деятельности, знаниям и компетенциям содействовать экономическому, социальному и культурному развитию России (пп. «а» п. 21 Концепции).

Правоохранительные органы и судебная система часто выбирают для реализации только те задачи, которые обращены непосредственно к ним, но не связывают выполнение этих задач с общим направлением государственной политики. Только в корреляции с другими задачами возможно достижение целей, которые являются общими для всех государственных структур, институтов гражданского общества. А цель определена достаточно определенно и ясно: «Целью миграционной политики является создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода». Только ужесточением карательных мер этой цели достигнуть нельзя. Тем более что ограничительные меры – это прямой путь к усилению коррупционных проявлений.

Провозглашая более либеральную миграционную политику, государство стремится к созданию благоприятных условий для трудовых мигрантов. Во всяком случае, наблюдаемые корректировки законодательства свидетельствуют об этом. Периодически вносимые изменения в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской

⁷ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. Указ Президента РФ от 31.10.2018. № 622 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 45, ст. 6917.

Федерации» нацелены на снятие ограничений в области осуществления трудовой деятельности иностранцами. Например, меняются сроки рассмотрения заявлений. Так, п. 3 ст. 6 Закона предусматривал шестимесячный срок рассмотрения заявления иностранного гражданина о выдаче ему разрешения на временное проживание на территории РФ. Федеральным законом от 02.08.2019 года этот срок уменьшен до четырех месяцев. Положительно следует оценить расширение сферы действия патента.

Введенное Федеральным законом от 06.02.2020 № 16-ФЗ дополнение предусматривает возможность «обучающихся в Российской Федерации по очной форме в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования по основной профессиональной образовательной программе, имеющей государственную аккредитацию», осуществлять трудовую деятельность в свободное от учебы время без получения разрешения на работу или патента (п. 7.1 ч. 4 ст. 13 Закона) (дополнение вступило в силу с 05.08.2020). Прежний порядок предусматривал возможность трудовой деятельности обучающимся без получения разрешения на работу или патента лишь в случаях, когда такая деятельность осуществлялась в период каникул или в структурных подразделениях или хозяйственных обществах образовательного учреждения. Снятие ограничений является проявлением политики государства, направленной на уменьшение неоправданных барьеров и создание более комфортных условий для иностранных студентов, стремящихся осуществлять трудовую деятельность на территории России.

Положительно оценивая данную и другие законодательные новации, направленные на создание более приемлемых условий для трудовой деятельности иностранных граждан, можно обратить внимание на колебания миграционной политики. Отсутствие детального законодательного регулирования трудовых отношений с участием иностранного элемента в 90-х годах прошлого века и вызванное этим обстоятельством негативное отношение к миграционной политике государства со стороны общества трансформировалось в жесткое регулирование миграционных отношений, не учитывающее отдельных нюансов и особенностей. Можно ожидать, что начавшаяся либерализация законодательства о трудовых мигрантах затронет и правоохранительные органы, их способность видеть в человеке независимо от его гражданской принадлежности равного участника гражданско-правовых отношений и способность находить в действующем законодательстве не только карательную составляющую, но и возможность применения превентивных, предупредительных мер воздействия на участников миграционных отношений.

Библиографические ссылки

1. Васильева Т.А. Миграционная политика, гражданство и статус иностранцев в странах западной демократии. М. : Институт права и публичной политики, 2010.
2. Зайцева К.В. Этапы развития политики России в области трудовой миграции // Политические науки и регионоведение. 2014. № 2. С. 17–21.
3. Малая Т.Н., Малый А.Ф. Охрана социальных прав трудовых мигрантов национальным законодательством // Правовая реформа в Казахстане. Информационно-аналитический журнал. 2017. № 1 (77). С. 26–28.
4. Правовое регулирование социально-трудовых отношений с иностранными гражданами: междисциплинарный подход : монография / под общ. ред. проф. д-ра юрид. наук, проф. Е.Б. Хохлова, канд. юрид. наук Е.В. Сыченко. М. : Юрлитинформ, 2019.

Дата поступления: 24.06.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.8

MIGRATION POLICY: LEGISLATIVE EMBODIMENT AND LEGAL IMPLEMENTATION IN RUSSIA

MALYI Alexander Fedorovich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

E-mail: afm-10@mail.ru

The relevance of the article is due to the importance of migration policy for the state. The article discusses the issues of liberalization of migration legislation in Russia. The problem of the implementation of legal norms by the law-enforcer is reviewed, the conclusion is drawn that law enforcement agencies and courts are guided by the established practice of a rigid approach to assessing the activities of subjects of migration relations. Purpose: to focus on the need to liberalize not only migration legislation, but also law enforcement practice, taking into account the changing migration policy in the activities of power bodies. Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic are used. Specific scientific methods are used: historical, legal-dogmatic, method of interpreting legal norms. Results: the study makes it possible to formulate a number of conclusions regarding the identified direction of migration policy, its reflection in legislation. The preservation of the traditional approach in the activities of law

enforcement agencies concerning participants in migration relations is noted. It retains its repressive orientation and is not fully consistent with the proclaimed political course towards the liberalization of migration relations.

Key words: migration policy, legislation, law enforcement, concept, judicial practice, labor migrants.

References

1. Vasil'yeva T.A. Migratsionnaya politika, grazhdanstvo i status inostrantsev v stranakh zapadnoy demokratii, Moscow, Institut prava i publichnoy politiki, 2010.
2. Zaytseva K.V. Etapy razvitiya politiki Rossii v oblasti trudovoy migratsii (Stages of development of Russian policy in the field of labor migration), *Politicheskiye nauki i regionovedeniye*, 2014, No. 2, pp. 17–21.
3. Malaya T.N., Malyy A.F. Okhrana sotsial'nykh prav trudovykh migrantov natsional'nym zakonodatel'stvom (Protection of social rights of labor migrants by national legislation), *Pravovaya reforma v Kazakhstane. Informatsionno-analiticheskiy zhurnal*, 2017, No. 1 (77), pp. 26–28.
4. Pravovoye regulirovaniye sotsial'no-trudovykh otnosheniy s inostrannymi grazhdanami: mezhdistsiplinarnyy podkhod (Legal regulation of social and labor relations with foreign citizens: an interdisciplinary approach), monografiya, pod obshch. red. prof. d-ra yurid. nauk, prof. Ye.B. Khokhlova, kand. yurid. nauk Ye.V. Sychenko, Moscow, Yurlitinform, 2019.

Received: 24.06.2020

УДК 349.2

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.9

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОНЯТИЯ «РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ»
ПО ДЕЛАМ ОБ УВОЛЬНЕНИИ ЗА ПОЯВЛЕНИЕ РАБОТНИКА
В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ**

СЕМЕНОВА Елена Юрьевна*старший преподаватель кафедры гражданского процесса Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: elena-127@mail.ru***ЯКУПОВА Рузиля Ринафовна***магистр юриспруденции, ведущий юрисконсульт Филиала ПАО АНК «Башнефть» «Башнефть-Уфанефтехим», г. Уфа, Россия.**E-mail: 9373200274@mail.ru*

Актуальной задачей Российской Федерации на современном этапе является проведение политики профилактики алкоголизма. Нормативная правовая база содержит меры ответственности, реализуются федеральные концепции по профилактике алкоголизма, работают временные ограничения продажи алкоголя и пр. Злоупотребление алкогольной продукцией вызывает высокий уровень смертности, особенно среди мужчин 40–60 лет, которые в этом возрасте обладают наиболее ценными профессиональными навыками. Их преждевременный уход из жизни наносит ущерб трудовым ресурсам, обладающим профессиональным опытом, снижает объем инвестиций в человеческий капитал. В области трудовых отношений предусмотрено применение дисциплинарного взыскания в форме увольнения за нахождение работника на рабочем месте в состоянии алкогольного опьянения. Однако механизмы, предусмотренные в трудовом законодательстве, не всегда реализуются соответствующим образом из-за различного подхода к применению закона, соответственно, из-за этого у работодателя возникают проблемы. Цель: анализ проблем правоприменения понятия «рабочее время». Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Применялись частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. Результаты: исследование позволило рассмотреть разные подходы к применению определения «рабочее время». Также в работе проведен анализ судебной практики по восстановлению на работе работников, появившихся в состоянии алкогольного опьянения на опасных производственных объектах в Республике Башкортостан. На сегодняшний день отсутствует единообразная

практика по восстановлению работников, находившихся в состоянии алкогольного опьянения на территории работодателя. Данное обстоятельство является пробелом в механизмах борьбы с алкоголизмом. До тех пор, пока не будут внесены соответствующие изменения в ТК РФ, судебная практика по таким делам будет оставаться противоречивой.

Ключевые слова: трудовое законодательство; трудовой договор; алкогольное опьянение; работник; работодатель; дисциплинарное взыскание; рабочее время; увольнение; судебная практика; восстановление на работе.

Реализация мероприятий по борьбе с алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией имеет важное значение, поскольку такого рода вещества приводят к низкой дисциплине, провоцируют травмы, острые заболевания и увеличивают риски возникновения происшествий и получения материального ущерба организации.

Действующее трудовое законодательство содержит механизм увольнения за употребление алкоголя. Однако в последние годы данный механизм реализуется достаточно спорно.

В соответствии с ТК РФ возможно расторжение трудового договора работодателем, в случае если работник появился на рабочем месте в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического). Чтобы данный механизм действовал, работодатель обязан правильно отстранить и соблюсти порядок применения дисциплинарного взыскания.

Согласно ТК РФ если работник совершил дисциплинарный проступок, то работодатель имеет право применить к нему дисциплинарное взыскание в виде замечания, выговора, увольнения по соответствующим основаниям. К дисциплинарным взысканиям, в частности, относится увольнение работника по основаниям, предусмотренным пунктами 5, 6, 9 и 10 части первой статьи 81 ТК РФ. При наложении дисциплинарного взыскания должны учитываться тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен.

При анализе нормативной базы в части применения дисциплинарного взыскания в отношении работников, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, кажется, что все предельно просто: работник пришел на работу в состоянии алкогольного опьянения, активирование, медицинское освидетельствование, отстранение от работы, требование о предоставлении объяснительной, объяснительная работника, анализ документов и подготовка проекта приказа, увольнение.

Однако проблема кроется в таком понятии, как «рабочее время». И вот тут, по мнению представителей опасных производственных объектов, как раз и возникают сложности.

В соответствии с трудовым законодательством дисциплинарным проступком считается неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей. Свои трудовые обязанности работник должен исполнять в рабочее время, которое определяется в трудовом договоре и в правилах внутреннего трудового распорядка. По смыслу действующего трудового законодательства в случае появления работника в состоянии алкогольного опьянения на территории работодателя в нерабочее время применять дисциплинарное взыскание нельзя. Соответственно, представленные формулировки норм трудового законодательства предусматривают ответственность за нахождение на рабочем месте в состоянии алкогольного или иного опьянения только в рабочее время. На практике это приводит к невозможности уволить работника, состояние опьянения которого выявлено до начала рабочего времени или после его окончания (например, задержка работника с признаками алкогольного опьянения на контрольно-пропускном пункте при входе на территорию организации).

Верховный Суд Российской Федерации в ходе рассмотрения спора о правомерности увольнения работника пришел к выводу, что применение к работнику мер дисциплинарной ответственности за проступок, совершенный за пределами рабочего времени (работник находился в отпуске), является неправомерным и тем самым ограничивает права работника¹.

Логика решений по восстановлению работников в данном контексте относительно проста: дисциплинарный проступок может быть совершен только в рабочее время, так как в свободное от работы время на работника выполнение трудовых обязанностей не может быть возложено. В связи с этим закон не дает право работодателю регламентировать поведение работника в свободное от исполнения его трудовых обязанностей время².

Но в то же время в одном и том же субъекте (Республика Башкортостан) идет различное применение одних и тех же обстоятельств на уровне апелляционной инстанции:

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 15 мая 2017 г. № 47-КГ17-4 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Красноярского краевого суда от 2 октября 2017 г. № 33-12478/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Белгородского областного суда от 24 октября 2017 г. № 33-4960/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 23 мая 2018 г. по делу № 33-6564/2018 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

1. Верховный Суд Республики Башкортостан оставил в силе решение суда о восстановлении работника, находившегося в состоянии алкогольного опьянения до начала рабочего времени. Оставляя в силе решение суда первой инстанции, суд руководствовался тем, что факт алкогольного опьянения истца был установлен работодателем в период между сменами – в 7.00 часов утра. Рабочий день в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка начинается в 8.00 часов утра. Увольнение считается законным по действующему трудовому законодательству при наличии факта нахождения работника в состоянии алкогольного опьянения в рабочее время на рабочем месте. Поскольку рабочее время не наступило, апелляционная инстанция посчитала решение суда законным ³.

2. По аналогичному делу Верховный Суд Республики Башкортостан отменяет решение суда первой инстанции о восстановлении на работе работника, находившегося в состоянии алкогольного опьянения до начала смены. Вышестоящая инстанция в данном случае посчитала, что если работник находился на территории организации – работодателя в состоянии алкогольного опьянения и в последствии был не допущен к выполнению своих трудовых обязанностей, это является основанием для увольнения такого работника по п.п. «б» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, потому что в данном случае дисциплинарный проступок был обнаружен на территории организации – работодателя, на которой указанный работник появился по собственной воле, а работодатель своевременно выявил совершение этим работником названного дисциплинарного проступка ⁴.

Если абстрагироваться от прямого толкования норм трудового законодательства, вторая позиция Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ более близка к реалиям. На опасном производственном объекте (вышеуказанные ситуации произошли на территории ПАО «Уфаоргсинтез») работник должен явиться на рабочее место раньше, чтобы успеть принять смену, к тому же имеются требования по охране труда, которые указывают на необходимость принятия смены. Соответственно, появившись на территории работодателя с намерением пройти на рабочее место в состоянии алкогольного опьянения, по своей сути, и есть нарушение законодательства, так как если работодатель не остановит работника, могут быть разные последствия. Но данная позиция суда выглядит не совсем убедительной из-за того, что не подкреплена законо-

³ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 16 мая 2019 г. по делу № 33-9831/2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://vs.bkr.sudrf.ru/> (дата обращения: 11.01.2020).

⁴ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 5 сентября 2019 г. по делу № 33-17311/2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://vs.bkr.sudrf.ru/> (дата обращения: 11.01.2020).

дательно, а строится на субъективном толковании ситуации вышестоящей инстанцией. Возможно, в последующем в свет выйдет обобщение практики относительно проблемы применения норм трудового законодательства, но на данном этапе работодатель в уязвимом положении.

Необходимо учитывать, что работодатель не имеет права допускать работника в состоянии алкогольного опьянения на рабочее место не только по соображениям безопасности. За допуск работника в состоянии алкогольного опьянения предусмотрена административная ответственность. Абсурдная ситуация: работодатель не допускает пьяного работника на рабочее место, но смысла привлекать к дисциплинарной ответственности нет, так как работодатель понесет материальные убытки и будет обязан восстановить работника, злоупотребляющего алкоголем. Как указывает Н.А. Загвоздина, конкретные способы установления факта нахождения работника на рабочем месте в состоянии алкогольного опьянения трудовым законодательством РФ не регламентированы [1, с. 51].

В январе 2018 года были предприняты попытки изменить трудовое законодательство по данному вопросу. Членами Совета Федерации Федерального Собрания (Т.А. Кусайко, В.В. Рязанский, И.Н. Каграманян, А.Д. Башкин)⁵ в Государственную Думу Федерального Собрания был внесен законопроект «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации». Указанный законопроект содержал положения относительно проблемы правоприменения рабочего времени при наложении дисциплинарного взыскания в отношении работников, явившихся на работу до начала рабочего времени. По данному законопроекту планировалось внести изменения в статью 81 ТК РФ и добавить новую статью 193.1 ТК РФ относительно медицинского освидетельствования. В этих положениях подчеркивается, что работник, появившийся на рабочем месте в состоянии опьянения и уволенный за этот проступок, с высокой степенью вероятности может быть восстановлен судом на работе. Субъектами права законодательной инициативы в пояснительной записке указано, что «подобная практика приводит к формированию в обществе мнения о приемлемости и допустимости употребления опьяняющих веществ на рабочем месте, вследствие чего оказывает отрицательный воспитательный эффект». Но данный законопроект был возвращен субъекту права законодательной инициативы на этапе предварительного его рассмотрения для выполнения требований статьи 104 Конституции РФ, 105 Регламента Государственной

⁵ Кусайко Т.А., Рязанский В.В., Каграманян И.Н., Башкин А.Д. Законопроект № 358830-7 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации». Государственная Дума Российской Федерации // URL: <http://duma.gov.ru> (дата обращения: 19.01.2020).

Думы, так как отсутствовало заключение Правительства РФ. На данный момент движения по данному законопроекту отсутствуют.

Таким образом, на сегодняшний день отсутствует единообразная практика по восстановлению работников, находившихся в состоянии алкогольного опьянения на территории работодателя. Данное обстоятельство является пробелом в механизмах борьбы с алкоголизмом. До тех пор, пока не будут внесены соответствующие изменения в ТК РФ, судебная практика по таким делам будет оставаться противоречивой.

Библиографические ссылки

1. Загвоздина Н.А. Проблемы рассмотрения гражданских дел о восстановлении на работе лиц, уволенных в связи с появлением на работе в состоянии алкогольного опьянения // Законность. 2017. № 7. С. 51–53.

Дата поступления: 21.01.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.9

PROBLEMS OF APPLYING THE CONCEPT OF WORKING TIME IN CASES OF DISMISSAL FOR EMPLOYEE'S APPEARING UNDER THE INFLUENCE OF ALCOHOL

SEMENOVA Elena Yurievna

Senior Instructor of the Chair of Civil Procedure of the Institute of Law of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: elena-127@mail.ru

YAKUPOVA Ruzilya Rinafovna

Master of Law, Lawyer at PAO ANK "Bashneft" "Bashneft-Ufaneftekhim", Ufa, Russia. E-mail: 9373200274@mail.ru

To date an urgent task of the Russian Federation is to conduct a policy of alcoholism prevention. The regulatory framework contains measures of responsibility, federal concepts for alcoholism prevention are being implemented, temporary restrictions on alcohol purchase are put into action, and so on. Alcohol abuse causes a particularly high death rate among men of 40 to 60 years old, who at this age have the most valuable professional skills. Their premature death damages the workforce with professional experience and reduces the amount of investment in human capital. In the field of labor relations, it is envisaged to apply disciplinary penalties in the form of dismissal of an employee for being under alcoholic intoxication at work. However, the mechanisms provided for in

the labor legislation are not always implemented in an appropriate way due to different approaches in applying the law, thus the employer has problems. Purpose: analysis of problems of law enforcement of the concept “working time”. Methods: empirical methods of comparison, description, and interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Specific scientific methods are used: legal-dogmatic and method of interpretation of legal norms. Results: the study allows us to consider different approaches to the use of the concept of “working time”. The analysis of judicial practice on reinstatement of employees who appeared under alcoholic intoxication at hazardous production facilities in the Republic of Bashkortostan is also carried out. To date, there is no uniform practice for restoring employees who were intoxicated on the employer’s territory. This fact is a gap in the mechanisms of combating alcoholism. Until appropriate changes are made to the Labour Code of the Russian Federation, judicial practice in such cases will remain controversial.

Key words: labor legislation; labor contract; alcohol intoxication; employee; employer; disciplinary action; working hours; dismissal; judicial practice; reinstatement at work.

References

1. Zagvozdina N.A. Problemy rassmotreniya grazhdanskikh del o vosstanovlenii na rabote lits, uvolennykh v svyazi s poyavleniyem na rabote v sostoyanii alkogol'nogo op'yaneniya (Problems of consideration of civil cases on reinstatement of persons dismissed in connection with appearing at work under alcohol intoxication), *Zakonnost'*, No. 7, 2017, pp. 51–53.

Received: 21.01.2020

УДК 347

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.10

НОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕГУЛИРОВАНИИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ШУВАЛОВ Игорь Иванович

кандидат юридических наук, председатель Государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ», г. Москва, Россия. E-mail: pr_shuvalova@veb.ru

Цель: в статье проведен анализ норм Гражданского кодекса Российской Федерации с позиции их влияния на правовое регулирование инвестиционной деятельности. **Методы:** автором применялись методы буквального толкования, телеологического (целевого) толкования правовых норм, анализа, индукции и дедукции. **Результаты:** отмечено, что большинство крупных инвестиционных проектов предполагают следующую модель взаимодействия инвесторов и реципиентов: первичное согласование примерных условий взаимодействия и заключение основной массы необходимых для реализации проекта гражданско-правовых договоров уже на втором этапе сотрудничества. В связи с этим отдельное внимание уделено таким гражданско-правовым договорам, как предварительный договор и рамочный договор. С позиции своего рода «гарантии» прав инвестора и реципиента капитала названы институт соглашения о предоставлении опциона на заключение договора, иначе именуемого опционом на заключение договора, а также опционный договор. В статье сделан вывод о повышении значимости принципа защиты «слабой» стороны договора. При этом существенное изменение претерпела сама концепция законодательного регулирования отношений сторон договоров, которые часто используют как инвесторы, так и реципиенты капиталовложений. Автор подчеркивает, что «продолжниковская» ориентация российского законодательства постепенно корректируется путем формирования многочисленных исключений в сторону большей защиты прав кредиторов. Такое решение призвано соблюсти принцип сбалансированности экономических интересов сторон правовых отношений.

Ключевые слова: гражданское законодательство; инвестиционная деятельность; инвестор; реципиент; гражданско-правовые договоры; корпоративное право; банкротство.

Современное гражданское законодательство, хотя и не содержит прямого указания на инвестиционную деятельность как на предмет регулирования гражданского законодательства, применяется и к инвестиционным отношениям.

Во-первых, под действие гражданского законодательства однозначно подпадает предпринимательская деятельность с участием государства и муниципальных образований, в том числе деятельность по привлечению инвестиций¹.

Во-вторых, к предмету действия гражданского законодательства относятся нормы корпоративного права, которые регулируют отношения, в том числе в сфере оборота прав участия в уставном капитале корпоративных юридических лиц (акций, долей, паев), что также является одной из форм инвестирования.

В-третьих, нормами ГК РФ регулируются абсолютные правоотношения инвесторов-собственников (и иных обладателей имущественных прав на объекты недвижимости) с государством, обладателями имущественных прав на соседние объекты недвижимого имущества и третьими лицами.

В-четвертых, договоры, регулирующие отношения инвесторов и реципиентов капитала, априори подпадают под действие положений гражданского законодательства. Принцип свободы договора предполагает, в том числе заключение смешанных договоров и непоименованных договоров, к которым относится большинство договоров между инвестором и реципиентом.

Большинство крупных инвестиционных проектов предполагают следующую модель взаимодействия инвесторов и реципиентов: первичное согласование примерных условий взаимодействия и заключение основной массы необходимых для реализации проекта гражданско-правовых договоров уже на втором этапе сотрудничества².

Так, ГК РФ предусматривает предварительный договор (ст. 429), обязывающий стороны заключить в будущем основной договор на условиях, предусмотренных этим предварительным договором; рамочный договор, иначе называемый договором с открытыми условиями (ст. 429.1), определяющий общие условия будущих обязательственных взаимоотношений сторон, которые подлежат конкретизации и уточнению сторонами путем заключения отдельных договоров или иным образом на основании

¹ Еще в советские годы классик советского международного частного права Л.А. Лунц отмечал: «Доктрина, по которой соглашение между частным лицом, иностранной компанией и государством выводится из сферы гражданского права и переносится в область международного публичного права, имеет своей предпосылкой тезис о возможности для частноправовой организации и для отдельного физического лица быть субъектом международно-правовых отношений – тезис, стоящий в прямом противоречии с принципом государственного суверенитета» (Лунц Л.А. Курс международного частного права. Особенная часть. М. : Юридическая литература, 1975. С. 4).

² В качестве примера см. Соглашение от 17.05.2019 № 100 о намерениях по реализации инвестиционного проекта между Правительством Московской области и обществом с ограниченной ответственностью «СИГМА». URL: <https://mosreg.ru/download/document/994750>.

либо во исполнение рамочного договора. К отношениям сторон, не урегулированным отдельными договорами, применяются общие условия рамочного договора, если иное не указано в отдельных договорах или не вытекает из существа обязательства.

Также в качестве своего рода «гарантии» прав инвестора и реципиента капитала можно назвать условные сделки (под отлагательным и отменительным условиями). Однако проблема их использования в инвестиционной деятельности состояла в неопределенности юридической допустимости «потестативного условия» (условия, целиком или полностью зависящего от другой стороны) в такого рода сделках [1, с. 202–211]. В определенном смысле альтернативой стало введение института соглашения о предоставлении опциона на заключение договора, иначе именуемое опционом на заключение договора (ст. 429.2 ГК РФ), а также опционный договор (ст. 429.3 ГК РФ). Наконец, вступила в юридическую силу ст. 327.1 ГК РФ, легализовавшая обусловленное исполнение обязательств, в том числе условиями, полностью зависящими от одной из сторон.

Однако подходы остаются неоднозначными как в доктрине, так и в судебной практике ³. Возникают квалификационные трудности в отделении в каждом случае потестативных условий условной сделки от встречного договорного обязательства. Например, В.В. Витрянский считает ошибочным подход, согласно которому договоры, предусматривающие обусловленное исполнение обязательств, отождествляются со сделками с отлагательными (отменительными) условиями [2]. А.Г. Карапетов, напротив, считает, что проблема решена именно с вступлением в юридическую силу ст. 327.1 ГК РФ [5].

Следует отметить, что отсутствие правового регулирования ведет к перехвату инвестором инициативы в определении условий сделки. Во избежание этого гражданское законодательство серьезно повысило значимость принципа защиты «слабой» стороны договора.

Существенное изменение претерпела сама концепция законодательного регулирования отношений сторон договоров, которые часто используют как инвесторы, так и реципиенты капиталовложений: договоры, сконструированные по модели договоров присоединения; договоры, заключенные на основе предварительных договоров; договоры, заключенные на основе типовых условий; рамочные договоры. При этом сторона договора, формирующая его условия, старательно подчеркивала в текстах

³ Например, Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд квалифицировал условия, являющиеся результатом действий третьих лиц как потестативное условие (постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.07.2019 № 11АП-10833/2019 по делу № А65-41153/2018).

договоров право другой стороны на его расторжение и изменение его условий или вообще включала в договор прямое указание на отсутствие юридической характеристики договора присоединения. В результате сторона, фактически лишенная возможности внести изменения в текст договора, лишалась и прав, предоставленных законодательством стороне, присоединяющейся к договору.

ГК РФ указал на то, что договор, условия которого определены исключительно одной из сторон, тогда как другая сторона в силу очевидного неравенства переговорных возможностей не имеет возможности согласовать иные условия такого договора, является договором присоединения⁴. В свою очередь, судебная практика⁵ позаимствовала из Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА правило *contraproferentem* – о приоритете толкования договора не в пользу стороны, сформировавшей его условия⁶.

Вместе с тем нельзя не отметить и противоположной тенденции: ставшая практически *locuscommunis*⁷ «продолжниковская» ориентация российского законодательства (защита «слабой» стороны договора, более выгодное положение обычного физического лица по сравнению с физическим лицом – субъектом предпринимательской деятельности) постепенно корректируется путем формирования многочисленных исключений в сторону защиты прав кредиторов. Такое решение призвано соблюсти принцип сбалансированности экономических интересов сторон правовых отношений.

Очевидно и то, что чрезмерная «патерналистская» защита должника российским законодательством в конечном счете приведет к снижению заинтересованности потенциальных инвесторов – сотрудничество с лицом, которое пользуется своего рода иммунитетом от судебного преследования и останется фактически безнаказанным при неисполнении (ненадлежащем исполнении) им своих обязательств, проигрывает перспективе взаимодействия с лицом, не обладающим такими привилегиями. Это повлечет за собой если не отказ от заключения сделок, то заметное удо-

⁴ См. п. 3 ст. 428 ГК РФ в редакции ред. Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ.

⁵ Решение МКАС при ТПП РФ от 26.06.2015 по делу № 206/2014; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.09.2019 № 09АП-43911/2019 по делу № А40-246928/2017.

⁶ Очевидно, что такое понимание распространяется не только и не столько на заключенные инвестором и реципиентом капитала договоры присоединения, но и на остальные договоры, условия которых формулирует исключительно или преимущественно одна сторона – например, договоры, заключенные по результатам тендера. Безусловно, в качестве такового может рассматриваться договор, составленный не только реципиентом, но и инвестором.

⁷ Общее место (лат).

рожение процедур их заключения, что неминуемо отразится на стоимости товаров и услуг для потребителя.

Дополнительным катализатором изменений такого подхода стало предоставление ФНС права залога на арестованное по налоговым долгам имущество должника. В 2020 г. вступили в юридическую силу поправки в Налоговый кодекс РФ, в соответствии с которыми ФНС приобретает право залога на арестованное по налоговым долгам имущество должника. Очевидно, что заинтересованность государства в определенном решении данного вопроса окажет влияние на содержание правового регулирования в целом. Ввиду того, что гражданское законодательство приравнивает реципиентов капитала к обычным участникам гражданского права, суды будут вынуждены унифицировать подходы к решению этого вопроса именно в пользу унификации правового статуса кредитора.

Такое нововведение объясняется неуклонным снижением процента удовлетворенных требований кредиторов при банкротстве должников. Так, в январе-сентябре 2019 г. доля погашенных требований незалоговых кредиторов банкрота составила 2,4 % (против 4,2 % в 2018-м), залоговых – 32,4 % (против 38,6 %) ⁸. При этом субсидиарная ответственность субъектов гражданского права по российскому гражданскому законодательству существенно ужесточилась за счет доктрины «снятия корпоративной вуали», а также за счет отказа российских арбитражных судов от формализма при определении наличия контроля одного лица за другим, что выразилось в преобразовании фактической связи между юридическими лицами холдинга в юридически значимый факт, оказывающий влияние на содержание судебных решений. Нельзя не отметить и тот факт, что банкротство чаще всего не является показателем реального финансового состояния холдинга ⁹.

В современном гражданском законодательстве повышен уровень правовой защиты добросовестных приобретателей недвижимого имущества. Вряд ли откровением станет то, что значительная доля инвестиций осуществляется путем приобретения недвижимого имущества – приобретатель недвижимости, который ознакомился с данными государственных реестров и основывался на этой информации, предполагается добросовестным приобретателем, пока в судебном порядке не доказана его осведомленность (предполагаемая осведомленность) об отсутствии права на приобретаемое им недвижимое имущество у отчуждателя имущества в его пользу ¹⁰.

⁸ См.: Борьба за банкрота. Юридическое бизнес-тематическое приложение к газете «Коммерсант» 12 ноября 2019 № 207 (6687 с момента возобновления издания).

⁹ Позволяя выплачивать только 5–10 % задолженности, процедура банкротства используется для уклонения от налогов и избавления от обязательств.

¹⁰ Федеральный закон от 16.12.2019 № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 286.

Кроме того, органы государственной власти (местного самоуправления) утратили, в соответствии с новой редакцией ч. 4 ст. 302 ГК РФ, право истребовать жилое помещение у добросовестных приобретателей – частных лиц с истечением срока исковой давности (три года) с даты регистрации права собственности первого добросовестного приобретателя жилого помещения. По общему правилу гражданского законодательства (ч. 2 ст. 199 ГК РФ), применение исковой давности возможно исключительно по заявлению ответчика в суде первой инстанции¹¹. Применительно же к норме ч. 4 ст. 302 ГК РФ суд обязан это сделать в любом случае, независимо от факта подачи заявления о применении исковой давности от ответчика по данному иску.

Еще ранее был законодательно расширен перечень имущественных прав, которые были отделены законодателем от вещных прав. Такowymi стали права на безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права, причем перечень имущественных прав остался открытым¹².

Вместе с тем российское гражданское законодательство пополнилось новыми организационно-правовыми формами юридических лиц и новыми видами договоров, регулирующих объединение активов без образования юридического лица.

Эти изменения направлены на оптимизацию правовых форм сотрудничества по российскому праву с целью достижения максимальной свободы усмотрения сторон. Стоит отметить, что данная тенденция наблюдается во многих странах¹³.

В частности, заслуживает внимания норма ч. 9 ст. 67.2 ГК РФ, предоставляющая третьим лицам право заключать с обладателями корпо-

¹¹ Пункт 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43. «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Российская газета. 2015. 5 окт.

¹² Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2019. 20 марта.

¹³ Например, среди субъектов частного права Испании существует большое количество форм ведения хозяйства, которые не соответствуют критериям юридического лица, однако имеют определенную автономию в техническом смысле (например, сообщество сосособственников (*las comunidades de bienes*), сообщество собственников горизонтальной собственности на недвижимое имущество (*las comunidades de propietarios en régimen de propiedad horizontal*), временные объединения (*las sociedades irregulares*) и т. д.). В соответствии с положениями ст. 392 ГК Испании данные сообщества возникают автоматически при неделимости предмета, находящегося у лиц в совместной собственности (см.: Luis Díez-Picazo y Antonio Gullón, *Sistema de derecho civil*: vol. III. Ed. Tecnos (7a. ed.), Madrid, 2001).

ративных прав договор, обязывающий их действовать в интересах этих третьих лиц.

Любопытно при этом, что лоббистская деятельность в органах государственной власти не получила законодательного закрепления на федеральном уровне (оставаясь одной из немногих сфер усмотрения исключительно субъектов Российской Федерации), зато, очевидно, нашла воплощение на федеральном уровне в праве гражданском, которое декларирует невластный характер регулируемых им отношений¹⁴. Это косвенно подтверждает теорию, высказанную итальянским исследователем Уго Пагано (Pagano) о том, что правовой статус юридических лиц произведен от государства¹⁵.

Современное гражданское законодательство, несмотря на то, что одним из частных проявлений принципа свободы договора является свобода выбора сторонами видов договора, систематически пополняется новыми видами договоров, в том числе теми, которые представляют собой переходную форму между договорной и корпоративной формой сотрудничества. Это, прежде всего, корпоративные договоры и договор об инвестиционном товариществе.

Стоит отметить, что разнообразие правовых форм сотрудничества государства и инвесторов проявляется и в создании территорий с особым режимом осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности (ОЭЗ, ТОРы, ТОСЭРы, наукограды, технопарки). И хотя основной юридический *raison d'être*¹⁶ этих территорий лежит в сфере действия публичного права (финансовое, бюджетное, налоговое законодательство), именно нормами гражданского законодательства регулируются отношения по предоставлению государственной поддержки резидентам

¹⁴ Как справедливо отмечает С.А. Зинченко, «законодатель предпринял попытку включить в корпоративный договор лиц, не являющихся членами корпорации. Статус этих лиц несколько иной, но тем не менее их интерес и право влияют на управленческие решения общества. Договор с их участием предусматривает определенное голосование (воздержание от него) при принятии решения собранием общества. Однако в голосовании они непосредственно не участвуют, их волю "проводят" члены корпорации» (см. Зинченко С.А. Проблемы правового статуса хозяйственного общества и его членов, заключивших корпоративный договор // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом : сборник научно-практических статей II Международной научно-практической конференции (22 апреля 2015 года, г. Москва) / Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др.; под общ. ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М. : РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Юридический факультет им. М.М. Сперанского, Юстицинформ, 2015. С. 78–79).

¹⁵ Ugo Pagano Legal persons: the evolution of fictitious species // *Journal of Institutional Economics* 6:01 (2010), p. 117. DOI: 10.1017/S174413740999021X.

¹⁶ Смысл существования (франц.).

зон территориального развития¹⁷, соглашения об осуществлении того или иного вида деятельности на территории ОЭЗ, соглашение об управлении особой экономической зоной и т. д.

Слабая предсказуемость событий как юридических фактов, ставшая своего рода «визитной карточкой» нового десятилетия XXI века, неминуемо оказывает влияние на исполнение гражданско-правовых обязательств инвесторов и реципиентов. В связи с этим особое внимание в современном правовом регулировании уделяется их обеспечению – ситуация на мировом инвестиционном рынке вызывает к жизни не столько самые гибкие, сколько самые надежные из способов обеспечения исполнения обязательств инвестора перед государством, такие как залог и независимая (банковская) гарантия. Так или иначе, формы обеспечения исполнения обязательств находятся в сфере действия именно норм гражданского права.

Таким образом, нормы гражданского законодательства, несмотря на свой общий характер, абстрактные формулировки и значительный рост удельного веса норм публичного права в инструментарии правового регулирования инвестиционных отношений играют достаточно важную роль в правовом регулировании инвестиционной деятельности. В целом нормы гражданского законодательства непосредственно или опосредованно оказывают влияние на инвестиционный климат в стране и зачастую играют определяющую роль при принятии инвесторами решений об осуществлении собственно инвестиционной деятельности на территории, где они применяются.

Библиографические ссылки

1. Абаринова М.Д. Потестативные условия сделки в некоторых договорных обязательствах // *Власть Закона*. 2017. № 4. С. 202–211.
2. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2018.
3. Зинченко С.А. Проблемы правового статуса хозяйственного общества и его членов, заключивших корпоративный договор // *Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом : сборник научно-практических статей II Международной научно-практической конференции (22 апреля 2015 года, г. Москва) / Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др.; под общ. ред.*

¹⁷ Таких, например, как предоставление резидентам в аренду земельных участков и предоставление государственных гарантий Российской Федерации по обязательствам юридических лиц (пп. 3 п. 2 и пп. 1 п. 3 статьи 13 Федерального закона от 03.12.2011 № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2011, № 49 (ч. 5), ст. 7070.

С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М. : РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Юридический факультет им. М.М. Сперанского. М. : Юстицинформ, 2015.

4. Лунц Л. А. Курс международного частного права. Особенная часть. М., 1975.

5. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2018. [Электронное издание. Редакция 1.0].

6. Luis Díez-Picazo y Antonio Gullón, Sistema de derecho civil: vol. III. Ed. Tecnos (7a. ed.). Madrid, 2001.

Дата поступления: 22.06.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.10

CIVIL LAW PROVISIONS TO REGULATE INVESTMENT ACTIVITIES

SHUVALOV Igor Ivanovich

Candidate of Sciences (Law), Chairman of the State Development Corporation “VEB.RF”, Moscow, Russia. E-mail: pr_shuvalova@veb.ru

Purpose: The article analyzes the Russian Civil Code provisions from the point of view of their influence on legal regulation of investment activities. Methods: the author uses methods of literal interpretation, teleological (target) interpretation of legal provisions, and general science methods of analysis, induction and deduction. Results: It is noted that most major investment projects assume the following model of interaction between investors and recipients – the initial agreement of approximate terms of interaction and the conclusion of a bulk of civil contracts necessary for the project implementation at the second stage of cooperation. In this regard, special attention is paid to such civil law agreements as a preliminary agreement and a framework agreement. The institution of agreement to grant an option to conclude a contract, otherwise called an option to conclude a contract, as well as an option contract are designated from the position of a kind of “guarantee” of the investor’s and capital recipient’s rights. The article concludes that the importance of the principle of protection of the “weak” party to the contract is increasing. At the same time, the concept of legislative regulation of relations between the parties to contracts, which are often used by both investors and recipients of capital investments, has undergone a significant change. In addition to that, the author emphasizes that “in favor of debtors” orientation of Russian legislation is gradually being corrected by creating numerous exceptions to protect creditors' rights. This decision is

intended to comply with the principle of balancing economic interests of parties to legal relations.

Key words: civil law; investment activities; investor; recipient; civil contracts; corporate law; bankruptcy.

References

1. Abarinova M.D. Potestativnyye usloviya sdelki v nekotorykh dogovornykh obyazatel'stvakh (Potestative conditions of a transaction in some contractual obligations), *Vlast' Zakona*, 2017, No. 4, pp. 202–211.
2. Vitryanskiy V.V. Reforma rossiyskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnyye itogi (Reform of Russian civil legislation: interim results), 2-ye izd., ispr. i dop, Moscow, Statut, 2018.
3. Zinchenko S.A. Problemy pravovogo statusa khozyaystvennogo obshchestva i yego chlenov, zaklyuchivshikh korporativnyy dogovor (Problems of the legal status of a business society and its members who have concluded a corporate agreement), *Aktual'nyye problemy predprinimatel'skogo i korporativnogo prava v Rossii i za rubezhom*, sbornik nauchno-prakticheskikh statey II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (22 aprelya 2015 goda, g. Moskva), Ye.A. Abrosimova, V.K. Andreyev, L.V. Andreyeva i dr., pod obshch. red. S.D. Mogilevskogo, M.A. Yegorovoy. Moscow, RANKhiGS pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii. Yuridicheskiy fakul'tet im. M.M. Speranskogo, Moscow, Yustitsinform, 2015.
4. Lunts L. A. Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava. Osobennaya chast' (Course of private international law. The special part), Moscow, 1975.
5. Sdelki, predstavitel'stvo, iskovaya davnost': postateynyy kommentariy k stat'yam 153–208 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (Transactions, representation, limitation of actions: article-by-article commentary to articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation), V.V. Baybak, R.S. Bevzenko, S.L. Budylin i dr.; otv. red. A.G. Karapetov, Moscow, M-Logos, 2018, [Elektronnoye izdaniye. Redaktsiya 1.0].
6. Luis Díez-Picazo y Antonio Gullón, Sistema de derecho civil, vol. III. Ed. Tecnos (7a. ed.), Madrid, 2001.

Received: 02.03.2020

**ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

**LAW OF FOREIGN COUNTRIES:
PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE**

УДК 342

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.11

**SOME FEATURES OF LEGAL REGULATION OF
ENVIRONMENTAL RELATIONS IN GERMANY**

TULUPOVA Elena Olegovna

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: lena118@yandex.ru

DEMIDOVA Tatyana Konstantinovna

Candidate of Political Sciences, Senior Instructor of the Chair of International Law and International Relations of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: dtatyana12@yandex.ru

YUSUPOVA Rozaliya Rimovna

Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: rozaliya-yusupova@yandex.ru

The problem of pollution for the Federal Republic of Germany has been relevant for more than fifty years. Since 1970, the state government has been making various efforts to resolve it. Some preventive measures have been implemented in order to prevent or minimize adverse environmental consequences and, directly, to bring to justice those who have broken the law. In this article, we will try to analyze the existing environmental policy of the state and talk about the difficulties of eliminating the destructive impact of civilization on the ecosystem. We will consider the features of vehicle recycling, providing “environmental bonuses” and “environmental markings” for manufacturers of goods. We try to analyze if the state authorities actions in this area are really interesting, effective and far-sighted.

Key words: ecology; environment; pollution; waste; law; Germany; recycling; climate; nature.

In the 1970s, German policy chose another important direction - environmental protection. As a result, a number of laws were developed and adopted: the Waste Act (1972), the Emissions Control Act (1974), the Nature

Conservation Act (1976), the Chemicals Act (1980), Waste Recycling and Disposal Act (1994), the Soil Protection Act (1998) and the Planned Nuclear Energy Phase-out Act (2002). Four years later, the Federal Environment Agency was established. And, undoubtedly, the creation of the Federal Ministry for the Environment, Nature Conservation and Nuclear Safety in 1986 and the Federal Agency for Nature Conservation in 1993 was very important for nature conservation and environmental protection in Germany.

Nowadays there isn't a single document on environmental protection in the country. But there are various regulatory legal acts of different levels. The basic law of Germany only sets the tone for them, securing in Article 20 a, the state power for the so-called "goal-obligation", according to which the state also protects the environment as the natural basis of life and is responsible for future generations ...

The lack of a unified code is due to long-term political inconsistency. Environmental lawyers and politicians repeatedly called for reducing everything to one document, but they failed to do it in the late 1970s and in 2009. The government of Bavaria and the CSU (Christian Social Union in Bavaria (CSU) actively protested, so the government did not return to this issue anymore.

Today, every federal state in Germany has its own environmental laws. They pursue various goals, which can be divided into categories such as "environmental protection", "climate protection" and "nature protection".

Environmental protection refers directly to the soil (for example, bans or restrictions on the use of pesticides); to air (for example, reducing the emission of greenhouse gases that reduce the ozone layer); to water (for example, a ban on the discharge of pollutants); to plants (for example, prohibition or restriction of deforestation); to animals (for example, regulation of agriculture, animal husbandry).

Nature conservation mainly refers to the conservation of the diversity of nature, wildlife and landscape, the conservation of biodiversity, etc.

Climate protection is a part of the environment and nature protection. This term defines various measures that counteract global warming and reduce or even prevent its effects. The main focus is on promoting the transition to clean energy sources and climate friendly measures.

Every human action affects the environment and the climate in general. Industry and the economy in general, which bring prosperity and comfort to humanity, are detrimental to the ecosystem. Their negative influence was recognized many centuries ago [10, p. 95]. Various environmental protection measures have been developed to reduce their negative influence. However, many experts have concluded that most of the population does not follow them. We need not only strict sanctions, but also a flexible and effective environmen-

tal state policy, it is necessary to introduce so-called "incentives" that will force people to change their behavior.

The state policy of Germany is an example of such an environmental policy. Since Germany is among the countries that have actively begun to raise environmental problems for discussion and try to solve them, also they have developed the usage of an "environmental bonus" or a recycling bonus. Then, in the late 2000s, as part of this measure, car owners who, having disposed the old car and then bought a new one, began to receive a "bonus" in the amount of 2,500 euros. Единственным условием было то, что новый автомобиль должен, по крайней мере, соответствовать стандарту выбросов Евро-4. The only condition was that the new car must at least meet the Euro 4 emission standard. The main objectives of the "bonus" were to reduce air pollution and stimulate the economy. Thus, the government pursued environmental and economic goals [1]. This was a part of the so-called economic stimulus program.

The first environmental bonus was hugely successful. Initially, the federal government allocated a budget of 1.5 billion euros for it. However, the demand was so great that the pledged amount was spent in a few months. The federal government came under such intense pressure that later it was decided to increase the amount to 5 billion euros. This amount was also not enough; on September 2, 2009, all funds were spent, although the campaign was supposed to last until December 31. Applicants who did not receive bonuses were placed on a waiting list. According to the final report on environmental awards published by the Federal Office for Economic Affairs and Export Control and the Federal Office for Motor Transport more than 1.9 million vehicles in Germany were decommissioned as a part of the campaign. Most buyers chose a new car. A little later, a second bonus program was introduced with some peculiarities.

"I believe in a horse. A car is a temporary phenomenon!". This quote is very often attributed to Wilhelm II, the last German emperor and the King of Prussia [2]. It is difficult to say whether this statement belongs to him or not, but, nevertheless, the author was deeply mistaken. According to the Federal Office for Motor Transport almost 47.1 million vehicles were registered in Germany by January 1, 2019. The vast majority of these vehicles run on gasoline (65.9 %) or diesel (32.2 %). One of the latest proposed solutions to reduce harmful exhaust gases into the atmosphere was the transition to the use of electric vehicles. Today Germany is the largest market for electric vehicles in Europe and the third largest market in the world after China and the United States. Government subsidies for buyers rose to five – six thousand euros [3].

In fairness, it should be said that the innovation is subjected to aggressive and massive criticism from experts [4], who argue that the operation of this car is, of course, environmentally friendly, but production and disposal in-

flict incomparably greater damage than the production and disposal of cars with an internal combustion engine ...

The amount of financing for the purchase of an electric car depends on the type of vehicle:

- Buyers receive € 4,000 for a battery-powered electric vehicle or a hydrogen-powered fuel cell vehicle.
- Funding is 3000 euros if it is a hybrid electric vehicle.

The differences between the two are easy to explain: a fuel cell car converts hydrogen, while an electric car converts electricity.

There is an environmental premium for hybrid electric vehicles, which is 1,000 euros lower. As their name suggests, they use more than one source of energy to drive: here an electric motor is combined with an internal combustion engine.

Thus, funding for electric vehicles is 4,000 or 3,000 euros. However, the full amount is not paid by the state. The state and car manufacturers divide it in half. A concrete example is: thanks to subsidies, an electric Volkswagen Golf without additional options will cost the buyer not 35 thousand euros, but 31 thousand, while a discount of 2,000 will be funded from the state treasury, and the remaining 2,000 will be paid by Volkswagen. Models of those companies that do not want to join the government's initiative and pay their part of the premium will not be able to qualify for government subsidies [5].

The share borne by the car manufacturer is deducted from the sale or lease agreement. Therefore, the manufacturer must provide the buyer with at least a discount of 2,000 or 1,500 euros. The basis for this is the base model's net list price.

Buyers do not receive an environmental bonus from the state for an electric car automatically. They must make an appropriate statement. The BAFA website has an electronic application form, and a certain list of documents must be attached.

Applicants must provide personal information in an online form as well as provide vehicle information. In addition, applicants are required to upload a sales or lease agreement. If all the requirements are met, the applicant receives a so-called bonus notification. A new electric vehicle must be registered not later than nine months after this notice is sent.

In order for a person to receive an environmental bonus for an electric car, one more step must be taken: buyers of an electric car must provide an invoice and a certificate of registration of the car. Only after checking these documents the special environmental bonus for electric vehicles will be transferred to the applicant's account.

How long will the Electric Vehicle Eco Bonus Program last? This question is asked by many people who are planning to buy an electric car in the future. Originally, the federal government stipulated that the state environmental award should be terminated from June 2019. However, the possibility of an extension is currently being considered. The reason for this is that the government allocated a total of 600 million euros. However, shortly before the end of the environmental bonus, only around 134 million euros were used. Experts hope that the increase in the number of charging stations and new models that should appear on the market in the near future will increase interest in electric vehicles [6].

Another "forced" measure that the government resorts to is to change ticket prices. Train travel is getting cheaper, and domestic air travel is more expensive. A change in the pricing policy for air and rail passenger transport should encourage the Germans to use a more environmentally friendly mode of transport [7].

Work is also being done in the area of waste disposal in an appropriate manner. These are already understandable to us, however it is so far unusual: sorting of household waste, rejection of plastic, programs for the disposal of refrigerators, washing machines, etc.

In January 2008, the first three ecological zones were introduced in Germany - in Berlin, Cologne and Hanover. These ecological zones are marked with special road signs. Sign 270.1 denotes an ecological green zone ("Umwelt zone"). It indicates which vehicles are allowed to enter this area. If you want to drive through these areas, your car must have a special "environmental" sticker. They are issued by bodies carrying out state registration, technical supervision and auto repair shops. To obtain it, you must provide a certificate of registration of the vehicle (if necessary, a certificate from the manufacturer or a technical supervision station on the standard of toxicity of exhaust gases for this type of transport).

Since the spring of 2008, other cities have also followed the example. Regardless of where the car is registered it must have a corresponding environmental sticker to enter ecological zones. These stickers have an unlimited period of validity for a specific vehicle and all environmental zones [8]. The fine for driving in the ecological zone without a valid pass is about 80 euros.

Another way to reduce harm to the environment of the country is eco-labeling. The Blue Angel (Der Blaue Engel) is an eco-labeling program that was developed in 1978 by the Federal Environment Agency and a number of German government ministries and is the world's first eco-label with third-party certification.

The Blue Angel voluntary ecolabel is intended to show consumers that the manufacturer minimizes environmental pollution. In Russia, the sign of the German environmental certification "Blue Angel" can be found on household and office equipment, audio and video electronics, finishing materials, materials for repairs, etc. [9] The logo itself is a picture that depicts:

1. Name and symbol of the United Nations Environment Program (a blue ring, a laurel wreath and a blue figure with outstretched arms).
2. An indication of the main environmental properties of the product (e.g. "energy efficient", "made from recycled paper" or "low noise").
3. An indication of the positive impact of the product (e.g. "it saves resources").

Today there are 4 variations of this sign, the provision of which depends on the quality of the product and its impact on the environment.

Another important direction in Germany's environmental policy is the switch to organic and seasonal food. Environmental organizations advise to limit purchases of seasonal fruits and vegetables. For example, strawberries, which are offered in December, mostly cross long distances, which in turn pollutes the air.

Many regions already have organic department stores or organic departments. The products offered here are often produced in an environmentally friendly manner. In Germany, therefore the Fairtrade seal is used to inform the buyer. To obtain the seal, the Fairtrade trademark rigorously tests the applicant. It examines the company's ecology (for example, organic farming), the economy (for example, stable minimum prices) and the social sphere (for example, the working conditions of employees).

The next direction is the development of the "use of a rented car" service. Various companies offer a so-called car exchange, which is a short-term rental of vehicles. The consumer registers with the company and can access a large number of vehicles. This method is also popular among neighbors and friends and is called car sharing, because it allows several people to travel economically by agreement.

Another important measure is the various fines that are provided for environmental pollution. Each federal land has its own catalog of environmental fines. How high they can be is decided by the land authorities.

The consistent emergence of environmentally oriented measures in German policy is a forced measure, due to the economic growth in the post-war period. The most intensively developing industries are the energy sector, the automotive and chemical industries, construction and agriculture. wThey produce the most waste and adversely affect the ecosystem. However, this problem affects not only the environment in Germany, but also the whole world.

Pollution is not limited to national boundaries. In this regard, it is especially important now to analyze the experience of various countries, to maintain co-operation between states and to follow the uniform principles and rules developed by the international community in this area.

References

1. Umweltprämie für Pkw: Wo sparen Sie am meisten Geld? URL: <https://www.bussgeldkatalog.org/umweltpraemie/> (date of treatment: 12.03.2020).
2. ZITATFORSCHUNG, URL: <http://falschzitate.blogspot.com/2018/01/das-auto-ist-eine-vorubergehende.html> (date of treatment: 12.03.2020).
3. Electric cars 2020: models and prices on the German market, URL: <https://www.dw.com/ru> (date of treatment: 12.03.2020 г.).
4. Christoph Buchal, Hans-Dieter Karl und Hans-Werner Sinn. Kohlemotoren, Windmotoren und Dieselmotoren: Was zeigt die CO₂ -Bilanz? URL: <https://www.ifo.de/DocDL/sd-2019-08-sinn-karl-buchal-motoren-2019-04-25.pdf> (date of treatment: 12.03.2020).
5. 8 facts about the electric vehicle subsidy program in Germany. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dw.com/ru/> (date of treatment: 12.03.2020).
6. Umweltprämie für Pkw: Wo sparen Sie am meisten Geld? URL: <https://www.bussgeldkatalog.org/umweltpraemie/> (date of treatment: 12.03.2020).
7. Combating climate change: what measures germany has taken. URL: <https://www.dw.com/ru> (date of treatment: 12.03.2020).
8. Environmental zones in Germany. [Электронный ресурс] URL: <https://autotraveler.ru/germany/ecological-green-zones-in-germany.html#.Xn25Geoza-po> (date of treatment: 12.03.2020).
9. Environmental markings: «Blue Angel». URL: <https://roscontrol.com/project/article/ekologicheskaya-markirovka-goluboy-angel/#> (date of treatment: 12.03.2020).
10. Tulupova E.O. The child's right to a supportive environment through international cooperation at the UN, *Human rights in the dialogue between state power and civil society*, A collection of materials from the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 70th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights and the 25th anniversary of the Russian Constitution, Responsible editor E.O. Tulupova, Ufa, BSU, 2019, pp. 95–100.

Received: 02.09.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.11

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ГЕРМАНИИ

ТУЛУПОВА Елена Олеговна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: lena118@yandex.ru

ДЕМИДОВА Татьяна Константиновна

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры международного права и международных отношений Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: dtatyana12@yandex.ru

ЮСУПОВА Розалия Римовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: rozaliya-yusupova@yandex.ru

Проблема загрязнения окружающей среды для Федеративной Республики Германия актуальна на протяжении более пятидесяти лет. С 1970 года государственная власть прикладывает различные усилия по ее разрешению. Сюда входят и превентивные меры, позволяющие предотвратить или минимизировать неблагоприятные последствия для экологии, и непосредственное привлечение к ответственности лиц, нарушивших закон. В этой статье мы попытаемся проанализировать существующую экологическую политику государства и рассказать о сложностях устранения губительного воздействия цивилизации на экосистему. Рассмотрим особенности утилизации транспортных средств, предоставления «экологических бонусов», «экологических маркировок» для производителей товаров. Мы попытаемся проанализировать, насколько интересны, эффективны и дальновидны действия государственной власти в этой области.

Ключевые слова: экология; окружающая среда; загрязнение; отходы; закон; Германия; утилизация; климат; природа.

Дата поступления: 02.09.2020

УДК 343

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.12

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

ПОПОВА Ирина Павловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России, председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке, г. Иркутск, Россия. Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»: DOI: 10.17223/15617793/431/27; DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).633-642. E-mail: irinabaikal@mail.ru

ИВАНОВА Анастасия Леонидовна

курсант 3 курса факультета по подготовке следователей и судебных экспертов Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, Россия. E-mail: inast211@list.ru

Для достижения назначения уголовного судопроизводства правоприменители должны иметь арсенал процессуальных средств, призванных обеспечивать действие механизма правового регулирования. Система принципов уголовного судопроизводства, выступая базисом для эффективного действия норм уголовно-процессуального права, включает принцип состязательности. Реализация данного принципа имеет ряд особенностей в досудебном производстве. В указанном аспекте сравнительное исследование действия принципа состязательности сторон в отечественном уголовном судопроизводстве и в уголовном судопроизводстве зарубежных стран представляет как научный, так и практический интерес. Цель: анализ действия принципа состязательности сторон на досудебных стадиях в отечественном и зарубежном уголовном судопроизводстве как элемента механизма правового регулирования. Методы: методы диалектики как общенаучного метода познания, а также частнонаучные методы: метод толкования, сравнительно-правовой, технико-юридический, формально-логический, в их различном сочетании. Результаты: исследование позволило выявить, что принцип состязательности сторон действует в различных типах уголовного процесса в механизме правового регулирования России и зарубежных стран. Для достижения социального предназначения уголовного судопроизводства, предусматривающего защиту прав и законных интересов, действие принципа состязательности должно быть реализовано в том числе и на досудебных стадиях производства по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; состязательность сторон; досудебное производство; законные интересы; механизм правового регулирования; эффективность уголовно-процессуальной деятельности.

Механизм правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с совершением преступления, призван обеспечивать защиту как публичных интересов, так и законных интересов участников уголовного судопроизводства. В механизме уголовно-процессуального регулирования, включающем систему принципов уголовного судопроизводства, существенное значение имеет принцип состязательности. Эффективность уголовно-процессуальной деятельности напрямую зависит от реализации данного принципа, в том числе и в ходе досудебного производства, когда меры воздействия со стороны властных участников уголовно-процессуальных правоотношений носят интенсивный характер, тогда как возможности процессуальной активности сторон снижены, а арбитражная функция суда также существенно ограничена.

Осуществление уголовного судопроизводства в различных странах имеет свои особенности и направлено на достижение целей, которые обеспечат восстановление прав тех, кто пострадал от совершения преступления, а также недопущение злоупотребления правами тех, кто вовлечен в сферу уголовного судопроизводства в связи с реагированием на преступление со стороны государства. Судебное разбирательство призвано разрешить вопрос о том, виновно лицо или нет, но для того чтобы уголовное судопроизводство протекало справедливо, важно наличие такого механизма правового регулирования, который бы смог обеспечить отстаивание своих законных интересов и реальную возможность пользоваться для этого своими правами. Одним из значимых и необходимых звеньев осуществления данного механизма является принцип состязательности сторон, который в России закреплен как в Основном законе государства – Конституции, так и в отраслевом законодательстве.

Согласно Конституции РФ судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Согласно УПК РФ содержание принципа состязательности сторон предполагает разделение процессуальных функций между стороной обвинения, стороной защиты и судом, равноправие перед судом сторон, а также обязанность суда создавать условия для реализации предусмотренных УПК РФ прав и обязанностей (ст. 15).

Т.Г. Бородинова, исследуя место состязательности сторон в современном уголовном судопроизводстве РФ, пришла к выводу, что «категория состязательности практически включается в систему общих условий организации судебного разбирательства» и что такое изменение позволит состязательности обрести большую определенность в уголовно-процессуальном праве [4].

Существует и иное мнение относительно категории состязательности, которое более приближено к законодательному закреплению принципа состязательности сторон. Так, И.В. Смолькова и А.Ю. Бусыгин обоснованно относят принцип состязательности к числу самостоятельных, сквозных принципов уголовного судопроизводства, охватывающих досудебное и судебное производство и имеющих приоритетное значение в иерархии уголовно-процессуальных норм [8, с. 94–95].

Однако такую позицию разделяют далеко не все авторы. Так, В.В. Азаров, отмечая «весьма скромное место» состязательности в досудебном производстве, полагает преждевременными и неправильными, по существу, «искусственное "возвеличивание" состязательности, придание ей ранга "суперпринципа", или положения, определяющего всю систему и содержание системы принципов» [1, с. 52–53].

Представляется, что состязательность по праву отнесена законодателем к числу принципов, действующих на всех стадиях производства по уголовному делу. Вместе с тем, следует согласиться, что, несмотря на всеохватывающее действие исследуемого принципа, его реализация на отдельных стадиях уголовного процесса несколько ограничена и характеризуется своими особенностями.

По мнению Е.А. Курнышева и И.В. Ильина, законодатель, распространив состязательность на досудебные стадии, не уравнил в правах участников уголовного процесса в тех вопросах, когда это необходимо для урегулирования спора [6]. Об отсутствии процессуального равенства сторон в досудебном производстве отмечают и другие авторы [10, с. 58; 12, с. 82].

Е.А. Зайцева обоснованно полагает, что «участники уголовного судопроизводства, формально являясь носителями одной из основных уголовно-процессуальных функций, могут иметь диаметрально противоположные интересы» [5, с. 279]. По ее мнению, в досудебном производстве проявляются лишь отдельные элементы состязательности, а для реализации подлинной состязательности необходимо установить «реальный паритет в правах этих участников при доказывании значимых по делу доказательств, чтобы они могли в равных условиях отстаивать свои процессуальные интересы в присутствии независимого арбитра – суда» [5, с. 308].

А.И. Макаркин, формулируя вывод, что «расширение состязательных начал – магистральный путь реформирования уголовного судопроизводства России», но пока нет публично-состязательного процесса, верно отмечает, что «организация предварительного следствия в таком порядке позволит решить ряд актуальных проблем отечественного предварительного следствия» [7, с. 151–152].

Национальное понимание принципа состязательности и особенно его закрепления в законодательстве РФ является предметом изучения в рамках не только самостоятельного исследования принципа, но и в комплексном изучении отдельных институтов уголовного процесса.

Учитывая наличие множества дискуссий относительно значения, роли и сущности принципа состязательности сторон, целесообразно рассмотреть данный принцип на примере законодательства зарубежных стран.

В целом можно выделить три подхода по вопросу о том, является ли состязательность принципом национальных институтов уголовно-процессуального права зарубежных стран.

К странам, отрицающим принцип состязательности в уголовном процессе, можно отнести Грецию¹ и Швецию.

А.А. Трефилов, рассматривая систему принципов Швейцарии, акцентирует внимание на том, что на судебных стадиях процесса суд является активным субъектом доказывания; на досудебных стадиях органы уголовного судопроизводства (полиция, прокуратура) выполняют одновременно функции как обвинения, так и защиты, поскольку обязаны собирать как уличающие, так и оправдывающие доказательства, то есть, по сути, функцию следствия [11, с. 173, 183–184].

Второй подход базируется на признании состязательности принципом, действующим на судебных стадиях, тогда как досудебное производство не является состязательным. Н.Г. Стойко, отмечая, что досудебное производство не является состязательным в английском уголовном процессе, подчеркивает, что «состязательность уголовного процесса рассматривается как его ярко выраженная конфронтационность и заключается в том, что судебное разбирательство является не исследованием, а скорее испытанием доказательств, представленных сторонами» [9, с. 133].

В УПК Франции еще с двадцатого века подчеркивается, что уголовное судопроизводство должно быть справедливым и состязательным. Между тем в уголовно-процессуальной доктрине считается, что досудебное производство во Франции не является состязательным, что объясняется характерными особенностями участников данного этапа, а именно наличием следственного судьи, который является сотрудником судебного ведомства и осуществляет предварительное следствие, но при этом он не берет на себя обвинительные полномочия – он собирает доказательства обвинительного и оправдательного характера по возбужденному прокурором уголовному иску [3, с. 246].

Аналогично закреплению принципа состязательности во Франции построен уголовный процесс Украины, Узбекистана и Республики Беларусь, где только судебное разбирательство осуществляется на основе состязательности сторон.

В Германии действует практически аналогичная система осуществления предварительного расследования, которое, однако, проводит про-

¹ Criminal Law in Greece. By Theodoros Nasioudis & Foteini Polydorou Law Office [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hg.org/legal-articles/criminal-law-in-greece-53722> (дата обращения 18.05.2020).

курор, а не следственный судья, но который также до составления обвинительного заключения собирает доказательства как обвинительного характера, так и оправдательного характера, а само публичное обвинение выдвигается только при составлении обвинительного заключения и направления его в суд.

В национальной доктрине Германии существование принципа состязательности на досудебных стадиях также отрицается, поскольку считается, что обвиняемого и прокурора невозможно полностью уравнивать в правах. Состязательность относится к принципам судебного разбирательства и означает «право обвиняемого быть представленным в судебном разбирательстве и принимать участие в исследовании доказательств» [9, с. 141]. В УПК ФРГ существует еще один участник уголовного процесса, который полномочен осуществлять судебный контроль и проводить определенные следственные действия по ходатайству прокурора, которые именуются «судебными» и в большей степени существуют для того, чтобы легализовать доказательства, – участковый судья [3, с. 247].

Третий подход предполагает действие принципа состязательности на всех стадиях уголовного судопроизводства. Для стран постсоветского пространства характерно приоритетное закрепление принципа состязательности сторон с момента принятия в 1996 г. Модельного УПК². Такой вариант развития уголовного судопроизводства восприняли, к примеру, в Азербайджане, Казахстане, Туркменистане, Кыргызстане.

Влияние Модельного УПК на закрепление в странах СНГ принципа состязательности привело к тому, что многие из них отказались от принципа всестороннего, полного и объективного исследования уголовного дела различными субъектами уголовного процесса, поскольку посчитали возможным реализацию последнего в рамках полного (на всех стадиях уголовного судопроизводства) осуществления принципа состязательности сторон.

В каждой стране существуют свои особенности реализации и закрепления принципа состязательности сторон. Так, в Кыргызстане обязанность всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела лежит только на следователе, а уголовное преследование осуществляет прокурор (ст. 8, 19 УПК Кыргызстана)³. Как верно отмечает А.М.-о. Атакиши, такая форма закрепления согласуется с разделением процес-

² Модельный уголовно-процессуальный кодекс для стран – участников СНГ: принят в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 г. Постановлением 7-6 на 7 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (в ред. 29.11.2013) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант-Плюс» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.03.2020).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики: закон Кыргызской Республики от 30.06.1999 № 63 (в ред. от 04.08. 2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://online.zakon.kz/Lawyer> (дата обращения: 01.03.2020).

суальных функций, что важно для обеспечения состязательности на досудебных стадиях [2].

В нормах уголовно-процессуального законодательства Азербайджана⁴ и Армении⁵ принцип состязательности сторон закреплен для всех стадий уголовного процесса (ст. 23, 41 УПК Армении, ст. 28 УПК Азербайджана). На суде лежит обязанность создавать необходимые условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела.

В Азербайджанской Республике согласно УПК существует больше возможностей для осуществления данного принципа на судебных стадиях (ст. 32 УПК Азербайджанской республики):

- в суде участвует каждая сторона, которая имеет равные права и возможности для того, чтобы поддерживать свою позицию в суде;
- на стороне обвинения лежит бремя доказывания события преступления, причастности лица, возможности привлечения его к уголовной ответственности, и сторона обвинения предлагает свою квалификацию деяния и вариант принятия итогового решения;
- сторона защиты, соответственно, опровергает выдвинутое обвинение, предлагает свой вариант оценки содеянного и обращает внимание на те обстоятельства, которые могут повлиять на освобождение лица от уголовной ответственности;
- в выборе средств и методов доказывания позиции каждая сторона самостоятельна;
- суд полномочен помогать каждой из сторон получить необходимые дополнительные материалы;
- приговор обосновывается только теми доказательствами, которые были исследованы с обеспечением участия в нем на равных основаниях сторон;
- государственный/частный обвинитель осуществляют уголовное преследование;
- обвиняемый отрицает свою невиновность либо сам себя признает виновным.

В уголовно-процессуальном праве Азербайджанской Республики, несмотря на закрепление данного принципа, также существует ряд разногласий относительно распространения данного принципа на досудебные стадии уголовного судопроизводства, поскольку исходя из анализа Уголовно-процессуального кодекса возможность стороны защиты по отстаиванию своих прав в большей степени проявляется именно на су-

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики: закон Азербайджанской Республики от 14.07.2000 г. № 907-IQ (в ред. от 09.07.2019) [Электронный ресурс]. URL: <https://online.zakon.kz/Lawyer> (дата обращения: 01.03.2020).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Армении: Принят Национальным Собранием Республики Армения 01.09.1998 г. № 3Р-248 (в ред. от 27.11.2019) [Электронный ресурс] URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7460 (дата обращения: 01.03.2020).

дебных стадиях, а основное содержание прав сторон как участников уголовного процесса определяется закреплением принципа, а не статусом участника [2].

Следует отметить, что принцип состязательности сторон, выступая элементом судебной системы, способствует защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод. Стадия возбуждения уголовного дела является отправной точкой всего уголовного судопроизводства, от имеющейся на данной стадии информации и лиц, которые еще не получили статус участников, зависит, что предстоит выяснить в ближайшее время и какое решение будет в итоге принято. Стадия предварительного расследования является одной из значимых в числе всех стадий уголовного процесса, поскольку именно в ходе осуществления уголовного преследования сторона обвинения не ограничивается сбором доказательственной информации, но также пользуется и возможностью применения к лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, различных мер уголовно-процессуального характера, существенно ограничивающих его права и свободы. Это объясняет необходимость, как отмечают отдельные авторы, «всепроникающего» действия принципа состязательности сторон и на досудебные стадии [8, с. 94].

Представляет интерес вопрос о возможности некоего компромисса действия принципа состязательности по кругу лиц, и в качестве примера этому следует привести опыт США. В штате Техас (США) действуют специализированные суды, призванные разрешить проблемы рецидивной преступности, в том числе среди определенных групп обвиняемых. В целях более эффективного воздействия при разрешении уголовных дел, где главными являются не вопросы наказания, а реабилитации, действуют специализированные суды. Так, в округе Даллас, штат Техас, действуют специализированные суды по делам о наркотиках, а также в отношении ветеранов боевых действий, которые получили травму головного мозга, психическое расстройство или психическое заболевание в результате военной службы в зоне боевых действий. При этом в специализированном суде для ветеранов рассматривается любое дело о проступке или уголовном преступлении, но само разбирательство не является состязательным: стороны обвинения и защиты действуют совместно, чтобы создать индивидуальную программу реабилитации ⁶.

Кроме сторонников такого подхода, подтвержденного, по их мнению, определенными полученными результатами, имеются противники

⁶ Texas Experiments with Specialty Courts. By Law Office of Patrick J. McLain, PLLC [Электронный ресурс] URL: <https://www.hg.org/legal-articles/texas-experiments-with-specialty-courts-20038> (дата обращения: 18.05.2020).

ослабления состязательного процесса, в первую очередь опасаящиеся ослабления правовой защиты обвиняемых. Также имеет значение риск, в связи с нарушением равенства всех перед законом, что нивелируется в специализированных судах.

Учитывая потребность в индивидуализации, опыт деятельности специализированных судов, что является экспериментом, требует тщательного мониторинга и совершенствования, так как является смелой попыткой изменить традиционную систему правосудия, работающую недостаточно эффективно, и в указанном аспекте опыт США представляет интерес, поскольку очевидно, что индивидуализации подхода требует неких компромиссных процедур. В этой связи можно в качестве примера привести опыт действия составов судов в отношении несовершеннолетних, применяющих отдельные ювенальные технологии. Изменение карательной практики на восстановительные подходы также существенно влияет на действия сторон, не состоящих по этому поводу в конфронтации.

Таким образом, принцип состязательности сторон, имея длительную историю развития, успел обогатиться различными элементами и особенностями правовых систем, которые по-своему были закреплены в различных странах с учетом национального законодательства. Отдельные составляющие принципа состязательности могут являться частью других принципов уголовного судопроизводства либо реализовываться непосредственно. Закрепленные в российском законодательстве элементы состязательности: разделение процессуальных функций, независимость суда и его возможности по обеспечению осуществления обязанностей и реализации предоставленных прав – это наиболее устоявшиеся и приоритетные составляющие принципа состязательности, характеризующие ее, исходя из этимологического значения и социального предназначения, в рамках осуществления уголовного судопроизводства.

В действующих правовых системах большое значение имеет тип уголовного процесса, от которого зависит, какое место отведено состязательности на отдельных ее стадиях. Наиболее полно она реализуется в рамках состязательного процесса и является приоритетным условием на досудебных стадиях в частности. Несколько иные особенности получает состязательность в рамках розыскного или смешанного процесса: ключевым звеном является процессуальное лицо, которое всесторонне исследует обстоятельства совершенного деяния и при наличии достаточных оснований приобретает обвинительные функции при составлении обвинительного заключения. Тем самым действие принципа состязательности является несколько ограниченным на протяжении почти всей стадии предварительного расследования, что не должно влечь отказа от действия принципа состязательности, а обуславливает принятие мер к усилению его эффективности.

Несмотря на своеобразие осуществления принципа состязательности в различных странах, думается, правильно резюмировать, что значение принципа состязательности сторон для любого типа уголовного процесса достаточно велико, поскольку благодаря емкому содержанию правовых гарантий для сторон, заключенных в данном принципе, возможно наиболее полно защитить права и законные интересы граждан, что является приоритетным направлением и основной целью уголовного судопроизводства в большинстве государств.

Библиографические ссылки

1. Азаров В.В. Деструктивные факторы стратегии развития законодательства России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 33. С. 49–59.
2. Атакиши А.М.-о. Реализация принципа состязательности на досудебных стадиях процесса в законодательстве об уголовном судопроизводстве Азербайджанской Республики // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7 (80). С. 152–161.
3. Борисов С.А. Принцип состязательности сторон и всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела: проблемы сочетания на досудебном производстве в законодательстве РФ и зарубежных государств // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 5 (79). С. 244–250.
4. Бородинова Т.Г. Место состязательности в современном уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2019. № 9 (139). С. 28–32.
5. Зайцева Е.А. Особенности действия принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации : монография / под ред. Н.С. Мановой. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 263–309.
6. Курнышев Е.А., Ильин И.В. Теоретические аспекты принципа состязательности в российском уголовном процессе в контексте международного права // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 130–134.
7. Макаркин А.И. Состязательность на предварительном следствии : монография. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.
8. Смолькова И.В., Бусыгин А.Ю. Принцип состязательности в российском уголовном судопроизводстве / И.В. Смолькова // Избранные статьи. Иркутск : БГУЭП. 2014. С. 88–95.
9. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем : монография. СПб. : Издательский Дом

С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2006.

10. Тишутина И.В. Защитник в уголовном процессе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 2 (77). С. 52–61.

11. Трефилов А.А. Система принципов в уголовном процессе Швейцарии // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 170–192.

12. Ясельская В.В. Реализация принципа состязательности на стадии предварительного расследования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 1 (19). С. 82–87.

Дата поступления: 14.06.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.12

THE IMPLEMENTATION OF THE ADVERSARIAL PRINCIPLE AT THE PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND IN FOREIGN COUNTRIES

POPOVA Irina Pavlovna

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Criminal Procedure, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chairman of the Ust-Ilimsk City Court of the Irkutsk Region in an honorable discharge, Irkutsk, Russia. Articles in the Scopus / Web of Science database: DOI: 10.17223 / 15617793/431/27; DOI: 10.17150 / 2500-4255.2017.11 (3) .633-642. E-mail: irinabaikal@mail.ru

IVANOVA Anastasia Leonidovna

3rd year Cadet of the Faculty for the Training of Investigators and Forensic Experts, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia. E-mail: inast211@list.ru

To achieve the purpose of criminal proceedings, law enforcers must have an arsenal of procedural tools in order to ensure the operation of the legal regulation mechanism. The system of principles of criminal proceedings, serving as the basis for the effective operation of the norms of criminal procedure law, includes the adversarial principle. The implementation of this principle has a number of features in pre-trial proceedings. In this aspect, a comparative study of the adversarial principle in national criminal proceedings and in foreign criminal proceedings is of both scientific and practical interest. Purpose: analysis of the adversarial principle at the pre-trial stages in national and foreign criminal proceedings, as an element of the legal regulation mechanism. Methods: dialectic methods as a general scientific method of cognition, as well as specific scientific methods: interpretation method, comparative legal, technical legal, formal logical in their various combina-

tions. **Results:** the study reveals that the adversarial principle operates in various types of criminal process in the mechanism of legal regulation of Russia and foreign countries. To achieve the social purpose of criminal proceedings, which provides for the protection of rights and legitimate interests, the adversarial principle must be implemented, including at the pre-trial stages of criminal proceedings.

Key words: criminal proceedings; adversariality; pre-trial proceedings; legitimate interests; legal regulation mechanism; effectiveness of criminal procedure.

References

1. Azarov V.V. Destruktivnyye faktory strategii razvitiya zakonodatel'stva Rossii (Destructive factors of the development strategy of Russian legislation). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Pravo*, 2019, No. 33, pp. 49–59.
2. Atakishi A.M. Realizatsiya printsipa sostyazatel'nosti na dosudebnykh stadiyakh protsessa v zakonodatel'stve ob ugovnom sudoproizvodstve Azerbaydzhanskoy Respubliki (Implementation of the adversarial principle at the pre-trial stages of the process in the legislation on criminal proceedings of the Republic of Azerbaijan), *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*, 2017, No. 7 (80), pp. 152–161.
3. Borisov S.A. Printsip sostyazatel'nosti storon i vsestoronnego, polnogo i ob'yektivnogo issledovaniya obstoyatel'stv dela: problemy sochetaniya na dosudebnoy proizvodstve v zakonodatel'stve RF i zarubezhnykh gosudarstv (The principle of adversariality and a comprehensive, complete and objective study of the circumstances of the case: the problem of correlation in pre-trial proceedings in the legislation of the Russian Federation and foreign states), *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, No. 5 (79), pp. 244–250.
4. Borodinova T.G. Mesto sostyazatel'nosti v sovremennom ugovnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii (The place of adversariality in modern criminal proceedings in the Russian Federation), *Teoriya i praktika obshchestvennoy razvitiya*, 2019, No. 9 (139), pp. 28–32.
5. Zaytseva Ye.A. Osobennosti deystviya printsipa sostyazatel'nosti storon v ugovnom sudo-proizvodstve Rossiyskoy Federatsii (Features of the adversarial principle in criminal proceedings of the Russian Federation), *Printsipy rossiyskogo ugovnogo sudoproizvodstva: soderzhaniye i problemy realizatsii*, monografiya, pod red. N.S. Manovoy, Moscow, Yurlitinform, 2019, pp. 263–309.
6. Kurnyshev Ye.A., Il'in I.V. Teoreticheskiye aspekty printsipa sostyazatel'nosti v rossiyskom ugovnom protsesse v kontekste mezhdunarodnogo prava (Theoretical aspects of the adversarial principle in the Russian criminal process in the context of international law), *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2017, No. 1, pp. 130–134.
7. Makarkin A.I. Sostyazatel'nost' na predvaritel'nom sledstvii (Adversariality in preliminary investigation), monografiya, St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 2004.

8. Smol'kova I.V., Busygin A.Yu. Printsip sostyazatel'nosti v rossiyskom ugovnom sudo-proizvodstve (The adversarial principle in Russian criminal proceedings), *Izbrannyye stat'I*, Irkutsk, BGUEP. 2014, pp. 88–95.
9. Stoyko N.G. Ugolovnyy protsess zapadnykh gosudarstv i Rossii: sravnitel'noye teoretiko-pravovoye issledovaniye anglo-amerikanskoy i romano-germanskoy pravovyykh sistem (Criminal Procedure of Western States and Russia: Comparative Theoretical and Legal Research of the Anglo-American and Romano-Germanic Legal Systems), monografiya, St. Petersburg, Izdatel'skiy Dom S.-Peterb. gos. un-ta, Izdatel'stvo yuridicheskogo fakul'teta SPbGU, 2006.
10. Tishutina I.V. Zashchitnik v ugolovnom protsesse (Defender in criminal proceedings), *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 2016, No. 2 (77), pp. 52–61.
11. Trefilov A.A. Sistema printsiptov v ugolovnom protsesse Shveytsarii (System of principles in Swiss criminal procedure), *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2018, No. 2, pp. 170–192.
12. Yasel'skaya V.V. Realizatsiya printsiipa sostyazatel'nosti na stadii predvaritel'nogo ras-sledovaniya (Implementation of the adversarial principle at the stage of preliminary investigation), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 2016, No. 1 (19), pp. 82–87.

Received: 14.06.2020

**МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 15-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ЖУРНАЛА
«ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»**

**PROCEEDINGS OF THE CONFERENCE,
DEDICATED TO THE 15th ANNIVERSARY OF THE JOURNAL
"THE RULE-OF-LAW STATE: THEORY AND PRACTICE"**

УДК 340.1+34(091)

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.13

**АЗЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ
И НЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕННЫЕ НАШИ ПРОШЛЫЕ ОШИБКИ**

РАЯНОВ Фанис Мансурович

доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: rfm-2011@ya.ru

Актуальной задачей в области обновления теоретико-методологических основ на текущем постсоветском этапе развития теории государства и права является поиск такой методологии, которая способствовала бы успешному развитию всего нашего российского общества. Цель: анализ и выяснение причин отклонения в советские времена отечественной теоретической юридической науки от естественно-правовых основ своего развития. Методами достижения поставленной цели являются, прежде всего, историко-теоретическое описание закономерности возникновения и объективного влияния на всю законодательную и правоприменительную практику естественно-правовых норм и принципов. Для этого использованы приемы специализированного обществоведческого подхода. Результаты: исследование позволило выявить пути влияния процессов глобализации на активизацию применения естественно-правовых способов развития юридического права в разных, особенно в развитых, странах мира. Автор обосновал вывод о том, что отечественная теоретическая правовая наука может успешно развиваться, если в своем развитии будет полнее опираться на специализированный обществоведческий метод.

Ключевые слова: теоретико-методологические основы теории государства и права; взаимоотношение общества и государства; естественно-правовое развитие человеческого общества; цивилизационный подход; будущее российского общества; обществоведческий подход.

В своем выступлении я бы хотел обратить внимание на сложившиеся теоретико-методологические проблемы в отечественной науке теории государства и права. Казалось бы, постсоветский период длится уже более двадцати лет, мы даже приняли новую Конституцию, которая ориентирует наше дальнейшее развитие с использованием довольно новых для нас общественно-политических институтов, но в сущности теоретико-методологических подходов, используемых для объяснения природы государственно-правовых явлений, по существу, не происходит никаких существенных изменений. Между тем «при нормальном (не искривленном давлением вековых традиций влиянием остатков имперского мышления, излишнего патриотизма и т. д.) рассуждении о путях развития государственности в России, о ее дальнейшем совершенствовании трудно не выйти на параметры правового государства» [1, с. 3]. Но мы, несмотря на то, что и в Конституции 1993 года Российскую Федерацию позиционировали в качестве правового государства, на позиции правового государства до сих пор еще не вышли. Вот как раз в этих условиях вполне закономерен вопрос: как все это так получается, что мы, вроде пишем и говорим о гражданском обществе, о демократическом федеративном правовом государстве, о системе сдержек и противовесов в системе государственной деятельности и т. д., а в теоретико-методологических подходах самой науки теории государства и права, по существу, все осталось по-старому? А потому отечественные учебники и учебные пособия по теории государства и права все еще как будто ничего не произошло, продолжают писать в том же прежнем духе и последовательности.

Возьмем, например, достаточно востребованное в студенческих кругах учебное пособие В.Н. Хропанюка «Теория государства и права». Предмет и методология теории государства и права в нем (впрочем, однообразное раскрытие этой темы характерно почти для всех учебников по теории государства и права) определяется следующим образом: «Предметом теории государства и права являются основные общие закономерности возникновения, функционирования и развития государства и права» [2, с. 19]. Далее тут же чего только не приводится автором в качестве доказательства особенностей предмета науки теории государства и права! Здесь вроде бы расписано все, что только можно, кроме одного, а именно ответа на естественно возникающий вопрос: как нам на практике получить желаемое, легитимное, аккуратно выполняющее все свои обязанности и функции, но в то же время подотчетное гражданам страны государство? На этот вопрос трудно найти ответ и в специальном параграфе, посвященном происхождению (возникновению) государства, где перечисляется большое количество теорий происхождения государства, что,

впрочем, характерно для большинства учебников и учебных пособий по теории государства и права, но и тут нет ничего о том, почему же в реальности государства оказываются весьма различными именно по тем признакам, по которым они могут быть квалифицированы легитимными и подотчетными собственным гражданам.

Постановка проблемы в таком ключе в рамках отечественной теоретической правовой науки также осуществляется впервые. Между тем, если задуматься, то такая постановка проблемы диктуется самими закономерностями исторического развития человеческого общества. Но в нашей стране, ссылаясь на различные объективные и субъективные причины, всегда пытались выявлять лишь особенности, присущие России, а общие, присущие всему человеческому развитию, оставались в стороне. Так, не обращая никакого внимания на общие законы природы человека, во главе которых как раз и находится закон справедливости во всех межсубъектных отношениях, в дореволюционное время мы взяли на вооружение идеологию православия, самодержавия и народности. Но, несмотря на то, что такая идеология нас не вывела на благополучный путь развития и в стране сложилась революционная ситуация, и в советское время мы не встали на естественно-правовой путь развития. Тогда мы увлеклись реализацией еще одной, на этот раз марксистско-ленинской, теорией построения социалистического, а затем и коммунистического общества.

Хотя уже прошло довольно много времени после распада СССР и всего социалистического лагеря построенного на основе марксистско-ленинской идеологии, но встать наконец-то на естественно-правовой путь общечеловеческого развития мы еще не торопимся, а все ищем какие-то новые, оригинальные направления развития. Да и полностью освободиться от остатков влияния марксистско-ленинского учения тоже не спешим: даже в рамках отечественной теоретической правовой науки нередко можно прочесть о базисе и надстройке, об общественно-экономической формации и об экономическом детерминизме. Да и в целом об «-измах», т. е. о феодализме, капитализме и социализме как в отечественных общественных науках, так и в теоретической правовой науке нашей страны все еще продолжают писать и говорить.

Азы обществоведения подсказывают нам и необходимость освобождения от наших как будто вековых ментальных особенностей. «Доказательством тому могут послужить не только выводы разумных осмыслений, но и то, что сегодня в мире нет ни одного цивилизованного (то есть развитого) государства, которое бы было организовано по признаку менталитета и при этом оно успешно бы функционировало» [3, с. 51]. Вот в этих условиях мы, в том числе и в рамках настоящей научно-

практической конференции, попытаемся обосновать, заметьте, не переход от марксистского формационного подхода к цивилизационному, а переход от широкого цивилизационного теоретико-методологического подхода к более специализированному обществоведческому. Конечно, здесь будет вполне уместным вопрос: в чем же заключается смысл такого перехода и к чему на практике он может привести?

Смысл такого перехода, например, можно усмотреть даже в возможности найти ответ на вопрос о том, нужно ли изучать все пятнадцать теорий происхождения государства, чтобы понять природу и сущность искомого нами в конечном счете легитимного и подотчетного гражданам государства? Но четкий и однозначный ответа на этот вопрос трудно найти даже в самих отечественных учебниках теории государства и права, поскольку даже темы, затрагивающие вопросы взаимоотношения общества и государства, оставляют такое впечатление, что в этом взаимоотношении главным является чуть ли не государство. А потому и сегодня в отечественной теоретической правовой науке нередко можно встретить утверждение, что «государство управляет обществом». Но такое утверждение сразу же вызывает другой, не менее закономерный вопрос: откуда же такое государство, которое управляет даже обществом, появляется? Если отбросим божественное происхождение государства, то, рассуждая логически, мы объективно выйдем на однозначное утверждение о том, что государство в современном мире формируется обществом, содержится за счет общества и контролируется им. Отсюда и основная задача любой современной теории государства – разработать научно обоснованную конфигурацию государства, чтобы оно соответствовало всем ценностям Нового времени. Только тогда государство будет легитимным и подконтрольным гражданам.

В связи с этим тот же методологический подход, который в нашей стране должен был заменить господствовавший в советский период нашей жизнедеятельности формационный подход, имеет название цивилизационного подхода. Однако сфера использования его обширная, сюда включаются многие параметры и естественных наук. Поэтому для сферы общественных наук, включая теорию государства и права, метод исследования вопросов, касающихся лишь сферы происхождения, функционирования и развития общества, права и государства, как нам представляется, было бы целесообразно называть обществоведческим подходом или методом. Таким образом, обществоведческий подход является составной частью цивилизационного подхода, и в этом виде он более специализированно будет «обслуживать» лишь область теоретических исследований, связанных с закономерностями развития только общества [4, с. 44–52].

На самом деле настоящим современным обществоведением можно называть лишь такое обществоведение, которое осуществляется с полным восприятием всех ценностей Нового времени, т. е. лишь закономерности возникновения, функционирования и развития человека, общества и окружающей среды. Важно здесь учесть и то, что лишь при таком подходе к сфере организации общественной жизнедеятельности людей легче будет «добираться» до научных основ функционирования всех обществоведческих институтов, предусмотренных не только Новым временем, но и постсоветской Конституцией российского общества. Только тогда можно в каждом национальном государственно-организованном обществе, включая Российскую Федерацию, сформулировать соответствующие этим ценностям и реально функционирующие обществоведческие институты. Речь идет, например, о таких обществоведческих институтах, как «многонациональный российский народ, носитель суверенитета и единственный источник власти», «гражданское общество», «правовое государство» и некоторые другие. Одновременно, следуя лишь обществоведческому подходу, можно выйти на естественно-правовые основы возникновения и ведения всех общественно значимых дел, сложившихся на протяжении долгой истории российского общества.

В то же время только признание естественно-правовых основ современного обществоведения и следование по ним вкупе с природными и энергетическими богатствами нашей страны смогут наконец-то разрешить и проблему отставания российского общества по уровню качества жизни. Тогда наладятся и взаимоотношения между российским обществом и его государством так как и должно быть в соответствии с ценностями Нового времени. Но самое главное – заработают все обществоведческие институты в соответствии со своими социальными назначениями. Возможно, все это необходимо начинать с восстановления научной и учебной дисциплины обществоведения. Да и с определением не только природы и сущности постсоветского российского общества, но и его будущим вряд ли и дальше стоит усложнять проблему. Российское общество – это современное общество, развивающееся на естественно-правовой основе. Во внешних же отношениях Российская Федерация так и будет позиционировать себя как «демократическое федеративное правовое государство». Тогда она действительно будет полностью соответствовать этому своему статусу.

Библиографические ссылки

1. Раянов Ф.М. Сущность правового государства. Основные концепции правового государства и их анализ. Саарбрюккен, 2012.

2. Хропанюк В.Н. Теория государства и права : учебное пособие для высших учебных заведений / под ред. проф. В.Г. Стрекозова. М., 2001.
3. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. Уфа : Башк. энцикл., 2018.
4. Раянов Ф.М. Естественно-исторические закономерности становления и развития гражданского общества и правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3 (57). С. 44–52.

Дата поступления: 02.03.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.13

THE FUNDAMENTALS OF MODERN LEGAL SOCIAL STUDIES AND OUR PAST NOT RETHOUGHT ERRORS

RAYANOV Fanis Mansurovich

Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia.

E-mail: rfm-2011@ya.ru

An urgent task in the field of updating the theoretical and methodological foundations of the current post-Soviet development of science "Theory of State and Law" is searching for a methodology that would contribute to the successful development of our entire Russian society. Therefore, the purpose of the article is to analyze and clarify the reasons for the national theoretical legal science departure from the natural legal foundations of its development in Soviet times. The methods for achieving this purpose are, first, the historical and theoretical description of the generality of natural legal norms and principles origin and their objective influence on the entire legislative and law enforcement practice. For this, the techniques of a specialized social science approach are used. The comparative method is also used in the form of positive experience in conducting social science matters in a number of foreign countries. Results: the study makes it possible to identify the ways of the influence of globalization processes on the intensification of the use of natural legal methods of development of juridical law in different, especially in developed countries of the world. The author substantiates the conclusion that Russian theoretical legal science can develop successfully if in its development it relies more fully on a specialized social science method.

Key words: theoretical and methodological foundations of theory of state and law; society and state relations; natural law development of human society; civilizational approach; future of Russian society; social science approach.

References

1. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva. Osnovnyye kontseptsii pravovogo gosudarstva i ikh analiz (The essence of the rule-of-law state. The main concepts of the rule-of-law state and their analysis), Saarbrücken (FRG), 2012.
2. Khropanyuk V.N. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnoye posobiye dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy (Theory of state and law: Textbook for higher education institutions), pod red. prof. V.G. Strekozova. Moscow, 2001.
3. Galiyev F.Kh., Rayanov F.M. Obshchestvovedeniye v XXI veke: teoretiko-pravovoy aspekt (Social Studies in the XXI Century: Theoretical and Legal Aspect), Ufa, Bashk. entsikl., 2018.
4. Rayanov F.M. Yestestvenno-istoricheskiye zakonomernosti stanovleniya i razvitiya grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva (Natural historical laws of formation and development of civil society and the rule-of-law state), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2019, No. 3 (57), pp. 44–52.

Received: 02.03.2020

УДК: 340.1

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.14

ПРАВОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА

БЕРЕЗИНА Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: helalex@mail.ru

В статье анализируется такой принцип правового государства, как верховенство права. Он нашел отражение и в правовой доктрине, и в законодательстве многих государств мира, а также в международном праве, став международно-правовым стандартом. Содержание данного принципа будет различно в зависимости от особенностей правовой системы общества и типа правопонимания. Для единообразного понимания и реализации принципа верховенства права необходимо закрепление его содержания на

уровне Конституции РФ. В работе обосновывается положение, согласно которому в реализации идеи верховенства права и конституирования ценностей правового государства в Российской Федерации особую роль играют правовые технологии, позволяющие осуществить синтез юридической науки, юридической практики и юридического образования в целях преобразования и совершенствования правовой системы общества.

Ключевые слова: правовое государство; верховенство права; правовая технология; образовательные правовые технологии; правотворческая технология; правоприменительная технология; интерпретационная технология.

В конституциях многих государств мира закреплены положения, согласно которым данные государства являются правовыми. Такие нормы права содержатся в ч. 1 ст. 1 Конституции Испании, ст. 1 Конституции Чехии, ч. 1 ст. 4 Конституции Болгарии, ст. 5 Конституции Китая и в основных законах многих других государств. При одинаковом обозначении понятия «правовое государство»: «*État de droit*» (Франция), «*Stato di diritto*» (Италия), «*Rechtsstaat*» (Германия), «*Estado de Derecho*» (Испания), его содержание – совокупность внутренних признаков правового государства, которые составляют данное понятие, – может быть различным. Чаще всего содержание понятия «правовое государство» существует на доктринальном уровне и не раскрывается на уровне законодательства. Например, известный российский юрист В.М. Гессен (1868–1920), развивавший в своих работах концепцию правового государства, обосновавший необходимость существования системы сдержек и противовесов, в качестве правового рассматривал «государство, которое признает обязательным для себя как правительства создаваемые им же как законодателем юридические нормы» и которое «связано и ограничено правом» [1, с. 11]. Философскую основу теории правового государства можно найти в работах И. Канта, утверждавшего, что центральным элементом в правовом государстве выступает, прежде всего, личность, а право должно обладать верховенством: «Итак, можно сказать: природа неодолимо хочет, чтобы право получило в конце концов верховную власть» [2, с. 421], и Г. Гегеля, рассматривавшего государство как самую совершенную организацию общественной жизни, а право признававшего самым совершенным регулятором среди всех социальных регуляторов, говоря о нем, что «это свобода в ее самом конкретном образе, подчиненная лишь высшей абсолютной истине мирового духа» [3, с. 95].

Хотя есть примеры, когда непосредственно в тексте конституции содержится прямое перечисление принципов правового государства. Например, ст. 5 Конституции Швейцарской Конфедерации называется

«Принципы правового государства» и в своем тексте последовательно их раскрывает ¹.

В целях унификации подходов к пониманию правового государства, обеспечения единообразия толкования данного понятия мировым сообществом неоднократно предпринимались попытки закрепить в источниках права основные принципы деятельности правового государства, одним из которых выступает принцип верховенства права. Так, уже в 1948 г. Всеобщая декларация прав человека содержала в абз. 3 преамбулы положение, согласно которому при провозглашении Декларации принимается во внимание необходимость защиты прав человека посредством реализации принципа верховенства права ². В официальном переводе Декларации на русский язык ³ выражение «*rule of law*», содержащееся в этом абзаце, переводится как «власть закона», хотя более точным переводом его будет являться именно «верховенство права», поскольку в международном праве источниками права выступают чаще всего не нормативно-правовые акты, разновидностью которых является закон, а нормативные договоры, правовые обычаи и принципы права. Поэтому использование выражения «верховенство права», являющегося в данном случае родовым по отношению к словосочетанию «верховенство закона», более точно отражает смысл положения, закрепленного в абз. 3 преамбулы анализируемой Декларации. Кроме того, если при переводе данного словосочетания учитывать еще и различные типы правопонимания, то более корректным будет также перевод «верховенство права», поскольку перевод «власть закона» отражает только позитивистскую концепцию правопонимания. Хотя есть и точка зрения, что в данной Декларации ООН «говорится только о верховенстве закона», а принцип верховенства права на международном уровне был закреплен впервые в 1949 году в Уставе Совета Европы и продублирован в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) [4, с. 6].

Таким образом, правотворчество международного сообщества в лице ООН и других международных организаций «сделало принципы право-

¹ Федеральная Конституция Швейцарской Конфедерации // Портал правительства Швейцарии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.admin.ch/opc/fr/classified-compilation/19995395/index.html> (дата обращения: 08.04.2020).

² Universal Declaration of Human Rights // Documents of the United Nations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/index.html> (дата обращения: 08.04.2020).

³ Всеобщая декларация прав человека // Документы Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 08.04.2020).

вого государства международно-правовыми стандартами»⁴. Они были восприняты многими государствами, закрепившими в основных законах не только правовой характер власти государства, но и раскрывшими содержательные характеристики тех или иных принципов правового государства. Так, в ст. 7 Конституции Республики Беларусь закреплён принцип верховенства права, который получает в тексте развернутую характеристику⁵.

В Российской Федерации данный международно-правовой стандарт закреплён в ст. 1 Конституции РФ, устанавливающей, что Российская Федерация – правовое государство. При этом многие авторы подчеркивают, что «правовое государство – это единственно приемлемое и уникальное средство для формирования так необходимого нам справедливого общества, опирающегося на принципы верховенства права» [5, с. 10].

Но для того, чтобы это положение из разряда целей перешло и воплотилось в конкретный социально-правовой результат, необходимы специальные юридические механизмы «перевода», трансформации этой цели, иначе говоря, «должны быть разработаны соответствующие социальные технологии реализации идей и ценностей правового государства в обществе» [5, с. 6].

Одним из видов таких социальных технологий выступает правовая технология – планомерно осуществляемая деятельность, направленная на преобразование правовой действительности и достижение определенного правового результата, с помощью которой можно не только оптимизировать государственно-правовое строительство, но и повысить ценность права в жизни общества.

Правовыми технологиями реализации идей и ценностей правового государства в обществе будет являться как научная, так и практическая юридическая деятельность, направленная на преобразование правовой действительности, утверждение в обществе ценностей права и принципов правового государства.

Во-первых, к правовым технологиям может быть отнесена теоретическая научная деятельность юридического сообщества, нацеленная на изучение сущности и содержания принципа верховенства права как одного из принципов правового государства. В настоящее время сущность и

⁴ Конституционное право зарубежных стран : учебник для вузов / под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М.В. Баглая, д-ра юрид. наук, проф. Ю.И. Лейбо и д-ра юрид. наук, проф. Л.М. Энтина. М. : Норма, 2004.

⁵ Конституция Республики Беларусь // Национальный правовой интернет портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 08.04.2020).

роль данного принципа в российской правовой системе исследуется только на уровне научных статей [4; 5; 7; 8], диссертационные исследования российских правоведов, посвященные принципу верховенства права, отсутствуют, авторы анализируют лишь отдельные вопросы, связанные с данным принципом: верховенство закона [9], верховенство прав и свобод человека и гражданина [10] либо роль данного принципа в правовых системах других государств [11]. Вместе с тем, как отмечает Т.В. Синюкова, идея верховенства права в настоящее время превратилась в реальный фактор политико-правового развития государств, стала основой национальных программ развития права, стала определять глобальное направление правового развития, фактически объясняя исходные и конечные пункты движения права, программируя образ действий государств в правовой сфере [6, с. 161]. Поэтому требуются более глубокие научные разработки, касающиеся анализа сущности, содержания и роли принципа верховенства права в российской правовой системе.

Как отмечают ученые, «необходима система технологий мониторинга общественных проблем и их отражения в массовом правосознании» [12, с. 120]. Например, на претворение в жизнь принципов правового государства и реализацию принципа верховенства права направлена деятельность созданного в 2005 г. в Российской Федерации Ф.М. Раяновым Научно-исследовательского института проблем правового государства (г. Уфа), учредившего журнал «Правовое государство: теория и практика», а также Научно-исследовательского центра правового обеспечения административной реформы, правового мониторинга и антикоррупционной экспертизы УрГЮУ (г. Екатеринбург) ⁶, использующих в своей деятельности правовые технологии мониторинга, правовой экспертизы, прогнозирования последствий принятия правотворческих решений. «Формирование высокотехнологичной юриспруденции – это путь к оптимизации юридической деятельности ... созданию условий для управляемого правового развития...» [13, с. 5].

Во-вторых, важную роль в формировании профессионального правосознания юристов и утверждении ценностей правового государства играют образовательные правовые технологии. Необходимо детальное освещение принципа верховенства права, а также иных принципов правового государства в учебной юридической литературе по конституционному и международному праву, теории государства и права, философии права,

⁶ Научно-исследовательский центр правового обеспечения административной реформы, правового мониторинга и антикоррупционной экспертизы УрГЮУ. URL: <https://www.usla.ru/science/uniims/nic/nic-p-o-a-r-p-m.php> (дата обращения: 08.04.2020).

а также применение в процессе их преподавания новейших юридических технологий, которые позволили бы обеспечить повышение эффективности образования, ориентацию на последующую юридическую практику, на преобразование правовой действительности в целях реализации принципа верховенства права с использованием современных достижений юридической науки. Необходимо использование возможностей юридических клиник, существующих в юридических вузах, научно-исследовательских и образовательных юридических центров, обращение к интерактивным методам обучения, проектному обучению, модельным процессам, правовым деловым играм, составлению проектов нормативно-правовых, интерпретационных, правореализационных и правоприменительных актов, привлечение студентов к исследованию сравнительных характеристик различных правовых систем с целью выявления различий в понимании принципа верховенства права в разных государствах, в том числе и путем академических обменов. Кроме того, требуется более тесное сотрудничество с государственными органами и частными юридическими компаниями не только на стадии прохождения производственной практики, но и в течение всего процесса обучения с целью получения практического опыта реализации права и обнаружения недостатков правового регулирования, проблем претворения в жизнь принципа верховенства права для последующего их устранения во время будущего осуществления практической юридической деятельности.

Так, в Уральском государственном юридическом университете популярным сейчас в юридическом сообществе правовым технологиям медиации обучают в Центре правовой медиации УрГЮУ⁷. На претворение в жизнь принципа верховенства права направлена и деятельность Центра правовых экспертиз и консалтинга⁸, которые тоже являются примерами правовых технологий. В зарубежных странах юридические образовательные учреждения еще активнее используют правовые технологии: в Университете Дьюка (С. Каролина, США) создан специальный «инкубатор» Duke Law Tech Lab, занимающийся инновациями в сфере правовых технологий⁹, на юридическом факультете Гарвардского университета функ-

⁷ Центр медиации Уральского государственного юридического университета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usla.ru/science/uniims/nic/tsentr-mediatsii.php> (дата обращения: 08.04.2020).

⁸ Центр правовых экспертиз и консалтинга Уральского государственного юридического университета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usla.ru/science/uniims/nic/consalting.php> (дата обращения: 08.04.2020).

⁹ Лаборатория правовых технологий Университета Дьюка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dukelawtechlab.com> (дата обращения: 08.04.2020).

ционирует юридическая клиника ¹⁰, в которой, студенты применяют полученные на занятиях навыки на практике.

В-третьих, большое значение для обеспечения эффективности функционирования отечественной правовой системы и ее развития в соответствии с международными правовыми стандартами, в том числе в соответствии с идеями правового государства и верховенства права, имеют юридические технологии осуществления практической юридической деятельности, начиная с технологий правотворческой (как на международном, так и на внутригосударственном уровне) и заканчивая интерпретационными и правореализационными технологиями.

Например, В.Е. Чиркин считает, что необходимо закрепить принцип верховенства права в Конституции РФ, а также его «краткое уточняющее понятие» [4, с. 10]. Тем не менее среди многочисленных поправок в Конституцию РФ понятию «верховенство права» места не нашлось. Кроме того, можно было задействовать потенциал интерпретационных правовых технологий – включить в текст акт официального толкования понятие «верховенства права» и раскрыть его содержание с помощью обозначения существенных признаков. Поскольку право действует в четырех основных пределах, то было бы обосновано при раскрытии понятия «верховенство права» опираться на данные пределы. При этом мы смогли бы обнаружить новые грани данного принципа: в рамках действия права по кругу лиц верховенство права означало бы приоритет интересов личности, прав и свобод человека и гражданина; в рамках территориальных пределов действия права – решение вопроса о соотношении международного и внутригосударственного права, федерального права и права субъектов Федерации; в рамках действия права во времени – приоритет «актуального», действенного и действительного права, которое в том числе отвечает объективным потребностям общества; в рамках предметной сферы – приоритет права как социального регулятора перед другими социальными регуляторами. В правотворческой сфере обеспечению реализации идеи верховенства права служат правовая технология правовой экспертизы, а также гармонизации законодательства [14], в сфере правореализации и применения – правовые технологии мониторинга реализации принципа верховенства права на практике. Так, Ф.М. Раянов пишет о том, что сейчас «в соответствии с международными нормами на мировом уровне осуществляется мониторинг обеспеченности принципа верховенства права в разрезе различных стран. В этих условиях и нашему сего-

¹⁰ Юридическая клиника юридического факультета Гарвардского университета [Электронный ресурс]. URL: <https://hls.harvard.edu/dept/clinical/delivery-of-legal-services-clinic/> (дата обращения: 08.04.2020).

дняшнему российскому обществу в целом, включая и наши отечественные юридические науки, необходимо научиться организовывать общественную жизнь и вести ее в соответствии с такими представлениями о праве» [15, с. 32].

В итоге своеобразный треугольник «юридическая наука – юридическое образование – юридическая практика», отражающий взаимосвязь этих трех явлений, позволит наглядно продемонстрировать единство научной, образовательной и практической юридической деятельности при реализации принципа верховенства права, что обеспечивается существованием правовой технологии, аккумулирующей в себе все эти виды юридической деятельности. Авторы говорят об интеграционной природе юридических технологий, «отражающей способность упорядочивать юридическое производство в целях объединения различных его разрозненных элементов» [16, с. 5]. К сказанному можно добавить, что интеграционная природа правовой технологии состоит и в том, что данная деятельность позволяет анализировать правовую действительность одновременно с точки зрения и юридического образования, и юридической науки, и юридической практики. Основоположник технологии как научного направления И. Бекман подчеркивал, что именно технология, основанная на научном знании и оптимальном его использовании на практике, всегда является чем-то большим, чем просто практикой или теоретическим знанием, «редким искусством и непостижимой тайной»¹¹.

Таким образом, реализация идеи верховенства права и ценностей правового государства может быть достигнута только при комплексном использовании всех видов юридических технологий.

Библиографические ссылки

1. Гессен В.М. Понятие правового государства // Правовое государство и народное голосование. К реформе государственного строя России. СПб. : Изд. Н. Глаголева, 1906. Вып. 2. С. 11–18.
2. Кант И. К вечному миру // Кант И. Соч. : в 4 т. : на нем. и рус. яз. Т. 1. Трактаты и статьи (1784–1796). М. : Издательская Фирма АО «Ками», 1993.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права : пер. с нем. / ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц. М. : Мысль, 1990.
4. Чиркин В.Е. Верховенство права: современные варианты терминологии // Журнал российского права. 2015. № 12 (228). С. 5–11.

¹¹ Beckmann J. Anleitung zur Technologie, oder zur Kenntniss der Handwerke, Fabriken und Manufacturen, vornehmlich derer, die mit der Landwirthschaft, Polizei und Cameralwissenschaft. Göttingen. 1777 [Электронный ресурс]. URL: http://www.deutschestextarchiv.de/book/view/beckmann_technologie_1777?p=5 (дата обращения: 08.04.2020).

5. Раянов Ф.М. Сущность правового государства. Основные концепции правового государства и их анализ. Саарбрюккен, 2012.
6. Синюкова Т.В. Государственный суверенитет и принцип верховенства права // Международный и национальный механизмы обеспечения суверенитета : материалы VIII Международного конституционного форума, посвященного 80-летию Саратовской области. Саратов, 2017. С. 159–163.
7. Чиркин В.Е. Верховенство права в правовом государстве: терминологические вопросы конституционного права // Право и современные государства. 2016. № 5. С. 9–19.
8. Умнова-Конюхова И.А., Николаев В.А. Принцип верховенства права: эволюция доктрин правопонимания в национальном праве и международном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 4. С. 92–100.
9. Станкин А.Н. Верховенство федерального закона в российской федерации: конституционные вопросы : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007.
10. Гончарова А.А. Правовые основы обеспечения верховенства конституционных прав и свобод личности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2006.
11. Аллалыев Р.М. Концепция верховенства права в США: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
12. Жинкин С.А. Вопросы технологии правового воздействия на правовую культуру личности // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 119–122.
13. Малько А.В., Костенко М.А. Место и роль юридических технологий в правотворческой политике современной России // Журнал российского права. 2017. № 4 (244). С. 5–15.
14. Баранов В.М., Пшеничнов М.А. Гармонизация законодательства как базовая юридическая конструкция инновационного правового развития государства // Юридическая техника. 2013. № 7–2. С. 71–77.
15. Раянов Ф.М. Принцип верховенства права: проблемы понимания и обеспечения // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2018. № 1. С. 30–35.
16. Костенко М.А. Интеграционная природа юридических технологий и концепция их классификации // Государство и право. 2019. № 5. С. 5–13.

Дата поступления: 15.04.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.14

LEGAL TECHNOLOGIES AND THE IMPLEMENTATION OF THE IDEA OF THE RULE OF LAW

BEREZINA Elena Aleksandrovna

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Theory of State and Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: helalex@mail.ru

The article analyzes such a principle of the rule-of-law state as the rule of law, which is reflected both in the legal doctrine and in the legislation of many states of the world, as well as in international law, becoming an international legal standard. The content of this principle differs depending on the specifics of society legal system and a type of legal understanding. For uniform understanding and application of this principle, it is necessary to enshrine this principle in the Russian Constitution. The paper substantiates the following statement: while implementing the idea of the rule of law, a special role is played by legal technologies that allow the synthesis of legal science, legal practice and legal education in order to transform and improve the legal system of society.

Key words: rule-of-law state, rule of law; legal technology; educational technologies of law; law-making technology, law enforcement technology; interpretation technology.

References

1. Gessen V.M. Ponyatie pravovogo gosudarstva (The concept of the rule-of-law state), *Pravovoe gosudarstvo i narodnoe golosovanie. K reforme gosudarstvennogo stroya Rossii*, St. Petersburg, Izd. N. Glagoleva, 1906, Vol. 2, pp. 11–18.
2. Kant I. K vechnomu miru (To Eternal World), *Sochineniya v 4-x tomah na nem. i russ. yaz. T.1. «Traktaty` i stat`i» (1784–1796)*, Moscow, Izdatel'skaya Firma AO «Kami», 1993.
3. Gegel` G.V.F. Filosofiya prava (Philosophy of Law), *Per. s nem.: red. i sost. D. A. Kerimov i V. S. Nersesyancz*, Moscow, My`sl`, 1990.
4. Chirkin V. E. Verhovenstvo prava: sovremennye varianty terminologii (Rule of Law: Modern Versions of Terminology), *Zhurnal rossijskogo prava*, 2015, No. 12 (228), pp. 5–11.
5. Rayanov F.M. Pravovoe gosudarstvo dlya postsovetskoj Rossii: cennostno-tekhnologicheskie aspekty realizacii (The Rule-of-Law state for Post-Soviet Russia: Value and Technological Aspects of Implementation), *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, Moscow, Pravo i gosudarstvo, 2007, No. 7. pp. 4–8.
6. Sinyukova T.V. Gosudarstvennyj suverenitet i princip verhovenstva prava (State Sovereignty and the Rule of Law), *Mezhdunarodnyj i nacionalnyj meha-*

nizmy obespecheniya suvereniteta, materialy VIII Mezhdunarodnogo Konstitucionnogo Forumu, posvyashhennogo 80-letiyu Saratovskoj oblasti. Saratov, 2017, pp. 159–163.

7. Chirkin V.E. Verhovenstvo prava v pravovom gosudarstve: terminologicheskie voprosy konstitucionnogo prava (The rule of law in the rule-of-law state: terminological questions of constitutional law), *Pravo i sovremennye gosudarstvo*, 2016, No. 5, pp. 9–19.

8. Umnova-Konyuhova I.A., Nikolaev V.A. Princip verhovenstva prava: evolyuciya doktrin pravoponimaniya v nacionalnom prave i mezhdunarodnom prave (The principle of the rule of law: evolution of doctrines of understanding of law in national law and international law), *Probely v rossijskom zakonodatelstve*, 2019, No. 4, pp. 92–100.

9. Stankin A.N. Verhovenstvo federalnogo zakona v rossijskoj federacii: konstitucionnye voprosy (Supremacy of Federal Law in the Russian Federation: Constitutional Issues), dis. ... kand. jurid. nauk, Saratov, 2007.

10. Goncharova A.A. Pravovye osnovy obespecheniya verhovenstva konstitucionnyh prav i svobod lichnosti v Rossijskoj Federacii (Legal basis for ensuring the supremacy of constitutional rights and freedoms of the individual in the Russian Federation), dis. ... kand. jurid. nauk. Sankt-Peterburg, 2006.

11. Allalyev R.M. Konceptiya verhovenstva prava v SShA: teoretiko-pravovoe issledovanie (The Concept of the Rule of Law in the United States: Theoretical and Legal Research), dis. ... kand. jurid. nauk, Moskva, 2019.

12. Zhinkin S.A. Voprosy tehnologii pravovogo vozdejstviya na pravovuyu kulturu lichnosti (Issues of Legal Impact Technology on Legal Culture of the Individual), *Yuridicheskaya tehnika*, 2016, No. 10, pp. 119–122.

13. Malko A.V., Kostenko M.A. Mesto i rol' yuridicheskikh tehnologij v pravotvorcheskoj politike sovremennoj Rossii (Place and role of technologies of the law in the law-making policy of modern Russia), *Zhurnal rossijskogo prava*, 2017, No. 4 (244), pp. 5–15.

14. Baranov V.M., Pshenichnov M.A. Garmonizaciya zakonodatel'stva kak bazovaya yuridicheskaya konstrukciya innovacionnogo pravovogo razvitiya gosudarstva (Harmonization of legislation as the basic legal structure of innovative legal development of the state), *Yuridicheskaya tehnika*, 2013, No. 7–2, pp. 71–77.

15. Rayanov F.M. Princip verhovenstva prava: problemy` ponimaniya i obespecheniya (The principle of the rule of law: problems of understanding and ensuring), *Aktual'ny`e problemy` gosudarstva i obshestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina*, 2018, No. 1, pp. 30–35.

16. Kostenko M. A. Integracionnaya priroda yuridicheskikh tehnologij i koncepciya ih klassifikacii (Integration nature of legal technologies and the concept of their classification), *Gosudarstvo i pravo*, 2019, No. 5, pp. 5–13.

17. Beckmann J. Anleitung zur Technologie, oder zur Kenntniss der Handwerke, Fabriken und Manufacturen, vornehmlich derer, die mit der Landwirthschaft, Polizei und Cameralwissenschaft. Göttingen. 1777. Available at: http://www.deutschestextarchiv.de/book/view/beckmann_technologie_1777?p=5 (accessed date: 08.04.2020).

Received: 15.04.2020

УДК 340.1+34(091)

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.15

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО В ИХ ИСТОРИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ

ЕНИКЕЕВ Рафаэль Наилевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: rnenikeev@yandex.ru

Статья посвящена осмыслению соотношения права и государства применительно к современному обществу. Раскрываются причины некоторого искаженного соотношения права и государства в России. Особое внимание обращается на пути приближения взаимодействия права и государства в постсоветской Российской Федерации. Обосновывается приоритет общества по отношению к государству.

Ключевые слова: соотношение права и государства в истории России; влияние этатизма на процессы обществоведения в нашей стране; общемировой исторический процесс; отклонение России от мирового развития человеческого общества; будущее соотношения права и государства в нашей стране.

Проблема соотношения права и государства имеет особое значение для россиян. Это объясняется тем, что россияне по своей исторической сути всегда были и, следует заметить, до сего времени остаются государственниками, то есть этатистами. Здесь государство всегда было больше чем государство, понимаемое в соотношении с его пониманием в развитых западных странах. Такое положение и сегодня сказывается на организации выполнения каких-то общественно значимых дел. Поэтому в нашей стране нельзя упускать из поля зрения то, что пока какую-то даже актуальную проблему в процессе ее разрешения не подхватит само госу-

дарство, или пока высокие руководители государства не зарядятся решением этой проблемы, то она (проблема), скорее всего, у нас вовсе не решится, а, возможно, даже не сдвинется с места.

Можно привести множество примеров. Так, о модернизации общественной жизни по опыту и подобию западных стран в России говорили и говорят со времен начала противостояния западников и славянофилов. Для этого достаточно вспомнить П.Я. Чаадаева, который, участвуя в заграничных походах и путешествиях в течение 3-х лет, после возвращения на родину во всеуслышание заявил, что Россия отлучена от общемирового исторического процесса и это ее состояние сильно мешает организации нормальной жизнедеятельности россиян [1]. Это было в 30-е годы XIX века. А в XXI веке известный американский политолог Збигнев Бжезинский сказал, что Россия потерпела поражение в холодной войне потому, что не имеет концепцию бытия.

Сравнивая эти два высказывания о сущности бытия России, трудно не найти общее между ними: как в том, так и в другом высказывании, по существу, речь идет о негативном отношении к преувеличенной самобытности России, что она (Россия) живет не так, как остальной мир. Да и в результате все большего и большего посещения россиянами зарубежных стран количество несогласных с вековыми особенностями России в сфере организации своей общественной жизнедеятельности собственных граждан увеличивается. Россияне именно в постсоветское время, все больше и больше посещая зарубежные страны, стали обращать внимание на отставание России от развитых западных стран. Причем причину такого отставания они видят в особенностях организации общественной жизнедеятельности россиян.

Вот как раз в этих условиях оптимальной организации российского обществоведения все еще продолжает мешать преувеличенная роль государства по отношению даже к самому обществу. На практике все это приводит к тому, что обществоведением в России как испокон веков, так и до сих пор, в основном, занимается государство, а не общество. Отсюда и актуализация именно в нашей стране проблемы налаживания научно обоснованного взаимоотношения между обществом и государством.

Если обратиться к отечественной обществоведческой литературе, то, казалось бы, все нормально: в большинстве изданий можно даже прочитать правильные мысли о безусловном приоритете общества над государством. Так, в одном из современных отечественных источников его авторы, открыто сетуя на то, что иногда «государство воспринимается нашими лидерами как их некое частное предприятие для реализации собственных целей, а обеспечение жизни общества рассматривается только

как средство достижения этих целей», свою мысль завершают словами: «а ведь должно быть наоборот – мы, граждане РФ, нанимаем правительство для решения наших общих проблем» [2, с. 122]. Да и в отечественной науке теории государства и права вторичность государства по отношению к государственно организованному обществу сегодня уже никем не оспаривается.

Однако сказать, что отечественная теоретическая правовая наука уже полностью разобралась с взаимоотношением общества и государства мы бы не торопились. Более того, как нам представляется, здесь еще остались совершенно не ясные грани в области достижения научно-обоснованного взаимоотношения общества и государства. Хотя, как мы уже отметили, вторичность государства по отношению к обществу в их взаимосвязях никем не оспаривается, но когда в этих же учебниках по теории государства и права начинают излагать как бы должную деятельность государства, то государству при этом делегируют такие полномочия, которые никак не должны быть в числе функции государства. Отсюда и проблема должного взаимоотношения между обществом и государством начинает разрастаться еще больше.

Так, авторы одного из учебников по теории государства и права, раскрывая признаки государственной власти, с одной стороны, совершенно правильно пишут, что государственная власть в конечном счете «служит коренным, долговременным интересам общества». Однако далее, переходя к конкретным признакам государственной власти, заявляют: «государственная власть обладает верховенством в обществе, она суверенна. Осуществление всех других разновидностей власти может регулироваться государством, правом» [3, с. 60]. Если внимательно вникнуть в суть этого признака, то нетрудно заметить, что, возводя государственную власть до верховной власти в обществе, авторы совершенно забывают о значении власти многонационального российского народа, которую как раз и ст. 3 Конституции Российской Федерации возводит до статуса единственного источника власти в российском обществе. Спрашивается, если общество является единственным источником власти, то о каком верховенстве в этом обществе еще и государства может идти речь?

К тому же эти же авторы в упомянутом же учебнике объявляют государственную власть суверенной, тогда как быть с той же статьей 3 Конституции Российской Федерации, которая закрепляет, что носителем суверенитета является лишь многонациональный народ России, а вовсе не государственная власть. Неправы авторы учебника и тогда, когда пишут, что «осуществление всех других разновидностей власти может регулироваться государством». О чем речь, почему государством? Нам известно,

что основным правовым источником, регулирующим порядок формирования и функционирования не только государственной власти, но и «всех других разновидностей власти» у нас тоже является, прежде всего, Конституция общества.

Да и в целом, «общество – первооснова государства, оно всегда первично по отношению к государству. При правильном подходе к вопросу о взаимодействии общества и государства общество всегда должно наделяться свойством приоритетности по отношению к государству. Не общество для государства, а, наоборот, государство для общества. Но такое положение в истории человечества сложилось не сразу, да и сегодня приоритет общества над государством во многих странах еще не реализован» [4, с. 29].

Да, вот и в нашей стране, особенно на практике государственной деятельности, до сих пор еще четко не реализовано положение о безусловности приоритета общества во взаимоотношениях с российским государством. Такому сложившемуся в нашей стране положению есть несколько причин исторического характера. Всесторонне осмысливая эти причины, прежде всего, следует отметить сохраняющееся довольно сильное влияние теории особого пути развития России. Интересно здесь отметить и то, что даже в сфере оптимизации взаимодействия права и государства этих, по существу, заимствованных из западных же стран научных категорий мы до сих пор чувствуем, хотя, может быть, и незначительный, но негативный оттенок: не нравятся нам западные образцы права и государства, подавай нам в лучшем случае русскую правду. Некоторые россияне до сих пор не представляют и не хотят даже представлять у себя западный вариант конституционно-правовой организации общественной жизнедеятельности людей.

Далее. В советское время наша страна, вроде бы, освободилась от дореволюционного идеологического господства «православия, самодержавия, народности». Однако тут же оказалась под господством марксистско-ленинской идеологии со своей теорией отмирания государства и права вовсе. Да и гегелевская философия права, которая воспринималась в нашей стране как один из источников и составных частей марксизма, сослужила нам плохую услугу, ведь Гегель был ярким сторонником верховенства государства над обществом. Поскольку в нашей стране другие, даже общеизвестные в западных странах, философы Нового времени вовсе не культивировались, то влияние гегелевской философии права чувствуется до сих пор.

Но, несмотря и на эти преграды, и в нашей стране прогресс в объяснении соотношения права и государства в отечественном общественном развитии должен быть осуществлен. Для этого нам необходимо скорее перейти от остатков марксистского формационного подхода в осмыслении

вопросов права и государства на новый современный обществоведческий подход. Тем более в теоретико-правовой литературе о путях такого обществоведческого подхода в развитии общества появились уже солидные работы. Например, Ф.Х. Галиев и Ф.М. Раянов в своей монографии пишут: «переход человечества от Средневековья к Новому времени сопровождался не только переосмыслением теоретических основ в организации общественной жизнедеятельности людей, но и существенным образом отразился и на представлениях о тех ресурсах, с помощью которых обеспечивается оптимальное развитие современного общества. Если в традиционном обществе основной упор в организации общественной жизнедеятельности людей делался на религиозные институты, то в новых условиях, то есть в условиях распада средневековых традиций и порядков, основная роль в обеспечении общественного благополучия переходит к другим институтам. Таковыми институтами уже являются новые, вполне светские и рукотворные государственно-правовые институты» [5, с. 75].

Действительно, право и государство в современном обществе – это незаменимые и важнейшие институты, обеспечивающие благополучное развитие современного общества. И нашей стране уже нет никакой необходимости искать какие-то особые инструменты в обеспечении своего оптимального развития. С расчетом на это нам и необходимо выстроить взаимоотношение между правом и государством.

Библиографические ссылки

1. Чаадаев П.Я. Философические письма [Электронный ресурс]. URL: http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html#_ftnref15 (дата обращения: 15.02.2020).
2. Липатов А.А., Купрейченко А.Б., Громов А.И., Шрадер Х. Правильное общество / под ред. Ю.В. Веселова. СПб. : Питер, 2015.
3. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. М.М. Рассолова, В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2001.
4. Раянов Ф.М. Сущность правового государства. Основные концепции правового государства и их анализ. Саарбрюккен, 2012.
5. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. Уфа : Башк. энцикл., 2018.

Дата поступления: 02.03.2020

LAW AND STATE IN THEIR HISTORICAL RELATIONSHIP

ENIKEEV Rafael Nailevich

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.

E-mail: rnenikeev@yandex.ru

The article is devoted to comprehending the relationship between law and state in conformity with modern society. The reasons for some distorted correlation of law and state in Russia are revealed. Particular attention is paid to ways of approximation of the interaction of law and state in the post-Soviet Russian Federation. The priority of society in relation to the state is substantiated.

Key words: correlation of law and state in Russia's history; influence of etatism on the processes of social science in our country; global historical process; deviation of Russia from the world development of human society; future relationship between law and state in our country.

References

1. Chaadayev P.Ya. Filosoficheskiye pis'ma (Philosophical letters). Available at: http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html#_ftnref15.
2. Lipatov A.A., Kupreychenko A.B., Gromov A.I., Shrader Kh. Pravil'noye obshchestvo (Right society), pod red. Yu.V. Veselova, Saint Petersburg, Piter, 2015.
3. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of state and law), uchebnik dlya vuzov, pod red. M.M. Rassolova, V.O. Luchina, B.S. Ebzeyeva, Moscow, YUNITI-DANA, Zakon i pravo, 2001.
4. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva. Osnovnyye kontseptsii pravovogo gosudarstva i ikh analiz (The essence of the rule-of-law state. The basic concepts of the rule-of-law state and their analysis), Saarbryuken (FRG), 2012.
5. Galiyev F.Kh., Rayanov F.M. Obshchestvovedeniye v XXI veke: teoretiko-pravovoy aspekt (Social science in the XXI century: theoretical and legal aspect), Ufa, Bashk. entsikl., 2018.

Received: 02.03.2020

УДК 342.41

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.16

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ, ИМЕЮЩИХ РАССТРОЙСТВО ЗДОРОВЬЯ

СОШНИКОВА Ирина Владимировна

кандидат социологических наук, доцент кафедры публичного права Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: i.v.soshnikova@yandex.ru

РУКОЛЕЕВ Виталий Александрович

магистрант 1 курса Института государственного и международного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: v.a.rukoleev@bk.ru

ШЕРПАЕВ Владимир Иванович

доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, Россия, г. Екатеринбург. E-mail: sherpaev@list.ru

В статье поднимается актуальная проблема обеспечения лекарственными препаратами детей, имеющих нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма. Право детей на бесплатное и доступное лекарственное обеспечение, к сожалению, повсеместно ущемляется, а взятые государством обязательства, через процедуру ратификации международных правовых актов провозглашающие необходимость предпринимать в отношении каждого человеческого существа, не достигшего совершеннолетия, особые меры заботы и помощи, включая предоставление наиболее совершенных услуг системы здравоохранения, средств лечения болезней и восстановления здоровья, не исполняются. Приводятся примеры реальных случаев непредоставления органами государственной власти и их должностными лицами должного лекарственного обеспечения детям с заболеваниями, приводящими к инвалидности. Авторами сформулированы предложения, направленные на укрепление законности в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: лекарственные препараты; дети; ребенок-инвалид; здравоохранение; заболевание; лекарственное обеспечение; врачебная комиссия; консилиум врачей; медицинская помощь.

На март 2020 года в РФ зарегистрировано 690 472 детей-инвалидов, что составляет порядка 6,17 % от общей численности лиц, имеющих нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма. По сравнению с данными на март 2019 года представленный пока-

затель укрепился и прогрессировал на 2,5 % ¹. Преимущественно инвалидность связана с нарушением следующих функций организма: психических (15 %); скелетных и связанных с движением (статодинамических) (9 %); эндокринной системы и метаболизма (4,5 %); сенсорных (3,5 %); сердечно-сосудистой системы (3 %); дыхательной системы (2 %). Полный перечень заболеваний, дефектов, необратимых морфологических изменений, нарушений функций органов и систем организма при которых несовершеннолетним устанавливается категория «ребенок-инвалид» устанавливается Правительством РФ.

Для поддержания текущего состояния здоровья детей больных хроническими потенциально инвалидизирующими заболеваниями и с целью возможного его улучшения в РФ действует законодательно урегулированная система реабилитационных мероприятий. Относительно эффективности этой системы современные реалии непроизвольно вызывают сомнения, главным образом в части необоснованного отказа в лекарственном обеспечении. Во многом причиной тому служит частая периодичность предаваемых огласке действий (бездействий) государственных органов и должностных лиц.

В этой области к настоящему времени и сложилась устойчивая судебная практика. Ознакомившись с рядом решений, вынесенных Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ в кассационном порядке, можно утверждать, что право на бесплатное получение лекарственных препаратов по жизненным показателям первоначально исходит из решений врачебной комиссии и (или) консилиума врачей медицинских организаций. Отсутствие лекарственного препарата или диагноза заболевания в перечнях, разрабатываемых и утверждаемых органами исполнительной власти, не может являться основанием для снижения уровня гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи ². Важно учесть, что ребенок с патологиями здоровья, в отличие от взрослого человека, в особой мере нуждается в своевременной медицинской реабилитации, включая лекарственное обеспечение, в силу развивающегося и растущего организма с несформировавшимися анатомическими и физиологическими функциями, нейроэндокринными особенностями. Упущенный рекомендованный срок приема медикаментов может повлечь нежелательные последствия для здо-

¹ Численность детей-инвалидов // Пенсионный Фонд Российской Федерации: аналитика [Электронный ресурс]. URL: <https://sfri.ru/> (дата обращения: 30.03.2020).

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.12.2019 № 11-КГ19-24²; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10.09.2018 № 57-КГ18-13.

ровья, быстрому развитию осложнений и высокой вероятности летального исхода. Подобных примеров множество.

Так, 30 января 2020 года в Красноярском крае умер двухлетний ребенок с редким заболеванием – спинальная мышечная атрофия, не получив дорогостоящих лекарственных препаратов. Рекомендованный ребенку лекарственный препарат «Нусинерсен» оказался не включенным в клинические рекомендации по лечению спинальной мышечной атрофии, также не был определен порядок обеспечения данным лекарством и источник финансирования. Министерство здравоохранения РФ в вопросе необходимости обеспечения детей-инвалидов данным препаратом заняло заведомо не основанную на законе позицию: «...заболевание спинальная мышечная атрофия не включено в перечень видов заболеваний, при амбулаторном лечении которых лекарственные средства отпускаются бесплатно». По факту гибели несовершеннолетнего возбуждено несколько уголовных дел, ведется предварительное следствие³. Если рассматривать подобные случаи в масштабах страны, то только на начало 2020 года на официальном сайте Генеральной Прокуратуры РФ опубликована информация о многих нарушениях требований законодательства об охране интересов граждан⁴.

Все вышеописанное отражает массовое неисполнение в стране фундаментальных прав ребенка, нашедших свое развитие в первую очередь в нормах международного права, как на жизнь и здоровье, так и на доступ к услугам в сфере здравоохранения. Причиной тому служит низкая квалификация должностных лиц, уполномоченных в сфере здравоохранения, прежде всего в органах государственной власти субъектов РФ, непрозрачная и несовершенная процедура предоставления лекарственных препаратов, регулируемая подзаконными нормативными правовыми актами, чрезмерная и неконтролируемая бюрократизация.

Важнейшими источниками российской правовой системы, как известно, выступают: Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных наций (далее – ООН); Конвенция о правах ребенка, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года; Конвенция о правах инвалидов (заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006)⁵. Российская Федерация произвела ратификацию ука-

³ «Малыш, прости этот мир»: почему мальчик с редкой болезнью умер, не дождавшись лечения // Интернет-издание «Комсомольская правда» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/27088/4161007/> (дата обращения: 03.03.2020).

⁴ Новостная лента // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 03.03.2020).

⁵ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) [текст] // Российская газета, 10.12.1998; Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР

занных международных правовых актов, что свидетельствует о признании ею обязательности их положений. Представленные позиции, отраженные в международных правовых актах, имплементированы в российскую правовую систему с принятием в 1993 году Конституции РФ. Казалось бы, сделано все в смысле законодательного определения основ деятельности всех государственных органов, имеющих отношение к этим вопросам. Однако нерешенных проблем и в сфере поднимаемого в нашей статье направления работы непочатый край.

Осмысливая их, мы также приходим к выводу о том, что разрешение этих проблем уходит еще дальше в сферу организации всей общественной жизнедеятельности наших граждан. Думается, что в значительной мере они выходят к сфере природы и сущности того государства, при котором нам приходится жить и работать. Получается, что в нашей стране и сегодня организация и деятельность нашего государства не поставлены в соответствие требованиям правового государства. Поэтому приходится соглашаться с утверждением о том, что «страна в постсоветский период не знает, в каком направлении она развивается, у нее нет стратегических планов. Действующая власть в постсоветской России вот уже более 20 лет пытается управлять страной не на основе общепринятых принципов, а как бы в ручном, пожарно-спасательном режиме. О сущности функционирующего в России государства в теоретическом плане вообще не принято говорить» [1, с. 8].

В другой работе эта же мысль сформулирована еще четче: «То, что в Конституции Российской Федерации записано, что Российское государство является демократическим правовым государством, мало кого убеждает. Да и таковым, то есть демократическим правовым, Российское государство пока еще, к сожалению, и в действительности не является. Поэтому вопрос о том, какое государство по своей сущности должна иметь постсоветская Россия – это сегодня архиважная проблема и представляет собой судьбоносную неразрешенную задачу для всех наших обществоведческих наук» [2, с. 35]. Действительно, чтобы лучше решать и поднимаемые нами проблемы связанные с детской инвалидностью нам необходимо одновременно дорасти до закрепленного в нашей же Конституции Российской Федерации демократического правового государства.

Что же касается организации защиты детства провозглашенной ООН в специальной Конвенции о правах ребенка, то в соответствии с ней каждое человеческое существо, не достигшее совершеннолетия, имеет

15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI, 1993; Конвенция о правах инвалидов (Заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006) // Бюллетень международных договоров. 2013. № 7. С. 45–67.

право на особую заботу и помощь. Государства, присоединившиеся к этой Конвенции, признают права несовершеннолетних на: здоровое психическое и физическое развитие (статья 17); пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения и средствами лечения болезней и восстановления здоровья (пункт 1 статья 24). Обобщенные положения содержит Конвенция о правах инвалидов, выражая основную мысль: «дети-инвалиды должны в полном объеме пользоваться всеми правами человека и основными свободами наравне с другими детьми, и напоминая в этой связи об обязательствах, взятых на себя государствами – участниками Конвенции о правах ребенка» (пункт «г» преамбулы).

На основе норм международного права и положений Конституции РФ законодателем в Российской Федерации приняты нормативные правовые акты, регулирующие отношения в сфере охраны здоровья граждан в РФ. В соответствии с ними детям-инвалидам гарантируется проведение реабилитационных мероприятий, предусмотренных федеральным перечнем⁶. Реализация мероприятий по реабилитации детей-инвалидов в РФ осуществляется на основании индивидуальных программ реабилитации, разрабатываемых федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы, которые могут при необходимости привлекать к их разработке организации, осуществляющие деятельность по реабилитации инвалидов. Подобные программы принимаются и на региональном уровне с целью создания более благоприятных условий и направлений реабилитационных мероприятий.

Таким образом, подвергнутые рассмотрению международные и национальные правовые акты обосновали неотъемлемость права на доступность и бесплатность лекарственного обеспечения в отношении каждого нуждающегося в нем ребенка-инвалида. Национальными правовыми актами в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ не могут быть снижены гарантии должного медицинского ухода за несовершеннолетними, вопреки принятым РФ на себя международно-правовых обязательств. Поэтому любая спорная правовая ситуация, связанная с обеспечением лекарственными препаратами по жизненным обстоятельствам за счет бюджетных ассигнований соответствующих бюджетов, вызванная всевозможными пробелами в действующем законодательстве должна разрешаться в пользу адресата. Также немалое значение должно отводиться своевременности решения спорных правовых вопросов без допущения возможности ухудшения показателей здоровья ребенка-инвалида. В связи с чем должен

⁶ О федеральном перечне реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду : Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2005 № 2347-р (ред. от 21.12.2019) // Российская газета. 2006. 11 янв.

быть выработан механизм комплексного надзора за деятельностью органов государственной власти субъектов РФ в области здравоохранения и их должностных лиц.

Библиографические ссылки

1. Раянов Ф.М. Сущность правового государства. Основные концепции правового государства и их анализ. Саарбрюккен, 2012.
2. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. Уфа : Башк. энцикл.

Дата поступления: 02.03.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.16

LEGAL REGULATION OF THE REHABILITATION SYSTEM FOR CHILDREN WITH HEALTH DISORDER

SOSHNIKOVA Irina Vladimirovna

Candidate of Sciences (Sociology), Assistant Professor of the Chair of Public Law of the Ural State Economic University, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: i.v.soshnikova@yandex.ru

RUKOLEEV Vitaliy Aleksandrovich

Master's Student of the Institute of State and International Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: v.a.rukoleev@bk.ru

SHERPAYEV Vladimir Ivanovich

Doctor of Political Sciences, Candidate of Sciences (Philosophy), Professor of the Department of Theory of State and Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: sherpaev@list.ru

The study raises the urgent problem of providing medicines for children with impaired health with persistent dysfunction of the body. Modern realities reflect the fact that the right of children to free and affordable medication is universally diminished, and the obligations undertaken by the Russian Federation through the procedure for ratifying international legal acts proclaiming to take special measures of care and assistance for every human being under the age of majority, including the provision of the most advanced health system services, disease treatments and health restoration, are not implemented. Arguing the above, the authors cite examples of real cases of failure by the state authorities and their officials to provide adequate medication for children with disabilities, briefly analyze the norms of international and national law, as well as law enforcement practice, including judicial practice. Based on the results of the study, the authors formulate possible reasons for the failure to comply with

regulatory requirements, on the basis of which recommendations are proposed to improve the rule of law in this area.

Key words: medicines; children; disabled child; healthcare; disease; drug provision; medical commission; council of physicians; health care.

References

1. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva. Osnovnyye kontseptsii pravovogo gosudarstva i ikh analiz (The essence of the rule-of-law state. The main concepts of the rule-of-law state and their analysis). Saarbryukken (FRG), 2012.
2. Galiyev F.Kh., Rayanov F.M. Obshchestvovedeniye v XXI veke: teoretiko-pravovoy aspekt (Social Studies in the XXI Century: Theoretical and Legal Aspect). Ufa, Bashk. entsikl., 2018.

Received: 02.03.2020

УДК 342.55

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.17

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ

УМАТОВА Елена Сергеевна

магистр педагогики ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет», г. Екатеринбург, Россия. E-mail: vsherp@mail.ru

Актуальность статьи обусловлена необходимостью дальнейшего развития агропродовольственной отрасли Российской Федерации с учетом полезного опыта других стран. Обращается внимание на возрастание значения анализа внутренних и внешних факторов, ослабляющих продовольственную безопасность РФ. Показана большая зависимость от импорта основных продуктов питания, что снижает уровень продовольственной безопасности страны, усугубляет отрицательные тенденции в экономике сельского хозяйства РФ.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; уровни продовольственной безопасности; агропромышленный комплекс; аграрный сектор; поддержка по правилам ВТО; потребительские корзины; аудит проблем АПК стран мира.

Российская Федерация после вступления в ВТО вынуждена была приспосабливаться к новому своему правовому положению и входить в

общемировой процесс, связанный с новой для нее интенсивностью конкурентной борьбы на агропродовольственном рынке. Российская Федерация впервые за всю свою многовековую историю встретила с правовой основой либерализации условий сельскохозяйственного производства и в условиях международной агропродовольственной торговли. Отправным документом, определяющим эти условия в рамках ВТО, выступало Соглашение по сельскому хозяйству (ССХ). Одновременно членство в ВТО диктовало Российской Федерации сокращение, а то и в некоторых отраслях сельского хозяйства полную ликвидацию некоторых управленческих ведомств.

Принятые в рамках ВТО правила, содержащиеся в Соглашении по сельскому хозяйству и в Соглашении по санитарным и фитосанитарным правилам, и ряд других обязывают Российскую Федерацию как члена ВТО постоянно проводить аудиты отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей на предмет их конкурентоспособности для работы в условиях ВТО. Соответственно требованиям ВТО федеральные органы государственной власти России постоянно обновляют аграрные программы и дополняют их современными мерами государственной поддержки. Например, в настоящее время Российская Федерация переходит к господдержке сельского хозяйства на каждый гектар пашни.

Однако объемы финансирования на гектар пашни в нашей стране пока еще низки по сравнению со странами Евросоюза. Так, если на погектарные субсидии сельскому хозяйству с учетом и региональной поддержки в нашей стране планируется выделить чуть более 15 млрд руб., или около 250–300 руб. на гектар, то европейские фермеры получают такую поддержку по четырем каналам и объем их финансирования в разы больше, чем у нас.

Разумеется, с таким отставанием с погектарной финансовой поддержкой сельскохозяйственного производства нам будет сложнее разрешить и вопросы продовольственной безопасности. Сегодня становится очевидным, что накопившиеся проблемы с финансированием продовольственного обеспечения населения нашей страны, особенно с учетом перспектив все большего осложнения разрешения этих проблем, требуют продуманных долгосрочных и системных решений. В то же время не можем не сказать здесь и о том, что в этой области есть и позитивные решения. К их числу мы бы отнесли принятие Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, которая утверждена Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». В соответствии с этой Доктриной органы государственной исполнительной власти и местного самоуправления субъектов РФ начали разработку мероприятий по реализации этой

Доктрины. Можно с уверенностью отметить, что принятая Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации позволит переосмыслить обеспечение продовольственной безопасности как важнейшую составную часть национальной и региональной безопасности, прогнозировать и предотвращать возникающие угрозы и риски для экономики страны и регионов, повышать ее устойчивость, создавать условия для динамичного развития агропромышленного комплекса и улучшения благосостояния населения.

В результате проведения в жизнь требований Доктрины продовольственной безопасности наше государство займет достойное место в цивилизованном мире. Тем более, в соответствии со своими конституционно-правовыми документами российское государство позиционирует себя правовым государством. К тому же такое позиционирование российского государства вполне вписывается в естественно-историческое развитие любого современного государства. Как считает проф. Ф.М. Раянов, «при нормальном (не искривленном давлением вековых традиций, влиянием остатков имперского мышления, излишнего патриотизма и т. д.) рассуждении о путях развития государственности в России, о ее дальнейшем совершенствовании трудно не выйти на параметры правового государства» [1].

Но, несмотря на такую перспективу, Россия на протяжении многих веков отставала от передовых в сельскохозяйственном отношении стран мира, и со временем отставание это только усилилось. Несмотря на происходившую смену общественно-политического строя и проводившиеся время от времени аграрные реформы, в том числе радикальные, российский крестьянин никогда не был собственником своей земли и произведенного на ней продукта. Крепостной, конечно, по определению не мог быть хорошим работником. Не стал таковым и освободившийся от крепостной зависимости крестьянин. Не было стимулов к высокоэффективному труду и у колхозника. П. Столыпин жизнь положил на создание класса зажиточных крестьян-собственников. И этот класс начал образовываться. Образцы героического труда показали столыпинские хуторяне, не менее мощный трудовой энтузиазм был у крестьян во времена нэпа. Но с коллективизацией у них был утрачен интерес хорошо и много работать, и отставание в эффективности совокупного работника в сельском хозяйстве России от такового у западных фермеров стало еще больше увеличиваться [2].

Конечно, продовольственная безопасность, впрочем, и многие другие важнейшие общественно значимые мероприятия, успешно могут быть реализованы лишь при научно обоснованном обществоведении в целом.

Однако, как пишут профессора Ф.Х. Галиев и Ф.М. Раянов, «с обществоведением до сих пор нам в нашей стране, если сказать одним словом, крупно не повезло. В условиях самодержавия в России до XX века не было необходимости в какой-либо целостной обществоведческой науке. Тогда все обществоведческие вопросы вмещались в рамки, официально сформулированной министром просвещения С.С. Уваровым государственной идеологии Российской империи, формулы "Православие, самодержавие, народность". Причем никто не скрывал, что такая формула была выставлена как антитезис получающего распространение лозунга Великой французской революции "Свобода, равенство, братство". Однако широкие народные массы России и тогда проявляли свое недовольство таким общественным устройством страны» [3, с. 5].

Библиографические ссылки

1. Раянов Ф.М. Сущность правового государства. Основные концепции правового государства и их анализ. Саарбрюккен, 2012.
2. Храмов Ю.С. Проблемы продовольственной безопасности России. Международные и внутренние аспекты. М., 1995.
3. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XX веке: теоретико-правовой аспект. Уфа : Башк. энцикл., 2018.

Дата поступления: 02.03.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.17

STATE LAW PROTECTION OF FOOD SECURITY IN RUSSIA

UMATOVA Elena Sergeevna

*Master of Pedagogy of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University", Yekaterinburg, Russia.
E-mail: vshep@mail.ru*

The relevance of the article is due to the need for further development of the agri-food industry of the Russian Federation, taking into account the useful experience of other countries. Attention is drawn to the growing importance of the analysis of internal and external factors that weaken the food security of the Russian Federation. A great dependence on imports of basic food products is shown, which reduces the level of food security of the country, exacerbates negative trends in the Russian agricultural economy.

Key words: food security; levels of food security; agro-industrial complex; agricultural sector; support under the WTO rules; consumer baskets; audit of problems of the agro-industrial complex of the countries of the world.

References

1. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva. Osnovnyye kontseptsii pravovogo gosudarstva i ikh analiz (The essence of the rule-of-law state. The main concepts of the rule-of-law state and their analysis). Saarbrücken (FRG), 2012.
2. Khramov Yu.S. Problemy prodovol'svennoy bezopasnosti Rossii. Mezhdunarodnyye i vnutrenniye aspekty (Problems of food security in Russia. International and national aspects), Moscow, 1995.
3. Galiyev F.Kh., Rayanov F.M. Obshchestvovedeniye v XXI veke: teoretiko-pravovoy aspekt (Social Studies in the XXI Century: Theoretical and Legal Aspect). Ufa, Bashk. entsikl., 2018.

Received: 02.03.2020

УДК 340.1+34(091)

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.18

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И СЛОЖНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В НАШЕЙ СТРАНЕ

ШАБУРОВ Анатолий Степанович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права УрГЮУ, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: shaburov.41@mail.ru

В статье проблемы формирования правового государства в нашей стране рассматриваются в органической взаимосвязи с историческими особенностями российской государственности. Сформулированы соответствующие предложения, которые могут быть полезны при дальнейшем исследовании проблем будущего российского государства.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации о правовом государстве; исторические особенности российского государства; принципы правового государства; соотношение исторических особенностей российского государства и принципов правового государства; перспективы правового государства в нашей стране.

В соответствии со своим Основным законом «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». То есть постсоветская Россия в своей Конституции однозначно определяется как государство правовое.

Конечно, идея правового государства получила научное развитие и разработку в науке многих государств, закреплена в отдельных конституциях, в большей или в меньшей степени получила практическую реализацию. В то же время до сих пор идут научные споры по многим позициям правового государства. Поэтому перед представителями отечественных общественных наук проблемы правового государства и сегодня остаются злободневными.

С нашей точки зрения, в самом общем виде о правовом государстве можно говорить, если в той или иной стране государственность основана на следующих принципах: демократический режим деятельности государства; разделение властей; реальность прав и свобод личности; верховенство правового закона; связанность государства правом; правовой характер отношений между государством и обществом; взаимная ответственность государства и личности. Но даже при этом остается вопрос о том, как добраться до такой государственности, чтобы эти принципы действительно заработали? Здесь также предложены различные пути к ответу на этот вопрос.

В самом общем виде можно сказать, что под правовым государством в отечественной теоретической правовой науке понимается правовая форма организации и деятельности публично-политической власти [1, с. 15]. Нельзя не заметить и то, что наиболее оригинальную и убедительную точку зрения на этот вопрос высказали представители Уфимской научной школы проблем правового государства. Так, известные представители этой научной школы профессора Ф.М. Раянов и Ф.Х. Галиев считают, что «если в той или иной стране государственно организованный народ реально является единственным источником власти и государственная власть формируется гражданами и функционирует с их согласия, то перед нами подлинное гражданское общество. Имеет большое значение и то, что единая государственная власть, разделенная на три ветви, функционирует в порядке системы сдержек и противовесов, при этом признание и обеспечение прав и свобод человека являются верховной функцией такой государственной власти. В таком обществе формируется подлинное правовое государство, где верховенства обеспечивается независимым судом. Там, где действительное гражданское общество, основанное на вышеуказанных фундаментальных институтах, не может не быть и правового государства. Гражданское общество и правовое государство – это парные обществоведческие категории: одного без другого просто не бывает» [2, с. 73].

Рассмотренные в комплексе и в системе, каждый элемент в этом определении государственности влияет на характер государства, государственной власти. Одни факторы оказывают положительное влияние, обеспе-

чивают стабильность и поступательное развитие общества и государства, другие выступают как фактор, тормозящий это развитие. То есть динамика и развитие конкретного государства определяется особенностями его государственности. Сказанное в полной мере относится и к российской государственности и ее ядру – российскому государству – России.

В работах отечественных авторов анализируются самые разные исторические закономерности развития отечественной государственности с учетом особенности менталитета и характера общественной жизни россиян. Среди них в качестве основных, оказывающих решающее значение на характер развития общества и российского государства, выделяются следующие: общинность, соборность, державность и православие [3, с. 191–192].

Можно напомнить, что общая формула, отражающая ценности и основы российской государственности, содержалась в известной триаде министра просвещения царской России С.С. Уварова: «православие, самодержавие, народность». Именно они в историческом плане предопределили динамику развития российского государства особенности его формы, функций, механизма, характер правового регулирования. Поэтому, несмотря на изменяющиеся экономические, политические, социальные условия указанные факторы проявлялись в новой форме и оказывали свое влияние на характер государства и динамику его развития. Совершенно очевидно, что без выявления и практического учета этих особенностей невозможно прогрессивное развитие России. Именно эти особенности российской государственности и следует изучать, научно обосновать и учитывать при анализе функционирования российского государства и определении путей его развития.

В то же время, как показал наш собственный исторический опыт, даже будучи отделенной от государства, которое трактовалось как светское, религия как важнейший фактор российской жизнедеятельности не могла не оказывать духовное воздействие на общество и в советское время. Конечно, место церкви в современных условиях отличается от того, что было в царской России, но и сегодня ее роль в жизни общества и функционировании государства нельзя отрицать. Даже в Законе РФ от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях» признается «особая роль православия в истории России», а в государственном гимне Россия характеризуется как «хранимая Богом родная земля». Элементы духовного воздействия нашли отражение и в иных особенностях жизни общества (признание Рождества нерабочим днем, и т. д.). Это означает, что влияние церкви и религии на жизнь общества не только не уменьшается, но ее историческая роль подчеркнута и в поправках, внесенных в 2020 г. в Конституцию Российской Федерации. В частности,

ст. 67,1 подчеркивает, что Российская Федерация, «сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога», признает государственное единство и преемственность развития. Конечно, все это вовсе не означает что сейчас законодатель, принимая правовые акты, должен следить за тем, чтобы они «сообразовывались с духом Евангелия», как полагает, например, К.С. Бельский [4, с. 50]. Однако нельзя отрицать, что отдельные духовные, гуманистические начала жизни, освещенные церковью, находят поддержку и со стороны нашего общества.

Здесь хотелось бы обратить внимание на позицию проф. Ф.М. Раянова: «важнейшим институтом как во все прежние времена человеческого общежития, так и сегодня является религиозная организация. При внимательном рассмотрении вряд ли можно найти государственно-организованное общество, где бы ни было влияние какой-то религии на организацию жизни людей» [5, с. 28]. Такая точка зрения вполне может быть поддержана. Но при этом применительно к православию следует отметить, что многие положения православия не только не способствовали формированию правового государства, но во многом выступали противовесом ему. «Российская государственность, – отмечал И.Л. Солоневич, один из авторов российской эмиграции, – строилась на православии, а не на юриспруденции. Все попытки перевода с православного языка на язык "конституций" – суть попытки безнадежные» [6].

Немаловажное влияние на развитие общества и функционирование государства оказывала и такая особенность российской государственности, как общинность. Но, несмотря на это, возможности властвования самого народа не только в царской и советской, но и в современной России нередко были ограничены. В частности, он был отстранен от избрания членов Совета Федерации Федерального Собрания и глав исполнительной власти субъектов Федерации. До последнего времени он был отстранен и от осуществления правотворчества в какой-либо форме. В пределах Федерации он даже не имел права законодательной инициативы.

Единственная возможность участия населения в правотворчестве была реализована в форме всенародного обсуждения предлагаемых властью правовых актов. Но это было именно обсуждение актов, их поддержка, а не их творчество. Как единственный случай можно отметить принятие действующей Конституции путем референдума. Но референдум нельзя назвать формой правотворчества. В последнем дополнении в действующую Конституцию закреплено всенародное голосование – новая форма правотворчества. Но и она близка лишь к референдуму.

Все эти отмеченные и, возможно, еще и не отмеченные здесь особенности российской государственности достаточно сильно и сегодня препятствуют реализации принципов правового государства в нашей стра-

не. В то же время правовое государство потому и называется «правовым», что в основе его формирования, развития и функционирования лежит право, т. е. в своем функционировании государство «связано правом». Причем это касается всех ветвей государственной власти и всех его функций. Конституция Франции, например, предписывает, что «государственная власть не может издавать никаких законов, которые наносят ущерб или препятствуют осуществлению естественных или гражданских прав». В Конституции России также закреплено, что российские законы должны быть правовыми, ибо их содержание, смысл и применение, деятельность государственных органов определяется правами человека (ст. 18). С другой стороны, действующее право должно быть совершенным не только с содержательной, но и с технической стороны. Но пока же российское право далеко от идеала. Да и исторические особенности российской государственности не только не способствовали претворению в жизнь идей и конкретных положений правового государства, а напротив, в какой-то степени противоречили и противостояли им.

Далее. Для российской государственности характерен переходный период от одной формы к другой. Но если в одном случае, например в ходе революции 1917 г., переход осуществлен быстро, хотя в его процессе произошли принципиальные изменения во всех сферах общественной жизни, то переход в современных условиях отличается длительностью. Это объясняется неготовностью общества, его граждан к быстрым переменам, отсутствием у них необходимого уровня правосознания и опыта демократических преобразований. Но в любом случае налицо модернизация новой государственности, происходящая путем изменения отдельных ее элементов, приспособления других к новым условиям или полного использования отдельных элементов в новых условиях. И.Л. Бачило в своей работе [7, с. 21–22] проследил развитие российской государственности от отмены крепостного права до формирования государственности в новой России конца XX в. и подтвердил реальность этого положения.

Но в любом случае следует учитывать не только необходимость использования, перенимания положительного опыта (без него вообще невозможно дальнейшее развитие общества), важно изучать и анализировать и негативные последствия отдельных элементов, составляющих государственность. Такие выводы можно сделать и анализируя те многочисленные реформы, которые были проведены в нашей стране в ее истории. Одновременно нельзя здесь не отметить, что многим из этих реформ была свойственна декларативность, отсутствие научной и экономической обоснованности и т. д. Поэтому они либо не осуществляются, либо уходят в небытие. Но самый главный их недостаток – нередко они принимаются и разрабатываются без учета особенностей российской государственности. Поэтому многие попытки переноса на российскую почву опыта

других государств (имеющих принципиально иную государственность) не будут претворены в жизнь.

Итак, идею правового государства хотя и следует рассматривать как закономерный итог социального, экономического и политического развития общества, но, реализовывая ее на практике российского общества, нельзя не учитывать и его особенности. Поэтому, как показывает реальная практика нашего общества и сегодня, и постсоветскому российскому обществу еще далеко до достижения идеалов правового государства. Сегодня очевидна необходимость выработки такого образа правового государства, который будет органичен истории России, ее традициям и культуре. И самое главное, он должен формироваться и функционировать в рамках именно российской государственности, что оказалось сделать весьма затруднительно (если вообще возможно).

Библиографические ссылки

1. Нерсисянц В.С. Конституционная модель российской правовой государственности: опыт прошлого, проблемы и перспективы // Правовое государство, личность, законность. М., 1997.
2. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. Уфа : Башк. энцикл., 2018.
3. Шабуров А.С. Российская государственность в историко-правовом аспекте // Источниковедение истории советского государства и права: идеологические, политические и юридические основания : материалы круглого стола. Екатеринбург, 2016.
4. Бельский К.С. Феноменология административного права. Смоленск, 1995.
5. Раянов Ф.М. Сущность правового государства. Основные концепции правового государства и их анализ. Саарбрюкен, 2012.
6. Солоневич И. Царь и помещики // Наша страна. 19049. № 14.
7. Бачило И.Л. Факторы, влияющие на государственность // Государство и право. 2013. № 7.

Дата поступления: 02.03.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.18

RUSSIAN STATEHOOD AND DIFFICULTIES IN THE FORMATION OF THE RULE-OF-LAW STATE IN OUR COUNTRY

SHABUROV Anatoly Stepanovich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: shaburov.41@mail.ru

The article reviews the problems of the formation of the rule-of-law state in our country in organic relationship with the historical characteristics of the Russian statehood. Relevant proposals are formulated that can be useful in further research into the problems of the future of the Russian state.

Key words: Constitution of the Russian Federation on the rule-of-law state; historical features of the Russian state; rule-of-law state principles; correlation between the historical characteristics of the Russian state and the rule-of-law state principles; perspectives of the rule-of-law state in our country.

References

1. Nersesyan V.S. Konstitutsionnaya model' rossiyskoy pravovoy gosudarstvennosti: opyt proshlogo, problemy i perspektivy (Constitutional model of the Russian rule-of-law statehood: past experience, problems and prospects), *Pravovoye gosudarstvo, lichnost', zakonnost'*, Moscow, 1997.
2. Galiyev F.Kh., Rayanov F.M. Obshchestvovedeniye v XXI veke: teoretiko-pravovoy aspekt (Social science in the XXI century: theoretical and legal aspect), Ufa, Bashk. entsikl., 2018.
3. Shaburov A.S. Rossiyskaya gosudarstvennost' v istoriko-pravovom aspekte (Russian statehood in the historical and legal aspect), *Istochnikovedeniye istorii sovetskogo gosudarstva i prava: ideologicheskiye, politicheskiye i yuridicheskiye osnovaniya*, materialy kruglogo stola, Yekaterinburg, 2016.
4. Bel'skiy K.S. Fenomenologiya administrativnogo prava (Phenomenology of administrative law), Smolensk, 1995.
5. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva. Osnovnyye kontseptsii pravovogo gosudarstva i ikh analiz (The essence of the rule-of-law state. The basic concepts of the rule-of-law state and their analysis), Saarbyuryuken, 2012.
6. Solonevich I. Tsar' i pomeshchiki (Tsar and landowners), *Nasha strana*, 19049, No. 14.
7. Bachilo I.L. Faktory, vliyayushchiye na gosudarstvennost' (Factors Affecting Statehood), *Gosudarstvo i pravo*, 2013, No. 7.

Received: 02.03.2020

УДК 323.3

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.19

**КОНСТИТУЦИОННАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
В СФЕРЕ УКРЕПЛЕНИЯ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ШЕРПАЕВ Владимир Иванович

доктор политических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права УрГЮУ, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: sherpaev@list.ru

В статье анализируется сфера укрепления обороноспособности как важнейший принцип, обосновывается базовая основа защиты конституционного строя, раскрываются пути становления и функционирования армии в нашей стране. Перечисляются положения действующей Конституции Российской Федерации, относящиеся к сфере военной безопасности, а также административно-правовые режимы, предусмотренные законодательством.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации о национальной безопасности; определенность в законодательстве об обороне страны; административно-правовые режимы видов безопасности; функции Вооруженных сил; уроки Великой Отечественной войны; существующие группы угроз.

Важнейшее значение к сфере укрепления национальной безопасности страны имеют правовые положения Конституции Российской Федерации и деятельность Конституционного суда, который вместе с другими властями, в единстве с ними, но и при раздельности осуществляет функцию защиты Конституции и, следовательно, функцию Конституционно-правовой защиты Российского государства – отмечает В. Зорькин [1, с. 94].

Однако с точки зрения правотворческой деятельности необходимо продолжать содействие представительным органам государственной власти в субъектах Российской Федерации, чтобы совершенствовать их административно-правовые режимы конкретных видов национальной безопасности: государственной, экономической, экологической, информационной, военной и ряда иных.

Как определено законодательством Российской Федерации, перечень этих органов и их конкретные функции так же должны быть четко определены в текущем Российском законодательстве в порядке, соответствующем современному уровню ведения государственных дел в области обеспечения национальной безопасности страны. В свою же очередь, очень важно чтобы и такая «государственная деятельность осуществлялась на основе соблюдения принципов "правления права", "признания и

соблюдения прав и свобод человека"» [2, с. 8]. Мы полностью уверены, что эти принципы в полной мере распространяются и на сферу деятельности государства в области укрепления своей обороноспособности.

Необходимо здесь заметить, что конкретные угрозы, при наличии которых могут быть нарушены наши интересы в области обеспечения национальной безопасности, подробно перечислены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.¹ В их числе:

- вероятные рецидивы односторонних силовых подходов в международных отношениях;
- противоречия между основными участниками мировой политики;
- угроза распространения оружия массового поражения и его попадания в руки террористов;
- совершенствование форм противоправной деятельности в кибернетической и биологической областях, в сфере высоких технологий.

В настоящее время в мире усиливается и глобальное информационное противоборство, растут угрозы стабильности индустриальных и развивающихся стран мира, мешающие их социально-экономическому развитию и задействию к этим процессам демократических институтов. В мире получают оживление националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма.

Нам представляется, что и проблемы безопасности, особенно там, где непосредственно живут граждане, должны в правовом и практическом плане быть обеспечены всеми уровнями власти. В этом смысле приобретает особую актуальность организация надлежащей государственной деятельности на местном, муниципальном уровне. Здесь мы полностью согласны с проф. Ф.М. Раяновым, который пишет: «необходимо выяснить: входят ли муниципалитеты в политическую систему нашего же общества? Ведь ст. 12 действующей Конституции РФ их (органы местного самоуправления) выводит из системы органов государственной власти, с чем даже Председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин не может согласиться» [3, с. 21].

Вооруженные Силы Российской Федерации своими миротворческими действиями, даже в мирное время, участвуют в решении страной важнейших политических задач. К их числу можно отнести предотвращение распада России, участие в выборе отдельными народами приемлемых им форм государственного устройства. Да и выполнение некоторых других миротворческих или контртеррористических функций российскими Вооруженными Силами сегодня без учета этнополитического фактора трудно представить.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

Более того, нам думается, что сегодня в связи с проведением немалого числа миротворческих или контртеррористических функций со стороны Вооруженных Сил России появляется и потребность в группировании решаемых при этом задач. В частности, к их числу необходимо отнести такие новые группы опасности, как: обеспечение правовой самостоятельности в осуществлении принадлежащих субъектам РФ полномочий; недопустимость для субъектов федерации вступать в какие-либо государственные союзы за пределами федерации, которые могут отрицательно повлиять на безопасность страны и т. д.

Поэтому становление и развитие миротворческих функций Вооруженных сил Российской Федерации и впредь необходимо оценивать в неразрывной связи с положением о том, что «Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию. Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории» (ст. 4).

При определении концептуальных основ военной доктрины случаев применения Вооруженных Сил в разрешении внутренних проблем в Российской Федерации необходимо иметь в виду, что ключевые положения для этих действий уже отражены в статьях 71, 72, 73 ее Конституции. Подобные статьи имеются и в конституциях или уставах ряда субъектов Российской Федерации. Остается лишь таким же конституционно-правовым путем жестко определить правовой режим проведения тех или иных миротворческих (контртеррористических) операций.

Рассуждая о порядке функционирования Вооруженных Сил Российской Федерации в различных ситуациях, трудно обойтись и без затрагивания некоторых других неразрешенных проблем в этой области. Так, например, одна из острых миротворческих (контртеррористических) проблем состоит в том, что до сих пор в стране не завершено формирование системы правового механизма реализации миротворческих и контртеррористических функций Вооруженными Силами и другими ведомствами, полностью удовлетворяющей интересы всех субъектов Российской Федерации.

Поэтому необходимо продолжить подготовку пакета законов, направленных на дальнейшее развитие федеративных отношений и роль соответствующих властных структур в регулировании конфликтов на территории всей федерации. Из них основополагающими для проведения миротворческих (контртеррористических) операций могут стать и некоторые новые основополагающие федеральные законы.

На практике регулирования межэтнических или иных конфликтов в условиях федерализма можно обозначить формы правовых актов, в которых могут устанавливаться и разграничиваться полномочия сил и средств, участвующих в миротворческой или контртеррористической

операции: федеральных законов, в соответствии с постсоветской Конституцией Российской Федерации должно быть столько, сколько предметов совместного ведения Российской Федерации и субъектов (ст. 72).

В условиях обострения международной обстановки, обществу необходимо заботиться и о подробном и глубоком самопознании роли и значения Вооруженных сил: ведь не зря специалисты предупреждают – «Не зная своей армии, мы можем лишь слепо верить в ее мощь, а потому и жестоко поплатиться за свою неосведомленность» [4, с. 9]

Размышляя об обороноспособности страны, трудно не увязать ее и с состоянием не только экономики, но и состоянием всего отечественного обществоведения. В частности, трудно не согласиться с мнением проф. Ф.Х. Галиева и Ф.М. Раянова, которые пишут: «То, что Российская Федерация до сих пор не находится в когорте самых развитых стран, в значительной мере объясняется и отсутствием научного обществоведения. Научная теория современного обществоведения, способная предложить дорожную карту, ведущую в современный цивилизованный мир, в нашей стране пока еще находится лишь на начальной стадии своей разработки» [5, с. 8]. Действительно, без научно-обоснованного надежного обществоведения страна и дальше будет отставать от развитых стран, а это, в свою очередь, не может не затрагивать и вопросы обеспечения надлежащей ее обороноспособности.

Библиографические ссылки

1. Зорькин В.Д. Председатель Конституционного суда Российской Федерации. Доклад на научно-практической конференции в Кремле 12 декабря 2008 г. // Конституция Российской Федерации: К 15-летию принятия основного закона: Текст. Комментарии. М. : Статут, 2009.
2. Раянов Ф.М. Сущность правового государства. Основные концепции правового государства и их анализ. Саарбрюккен, 2012.
3. Раянов Ф.М. К разрешению проблем муниципалитетов нужен обществоведческий подход // Проблемы муниципалитетов в разрезе правового обществоведения : сборник статей к Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 14 ноября 2019.) / отв. ред. Ф.М. Раянов. Уфа БашГУ, 2019.
4. Стаськов Н.В. Миротворчество в регулировании межэтнических конфликтов: опыт, проблемы. М. : Изд-во РАГС, 2002.
5. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. Уфа : Башк. энцикл., 2018.

Дата поступления: 02.03.2020

**CONSTITUTIONAL DEFINITIVENESS IN THE SPHERE OF
STRENGTHENING THE DEFENCE CAPABILITY OF THE RUSSIAN
FEDERATION**

SHERPAEV Vladimir Ivanovich

*Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: sherpaev@list.ru*

The article analyzes the sphere of strengthening the defence capability as the most important principle, substantiates the basic ground for protecting the constitutional order, reveals the ways of the formation and functioning of the army in our country. The article lists the provisions of the current Constitution of the Russian Federation related to the field of military security, as well as the administrative and legal regimes provided for by law.

Key words: constitution of the Russian Federation on national security; definitiveness in the country's defence legislation; administrative and legal regimes of types of security; functions of the Armed Forces; lessons of the Great Patriotic War; existing threat groups.

References

1. Zor'kin V.D. Predsedatel' Konstitutsionnogo suda Rossiyskoy Federatsii. Doklad na nauchno-prakticheskoy konferentsii v Kremle 12 dekabrya 2008 g. (Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation. Report at a scientific-practical conference in the Kremlin on December 12, 2008), *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: K 15-letiyu prinyatiya osnovnogo zakona*, Tekst, Kommentarii, Moscow, Statut, 2009.
2. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva. Osnovnyye kontseptsii pravovogo gosudarstva i ikh analiz (The essence of the rule-of-law state. The basic concepts of the rule-of-law state and their analysis), Saarbrücken, 2012.
3. Rayanov F.M. K razresheniyu problem munitsipalitetov nuzhen obshchestvovedcheskiy pod-khod (A social science approach is needed to resolve the problems of municipalities), *Problemy munitsipalitetov v razreze pravovogo obshchestvovedeniya*, sbornik statey k Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Ufa, 14 noyabrya 2019.), otv. red. F.M. Rayanov, Ufa, BashGU, 2019.
4. Stas'kov N.V. Mirotvorchestvo v regulirovanii mezhetnicheskikh konfliktov: opyt, problemy (Peacemaking in the regulation of interethnic conflicts: experience, problems), Moscow, Izd-vo RAGS, 2002.
5. Galiyev F.Kh., Rayanov F.M. Obshchestvovedeniye v XXI veke: teoretiko-pravovoy aspekt (Social science in the XXI century: theoretical and legal aspect), Ufa, Bashk. entsikl., 2018.

Received: 02.03.2020

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
PAGES OF HISTORY

УДК 321

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.20

ПАМЯТИ ЛЕГЕНДАРНОГО ЗЕМЛЯКА ДАЯНА МУРЗИНА

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права и международных отношений Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.

E-mail: nigm2004@mail.ru

Указом Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина 2020 год объявлен в нашей стране Годом памяти и славы. Более 25 млн граждан нашей страны отдали свои жизни за Победу. Республика Башкортостан внесла свой весомый вклад в победу над фашистской Германией. За пределами республики и страны стали известны имена героев Великой Отечественной войны Минигали Шаймуратова, Мусы Гареева, Тагира Кусимова, Даяна Мурзина, Александра Матросова и Минигали Губайдуллина. Статья посвящена боевому пути Даяна Баяновича Мурзина, активного участника партизанского движения и Движения Сопротивления в Чехословакии, герою Чехословакии. Рассмотрена помощь Красной Армии словацкому народному восстанию, показана роль Советского Союза в организации Движения Сопротивления в Восточной Европе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Башкортостан; Уфа; Даян Баянович Мурзин; партизанское движение; Движение Сопротивления; Коминтерн; Чехословакия.

2020 год Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина объявлен в нашей стране Годом памяти и славы. Более 25 млн граждан нашей страны отдали свои жизни за Победу. Советский народ спас народы Европы от ужасов фашизма и уничтожения. Сегодня, к сожалению, эти общеизвестные для многих старших поколений граждан России, стран СНГ, Балтии, Восточной Европы страницы истории пытаются переписать и преподнести в искаженном, перевернутом с ног на голову виде. Фальсификация истории и, в частности, истории Второй мировой войны, активизировалась в последние годы, особенно в преддверии 75-летия Победы советского народа над германским фашизмом.

В феврале 2015 года в приветственном слове к участникам Международной научной конференции «Ялта 1945: прошлое, настоящее, будущее» В.В. Путин отмечал: «На наших глазах разворачивается кампания по пересмотру итогов Второй мировой войны. Уменьшается вклад Красной армии в Великую победу. Эти обстоятельства не могут оставить нас равнодушными и безучастными. Мы должны твердо противостоять любым попыткам фальсификации исторических фактов, защищать правду о минувшей войне»¹.

Все население нашей огромной страны внесло посильную лепту в победу над врагом. В Башкирии были сформированы 6 стрелковых дивизий, 4 кавалерийских дивизии, 2 стрелковые бригады, 13 отдельных артиллерийских полков, 4 бронепоезда. 112-я Башкирская кавалерийская дивизия была полностью укомплектована жителями республики, она стала единственным кавалерийским соединением Красной армии, 78 воинов которой были удостоены звания Героя Советского Союза, а 5 человек стали полными кавалерами ордена Славы². Всего 278 уроженцев Башкортостана стали Героями Советского Союза, 35 человек – полными кавалерами ордена Славы³. 710 тысяч жителей Башкортостана ушли на фронт, около 300 тысяч из них погибли, почти 50 тысяч вернулись инвалидами⁴.

В годы Великой Отечественной войны в республику было эвакуировано более сотни промышленных предприятий, Академия наук Украинской ССР, а также 2 академии вооруженных сил страны: Высшая Академия Генерального штаба имени К.Е. Ворошилова (в Уфу) и Военно-политическая Академия имени В.И. Ленина (в Белебей)⁵. В Уфу был эвакуирован Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала – Коминтерна, здесь разместилась радиостанция Коминтерна, которая вела передачи на 18 языках⁶.

Недалеко от Уфы в районном центре Кушнаренково начала работу 101 диверсионная школа Коминтерна, где в числе других патриотов-интернационалистов проходил обучение Маркус Вольф – будущий шеф разведки МГБ ГДР (Штази).

¹ Ялта 1945: прошлое, настоящее, будущее : материалы Международной конференции / сост. Е.А. Бондарева. М. : Астрей, 2015. С. 5.

² Одна на всех. 10 фактов о вкладе Башкортостана в победу в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс]. URL: http://www.bashinform.ru/longread/odna_na_vseh (дата обращения: 12.04.2020).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Республика приняла 247 тысяч беженцев. Среди них люди, впоследствии ставшие достоянием нашей страны. Вот некоторые имена: известный украинский советский поэт и государственный деятель Павел Тычина, советский скульптор Сосланбек Тавасиев, выдающийся советский писатель Андрей Платонов, а в семье эвакуированного после ранения на фронте инженера-технолога Теодора Владимировича Спивакова родился выдающийся ныне деятель культуры, руководитель оркестра «Виртуозы Москвы» Владимир Спиваков. Писатель Сергей Довлатов также родился в семье эвакуированных в Уфу.

Имена многих героев Великой Отечественной войны уроженцев Республики Башкортостан сегодня известны всей России.

Сегодня вспомним о Даяне новиче Мурзине, «Черном генерале», который активно участвовал в партизанском движении на Украине, в руссии, Молдавии, был одним из низаторов Движения Сопротивления в Чехословакии. Даян Мурзин родился 20 января 1921 года в селе Старые Балыклы Бакалинского района Башкортостана. Уже через год после окончания педагогического училища был отмечен за свой труд Почетной грамотой Министерства образования БАССР⁷.

22 июня 1941 года курсант Рижского военного училища Даян Мурзин вступил в бой с немецко-фашистскими захватчиками в Прибалтике. Оказывая упорное сопротивление врагу, многие части Красной Армии оказались в окружении. Одним из таких окруженцев, с оружием в руках пробивавшихся к своим, был 20-летний Даян Мурзин. Он

вспоминал: «Сначала мы шли в сторону Ленинграда, но территория здесь была забита вражескими войсками. Поэтому через неделю мы резко повернули на юг. По дороге заходили в латышские, эстонские хуторки, и не было случая, чтобы нам отказали в пище» [3, с. 28].

⁷ Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pfo.ru/?id=14369> (дата обращения: 03.04.2020).

В соответствии с Директивой Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года на оккупированных территориях СССР начало развиваться партизанское движение⁸. Непосредственное руководство партизанским движением, в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года «Об организации борьбы в тылу германских войск», осуществляли партийные органы. Партизанские отряды возглавили сотни партийных, советских и комсомольских работников, а также кадровые сотрудники органов безопасности⁹.

Партизаны внесли серьезный вклад в победу Советского Союза над фашистской Германией и ее сателлитами. Стратегическое руководство ими осуществлял Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования (ВГК), созданный по Постановлению Государственного Комитета Обороны от 30 мая 1942 года. Партизанским движением на Украине и в Молдавии руководил Украинский штаб партизанского движения во главе с генерал-майором Т.А. Строкачем¹⁰.

Одним из партизанских соединений, организованных на Украине, было Путивльское соединение С.А. Ковпака, в составе которого действовал партизанский отряд «За Родину». В октябре 1941 года в него вступил пробивавшийся из окружения Даян Мурзин. Уже через короткое время толковый боец был назначен командиром разведчиков [3, с. 48].

В зоне действия партизан в г. Ямполь в этот период дислоцировался Туркестанский легион, сформированный из советских пленных, выходцев из Средней Азии, согласившихся воевать в рядах фашистских войск. В основной своей массе они надеялись при первом удобном случае перейти на сторону Красной армии или партизан. Ставкой ВГК было принято решение о подрывной работе против национальных формирований, создаваемых фашистами. По воспоминаниям Д.Б. Мурзина, в апреле 1942 года он получил задание партизанского командования об установлении контакта с командиром мусульманского подразделения (по национальности казахом Курамысевым) [3, с. 49–59].

Через некоторое время Даян Мурзин был переправлен в Москву и зачислен в Особую партизанскую школу, ему было присвоено очередное звание «старший лейтенант». В этот период состоялось личное знакомство Д. Мурзина с генерал-майором Т.А. Строкачем [3, с. 60], который сыграл большую роль в жизни Д.Б. Мурзина. Т.А. Строкач возглавлял Укра-

⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 : энциклопедия. М. : Сов. Энциклопедия, 1985. С. 530.

⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М. : Кучково поле, 2012. С. 820.

¹⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 : энциклопедия. М. : Сов. Энциклопедия, 1985. С. 540.

инский штаб партизанского движения всю войну, а в январе 1946 года стал наркомом, затем министром внутренних дел УССР, в 1956–1957 годах был заместителем министра внутренних дел СССР ¹¹.

После трехнедельной подготовки Даян Баянович вернулся в отряд и получил задание восстановить связь с командиром мусульманского подразделения [3, с. 69]. В результате его действий часть солдат и офицеров Туркестанского легиона и легиона «Идель-Урал», сформированных из пленных мусульман, перешли на сторону Красной армии ¹².

В 1943 году Д.Б. Мурзин был отозван в Москву и после окончания курсов командного состава в феврале 1943 года заброшен во главе группы на Украину. В короткий срок на базе группы был организован партизанский отряд, который сумел нанести серьезный урон немецким и румынским подразделениям в районе села Будеи и Кодымского леса. До конца апреля 1944 года партизанский отряд Д. Мурзина успешно действовал на стыке Украины и Молдавии, а затем соединился с наступающими частями Советской армии [3, с. 107].

Как отмечал в своих воспоминаниях маршал Г.К. Жуков, количество партизанских сил в 1943 году увеличилось в два раза, части и соединения партизан стали «способны производить серьезные операции в тылу врага, отвлекая на себя значительные силы немецких войск» [2, с. 93]. Однако Д.Б. Мурзин вспоминал: «Меня срочно вызвали в город Николаевск к члену Военного Совета фронта полковнику Асмолову. ...Асмолов прочитал отчет и вызвал меня к себе. Он сказал: "Ты, Мурзин, не обижайся, но мы должны проверить тебя. Собирайся снова в Будеи. С тобой поедут майор Артюхов и Морозов"» [3, с. 127]. Проверка подтвердила правдивость отчета.

В мае 1944 года Д.Б. Мурзин был направлен в Киев, где вместе с известными командирами партизанских соединений прошел подготовку в Специальной школе разведчиков партизанского движения Украины. В ней обучались партизанскому делу польские, чехословацкие, венгерские и румынские патриоты. Даян Баянович вспоминал: «В течение 1944 года несколько десятков групп партизан, прошедших подготовку в учебных центрах, были заброшены на территорию своих стран: в Польшу – 12 групп (226 человек), в Чехословакию – 64 группы (1352 человека), в Венгрию – более 10 групп (около 280 человек), в Румынию 12 отрядов и 8 групп» [3, с. 111].

¹¹ Военный энциклопедический словарь. М. : Воениздат, 1986. С. 715.

¹² К юбилею Великой Победы: история «Черного генерала» из Башкирии Даяна Мурзина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ufa.kp.ru/daily/27101.7/4174659/> (дата обращения: 12.04.2020).

В августе 1944 года для создания партизанского отряда на территории Словакии было заброшено 2 группы. Первую возглавил словацкий коммунист Ян Ушьяк, офицер из бригады Людвига Свободы, он должен был стать командиром будущего партизанского отряда. Капитан Д.Б. Мурзин возглавил вторую группу и должен был стать начальником штаба партизанского отряда. Высадка группы была осуществлена близ села Склабино, большинство организаторских групп высаживались именно здесь. Д.Б. Мурзин вспоминал: «За один день в партизанский отряд записалось около 200 человек – жителей Склабино, плюс 22 десантника из Киева, плюс несколько десятков бывших военнопленных солдат из всех европейских армий и даже пара негров (американские летчики, бежавшие из концлагеря)» [3, с. 117]. Отряд взял себе имя Яна Жижки.

По просьбе марионеточного словацкого правительства во главе с Тиссо на подавление партизан были брошены немецкие войска. В августе в Словакии развернулось антифашистское восстание, к восставшим присоединились некоторые части словацкой армии. В целях оказания помощи Словацкому национальному восстанию Красная армия, не имея времени для серьезной подготовки, 8 сентября начала наступление на Карпаты [4, с. 587].

В результате двухмесячных кровопролитных боев советские войска в Словакии вышли к реке Вислока и заняли города Мукачев и Ужгород. Хотя соединиться с участниками восстания им не удалось, наступление советских войск оказало им реальную помощь, оттянув на себя крупные силы противника [4, с. 588]. 28 октября 1944 года словацкие повстанцы, упорно сопротивляясь превосходящим силам фашистов, были вынуждены отступить в горы¹³.

В целях отвлечения гитлеровских войск от Словакии отряд имени Яна Жижки еще 21 августа 1944 года получил радиogramму, подписанную генерал-майором Т.А. Строкачем, с приказом прорваться в Моравию, на территорию протектората Чехия и Моравия [3, с. 123]. Трижды пытались партизаны перейти границу. Лишь разделившись на мелкие группы, они смогли прорваться в Моравию. Оценить значение этой операции можно лишь проанализировав всю ситуацию, которая складывалась в этом регионе. Как отмечает Д.Б. Мурзин, они начали партизанскую войну на территории Чехии и Моравии против миллионной группировки фашистов, чем вселяли веру в чешский народ о скором изгнании фашистских оккупантов [3, с. 123]. Об успешных действиях партизанских отрядов в

¹³ Официальный сайт Министерства обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://bratislava75.mil.ru/> (дата обращения: 03.04.2020).

тылу врага вне повстанческой территории, в том числе бригаде Я. Ушьяка, пишет в своих воспоминаниях и полковник А.Н. Асмолов [1, с. 221].

Осенью в результате действий гестаповского агента погиб командир интернациональной партизанской бригады Ян Ушьяк, с октября 1944 года интернациональную партизанскую бригаду возглавил Даян Мурзин. Чтобы казаться старше, а ему было только 23 года, он отпустил черную бороду, за что и получил прозвище «Черный генерал»¹⁴.

В Моравии партизаны применяли тактику, отработанную при пересечении словацкой границы. Пять отрядов бригады действовали самостоятельно и легко ускользали от карателей, когда они принимались за преследование всерьез [3, с. 160].

Хотелось бы отметить большую политико-воспитательную работу, проводимую среди бойцов руководителями партизанского соединения. Дух братства и интернационализма был высочайший. Это было особенно важно с учетом того, что в бригаде были люди разных национальностей и разных социальных слоев, а фашистская пропаганда делала все, чтобы разобщить народы. 3 апреля 2020 года Министерство обороны Российской Федерации представило на своем официальном сайте рассекреченные документы, посвященные 75-летию освобождения Братиславы от немецко-фашистских оккупантов¹⁵. Как отмечается в политдонесении заместителя начальника политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майора П.А. Усова «О военно-политической обстановке на территории, занятой словацкими повстанцами» от 22 октября 1944 года, в разбираемых над Словакией листовках фашисты писали, что «большевики опять хотят посадить чехов словакам на шею». Эта пропаганда частично действовала. В политдонесении также отмечается, что «отдельные лица из числа словаков в разговорах заявляли, что готовы сотрудничать с Красной Армией в освобождении Словакии, а до Чехии им дела нет, пусть чехи и моравы сами решают свои дела». В партизанской бригаде таких настроений не было.

В начале 1945 года, как отмечает Д.Б. Мурзин, советские войска «вошли в Пруссию, Польшу, Венгрию – обтекали Чехословакию с двух сторон» [3, с. 159]. В этот период деятельность партизанской бригады приобретает особый размах, в ее рядах насчитывается более тысячи человек.

¹⁴ К юбилею Великой Победы: история «Черного генерала» из Башкирии Даяна Мурзина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ufa.kp.ru/daily/27101.7/4174659/> (дата обращения: 12.04.2020).

¹⁵ Официальный сайт Министерства обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://bratislava75.mil.ru/> (дата обращения: 03.04.2020).

За период с октября 1944 по май 1945 года интернациональной партизанской бригадой имени Яна Жижки было подорвано 60 железнодорожных составов и 86 мостов, захвачен в Моравии вражеский аэродром с 18 боевыми самолетами, подбито 19 танков, более 200 автомашин, уничтожено свыше 4 тыс. фашистских солдат и офицеров, проведено более 100 других операций. Были захвачены в плен командир 16-й танковой дивизии генерал фон Мюллер и предатель Власов.

Гитлер направил в Чехию Отто Скорцени, недавно получившего Железный крест с дубовыми листьями за спасение итальянского диктатора Бенито Муссолини [3, с. 169]. Даян Мурзин был объявлен личным врагом фюрера, за его поимку живым была обещана награда 2 миллиона рейхсмарок, а за мертвого – миллион рейхсмарок ¹⁶.

Карательная операция фашистов не удалась. Партизаны, разбившись на мелкие группы, и в этот раз без потерь выскользнули за пределы кольца, созданного десятитысячным карательным отрядом фашистов. К сожалению, только отряд Костина, поздно получивший сообщение, погиб в полном составе в неравном бою [3, с. 170].

Как вспоминал Даян Мурзин, в конце апреля 1945 года партизаны, установив контакт с бойцами генерала Свободы, в совместном бою занимают город Фриштак и тем самым перекрывают путь к Праге отступающим немцам [3, с. 179]. 1 мая 1945 года партизанская бригада имени Яна Жижки совместно с дивизией генерал-майора Т.Ф. Уманского освободила город Злин.

Великую Отечественную войну Даян Мурзин закончил 9 мая 1945 года. После войны он работал в отделе народного образования Бакалинского района Башкирии, затем после окончания Казанской юридической школы и Всесоюзного юридического заочного института работал в органах прокуратуры. С 1961 по 1962 годы был заместителем министра внутренних дел БАССР по кадрам. В 1962–1969 годах – вновь в прокуратуре Башкирской АССР. С 1969 по 1986 годы – председатель Башкирской республиканской коллегии адвокатов, с 1987 по 1990 годы – директор Музея интернациональной дружбы в Уфе.

С 1989 года как член президиума Совета ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов Республики Башкортостан активно занимался патриотическим воспитанием.

Даян Баянович Мурзин награжден 86 орденами и медалями, в том числе двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звез-

¹⁶ К юбилею Великой Победы: история «Черного генерала» из Башкирии Даяна Мурзина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ufa.kp.ru/daily/27101.7/4174659/> (дата обращения: 12.04.2020).

ды, орденом Отечественной войны 1-й степени, медалью «Партизану Великой Отечественной войны» 1-й степени. Народ Чехословакии не забыл героизм «русского татарина» Даяна Мурзина. Он Герой Чехословакии, кавалер всех высших орденов этой страны, почетный гражданин 16 городов Чехии, Словакии и Моравии, его именем названы улица и площадь в Злине и воздвигнут памятник. После войны Д.Б. Мурзин по приглашению руководства братской страны 22 раза посещал Чехословакию.

В последний раз Даян Баянович посетил Братиславу 24 февраля 2005 года в составе делегации Российской Федерации. Здесь состоялись переговоры президентов России и США. Встреча совпала с празднованием 60-летнего юбилея освобождения Словакии от фашистских захватчиков, и Президент России Владимир Владимирович Путин пригласил на юбилей трех ветеранов-освободителей, в том числе Даяна Баяновича Мурзина.

Даян Баянович был скромным человеком, его героическая судьба стала достоянием широкой российской и мировой общественности только в начале XXI века, поводом этому послужил документальный фильм «Черный генерал. Даян Мурзин – личный враг Гитлера», показанный телеканалом «Россия» в 2003 году, в 2005 году республиканское издательство «Китап» опубликовало его воспоминания «Фронт в тылу врага», а в 2007 году была опубликована повесть Генриха Гофмана «Черный генерал». Неоднократные обращения с просьбой о присвоении Даяну Баяновичу Мурзину звания «Герой России», к сожалению, не поддержаны.

Наш легендарный земляк Даян Баянович Мурзин прожил достойную жизнь и умер 10 февраля 2012 года в городе Уфе. День прощания был очень морозным, но было многолюдно – республика прощалась со своим Героем. Никто не забыт, ничто не забыто...

Библиографические ссылки

1. Асмолов А.Н. Фронт в тылу вермахта. М. : Политиздат, 1983.
2. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления : в 3 т. Т. 3. 12-е издание. М. : АО «Издательство "Новости"», 1995.
3. Мурзин Д.Б. Фронт в тылу врага. Уфа : Китап, 2005.
4. Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии. 1939–1945. Исторический очерк. М. : Наука, 1982.

Дата поступления: 30.04.2020

**IN MEMORY OF THE LEGENDARY COUNTRYMAN
DAYAN MURZIN**

NIGMATULLIN Richat Vahidovich

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law and International Relations of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: nigm2004@mail.ru

In our country, 2020 has been declared the Year of Memory and Glory by a decree of the President of the Russian Federation Vladimir Vladimirovich Putin. More than 25 million citizens of our country gave their lives for the Victory. The Republic of Bashkortostan made a significant contribution to the victory over fascist Germany. The names of such heroes of the Great Patriotic War as Minigali Shaimuratov, Musa Gareev, Tagir Kusimov, Dayan Murzin, Alexander Matrosov and Minigali Gubaidullin became known outside the republic and country. The article is devoted to the combat path of Dayan Bayanovich Murzin, who was an active participant in the guerrilla movement and the Resistance Movement in Czechoslovakia, the hero of Czechoslovakia. The assistance of the Red Army to the Slovak popular uprising is examined, the role of the Soviet Union in the organization of the Resistance Movement in Eastern Europe is shown.

Key words: Great Patriotic War; Bashkortostan; Ufa; Dayan Bayanovich Murzin; guerrilla movement; Resistance Movement; Comintern; Czechoslovakia.

References

1. Asmolov A.N. Front v tylu vermakhta (Front in the rear of the Wehrmacht), Moscow, Politizdat, 1983.
2. Zhukov G.K. Vospominaniya i razmyshleniya (Memories and Reflections), V 3 t. T. 3. 12-ye izdaniye, Moscow, AO «Izdatel'stvo "Novosti"», 1995.
3. Murzin D.B. Front v tylu vraga (The front is behind enemy lines), Ufa, Kitap, 2005.
4. Samsonov A.M. Krakh fashistskoy agressii. 1939–1945. Istoricheskiy ocherk (The collapse of the fascist aggression. 1939-1945. Historical sketch), Moscow, Nauka, 1982.

Received: 30.04.2020

ПЕРСОНАЛИИ
PERSONALIA

УДК 347.6

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.21

**АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БАРКОВ: САМОБЫТНЫЙ
УЧЕНЫЙ, ТАЛАНТЛИВЫЙ ПЕДАГОГ И УЧИТЕЛЬ,
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОЛЛЕГА
(К 60-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ А.В. БАРКОВА)**

ЛЕВУШКИН Анатолий Николаевич

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного областного университета, г. Москва, Россия. E-mail: lewuskin@mail.ru

АЛБОРОВ Сулико Викторович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права Московского государственного областного университета, г. Москва, Россия. E-mail: alborov.asp@mail.ru

В статье сформулированы некоторые рассуждения об Алексее Владимировиче Баркове как самобытном ученом, педагоге, профессиональном коллеге, грамотном специалисте в сфере социального предпринимательства, который внес значительный вклад в развитие доктрины предпринимательского права, в частности теории социально ориентированного предпринимательства. Цель: научно-практическое осмысление многолетних трудов Алексея Владимировича Баркова, посвященных социальному предпринимательству в России. Методологической базой настоящей статьи выступили общенаучные методы познания правовых явлений такие как синтез, метод аналогии, формальной логики, дедукции и другие. Результаты: отмечается высокая теоретическая и практическая значимость научных достижений Алексея Владимировича Баркова для частного и предпринимательского права. Подчеркивается неоценимый новаторский и смелый вклад в развитие и совершенствование отечественной цивилистической науки и правоприменительной реализации норм.

Ключевые слова: А.В. Барков; предпринимательская деятельность; ученый; педагог; наука предпринимательского права.

В юбилейный 2020 год для талантливого и самобытного ученого – Алексея Владимировича, конечно, необходимо подчеркнуть многочисленность научно-исследовательских работ уважаемого профессора. Нель-

зя не указать яркий и неповторимый стиль изложения материала в его доктринальных исследованиях. Безусловно, профессора А.В. Баркова мы знаем как профессионального энергичного юриста, оригинального ученого, квалифицированного педагога, получившего признание в среде научного сообщества, представителей цивилистических школ и специалистов по предпринимательскому праву как в России, так и за рубежом. Значительный вклад в развитие науки предпринимательского права, должный профессионализм и уровень юридической грамотности, широта души юбиляра создают предпосылки высказать весьма хвалебные речи в адрес многоуважаемого ученого, педагога и практика.

В настоящее время проявляется общемировая тенденции, имеющая место и в России, – социализация экономических процессов, предпринимательской деятельности и законодательного регулирования. Алексей Владимирович справедливо утверждает, что в современной действительности очевиден разрыв между провозглашенными и закрепленными в различных законодательных актах социальными обязательствами государства и его реальными (в первую очередь финансовыми) возможностями. В результате этого разрыва государство, к сожалению, выполняет далеко не все принятые на себя социальные обязательства. В качестве решения этой проблемы автор предлагает оригинальную правовую конструкцию социального сопровождения, научно-теоретическая база которой содержится в его авторской концепции правового регулирования рынка социальных услуг [3].

Центральной идеей множества научных трудов А.В. Баркова является именно многогранная и необъятная проблематика социально ориентированного предпринимательства. Если «мировым пионером» в области изучения социального предпринимательства Алексей Владимирович называет Грегори Диза [4], то мы думаем, без ложного преувеличения, что «отечественным пионером» в области изучения семейного предпринимательства можно смело называть Алексея Владимировича Баркова.

Отметим, что социальная, морально-этическая составляющая особенно характерна для регулирования семейных отношений, но также реализуется и в других направлениях цивилистических исследований и законодательстве. «В настоящее время существует объективная потребность в разработке и обосновании новых направлений совершенствования системы законодательства Российской Федерации, исходя из целей государственной семейной политики и имеющегося социально-правового потенциала» [6].

Во многих развитых зарубежных правовых порядках с рыночной экономикой социальное предпринимательство обычно занимает ведущее место в количественном исчислении всей совокупности различных видов бизнеса. Вместе с тем семейное предпринимательство как разновидность социального предпринимательства является не самой востребованной

формой ведения предпринимательской деятельности, однако уже сложившейся в современных реалиях российского семейного бизнеса [7]. Действительно, социальное предпринимательство, безусловно, выступает важным направлением развития предпринимательского законодательства.

Авторский и целеустремленный подход юбиляра к исследованию предпринимательских отношений неизбежно приводил (и будет приводить) к значимости и невероятной ценности результатов его исследований. При этом предлагаемые им решения выявленных проблем порой являются нестандартными, но в тоже время невероятно изящными и ценными для юридической науки и практики.

В развитие идей Алексея Владимировича необходимо указать, что в настоящее время в период сложной кризисной ситуации в экономике и социальных условиях, пандемии и распространения коронавируса (COVID-19) социальное предпринимательство, как представляется, могло бы реализовать оздоравливающее воздействие на экономико-социальную обстановку в российском обществе. Известно, что социальное предпринимательство является определенным направлением развития государственной социальной политики, закреплённой на законодательном уровне.

Особенно отметим, что в вопросе легализации социального предпринимательства в России необходимо действовать осторожно и поступательно, основываясь на анализе богатого зарубежного опыта в этом вопросе. Во время анализа отдельных зарубежных законодательных актов и судебных прецедентов можно увидеть, что центральной идеей в большинстве законов является четко выстроенная, логическая смысловая последовательность понятий «социальное государство – социальная и солидарная экономика – социальное предпринимательство». Такая особенность является реальным проявлением конституционного принципа социального государства, нашедшего свое выражение в социальном предпринимательстве. Представляется, что похожая идея должна быть заложена и в отечественном законодательстве о социальном предпринимательстве.

В одной из своих многочисленных научных работ А.В. Барков справедливо указывает, что социальное предпринимательство зарекомендовало себя с положительной стороны в зарубежных правовых порядках при решении различных социальных проблем в обществе и государстве. Соответственно, так как статья 7 Конституции РФ провозглашает Россию социальным государством, то в целях гарантирования достойного уровня жизни граждан России необходимо активно использовать различные доступные антикризисные механизмы, включая социальное предпринимательство [2]. Действительно, необходимо обратить внимание, что посредством данного направления предпринимательской деятельности могли быть решены многие проблемы социально-экономического характера. Конечно, для эффективной реализации мер социальной защиты необхо-

димо пристальное изучение правового регулирования социально ориентированного предпринимательства в зарубежных государствах и заимствование положительного опыта в российскую правовую систему.

В рамках своих научных интересов Алексей Владимирович не обошел стороной Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" в части закрепления понятий "социальное предпринимательство", "социальное предприятие"» и подверг его обоснованной критике, резюмировав, что он нуждается в принципиальной переработке, начиная с корректировки заложенного подхода к способам легализации социального предпринимательства в России. Законопроект не учитывал зарубежный опыт в этом вопросе и был узковедомственным, что не позволяло в должной мере внедрить социальное предпринимательство в правовое поле России [2].

В Российской Федерации вопрос о необходимости легализации социального предпринимательства на различных уровнях многократно обсуждался, том числе Президент РФ ставил этот вопрос на различных мероприятиях государственного масштаба. По мнению Я.С. Гришиной, полноценное внедрение социального предпринимательства в правовое поле России возможно путем принятия специализированного федерального закона [5].

Развивая затронутую Я.С. Гришиной проблематику, профессор А.В. Барков отмечает, что выбор критериев для определения субъектов социального предпринимательства является ключевой проблемой в вопросе разработки и внедрения специального правового регулирования социального предпринимательства в России. В случае отсутствия сбалансированных и справедливых критериев субъекта социального предпринимательства существование специального закона представляется бессмысленным.

Алексей Владимирович уделил особое внимание Федеральному закону о государственно-частном партнерстве, так как развитые зарубежные правовые порядки инкорпорируют различные модели государственного частного партнерства в более глобальную модель социального предпринимательства, направленного на решение обширного круга остросоциальных проблем общества и государства.

Государственно-частное партнерство позволяет обеспечить взаимодействие трех субъектов при решении социально ориентированных задач – государства, которое желает и стремится достичь определенных социально значимых целей; бизнеса, который принял на себя определенную социальную ответственность; социально-ориентированных предпринимателей. Другими словами, можно утверждать, что государственно-частное партнерство является частным случаем социально ориентированного предпринимательства.

Безусловно, профессор А.В. Барков вносит неоценимый вклад в развитие доктрины предпринимательского права, определяя основные проблемные аспекты правового регулирования социально ориентированного предпринимательства. Алексей Владимирович на страницах периодической печати подробно анализирует процесс совершенствования российского законодательства в сфере частноправового регулирования с учетом мер государственного социального воздействия по мере поступательного развития нашего общества, предлагая пути модернизации предпринимательских отношений с учетом социальной направленности правового регулирования [1].

Современные тенденции развития социального предпринимательства в России и в мире, а также пути совершенствования отечественного законодательства, направленные на обособление и возникновение новых отраслевых институтов и подотраслей, модернизация структуры социально ориентированного законодательства свидетельствуют о трансформации всей социальной правовой системы. Проявляется тенденция пересечения предметов предпринимательского и семейного права. Профессор Ю.Г. Лескова небезосновательно указывает на необходимость расширения предпринимательских и потребительских отношений, следует сбалансировать особые механизмы деятельности предпринимателей [8]. Полагаем, что такой баланс указанных отношений достаточно отчетливо проявляется в сфере социального предпринимательства и семейного бизнеса, где тесно взаимосвязаны предпринимательские, корпоративные, семейные, трудовые, потребительские, социально-правовые отношения.

Действительно, изучение феномена социального и семейного предпринимательства в цивилистической парадигме находится на стыке многих наук. Есть все основания предполагать, что семейное предпринимательство должно получить развитие не только в цивилистической доктрине, но и в контексте развития социального предпринимательства в современном экономическом обороте нашей страны.

Говоря об Алексее Владимировиче, невозможно обойти стороной его работу в качестве преподавателя и наставника. Один из соавторов настоящей статьи с гордостью может заявить, что, будучи студентом, был удостоен чести посещать лекции юбиляра, который всегда с радостью делился своими знаниями и опытом со своими студентами. Его лекции всегда отличались высокой актуальностью, содержательностью и большим обилием живых примеров, которые помогали легко усваивать преподаваемый материал. Алексей Владимирович всегда был открыт для дискуссий со своими студентами, отчасти именно эти дискуссии позволили многим студентам и аспирантам окончательно сформировать и утвердить свое желание встать на непростую тропу ученого-юриста.

Полагаем, что юбиляр «живет» в науке в различных ипостасях: во-первых, как самобытный, авторитетный ученый; во-вторых, как талантливый педагог и учитель; в-третьих, как профессиональный коллега, грамотный теоретик и юрист-практик.

Следует особо подчеркнуть, что многоуважаемый профессор А.В. Барков заслужил признание и в профессиональных сообществах практикующих юристов – адвокатов, прокуроров, судей, нотариусов. В качестве отдельно подведенных итогов многолетней научной и практической деятельности Алексея Владимировича следует высоко оценить его правоприменительную практику. Многолетние научные труды юбиляра нуждаются в скрупулезном и тщательном изучении, освоении и внедрении в современное законодательство, а в некоторых отдельных вопросах, как и любое оригинальное научное исследование, – критического анализа.

Неоспоримо, что Алексей Владимирович Барков является ярким неповторимым ученым и чувственным человеком, надежным другом с широкой душой и добрым сердцем. Желаем многоуважаемому профессору доброго здоровья, дальнейших творческих и научных достижений, осуществления его жизненных планов и реализации намеченных целей и задач в семейной жизни и профессиональной карьере!

Библиографические ссылки

1. Барков А.В., Емельянова В.Д. Правовое обеспечение оценки степени социально-экологической полезности миссия-ориентированных корпораций // Гражданское право. 2020. № 2. С. 8–11.
2. Барков А.В., Гришина Я.С. Критический анализ российского правотворческого подхода к легализации социального предпринимательства // Гражданское право. 2019. № 2. С. 3–5.
3. Барков А.В. Рынок социальных услуг: проблемы правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.
4. Барков А.В., Серова О.А. Государственно-частное партнерство на рынке социальных услуг в свете развития социального предпринимательства: проблемы гармонизации правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 3 (33). С. 268–280.
5. Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.
6. Левушкин А.Н. Направления совершенствования Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 55–57.
7. Левушкин А.Н. Гражданско-правовое регулирование и развитие семейного предпринимательства как вида социального предпринимательства в Российской Федерации // Гражданское право. 2019. № 2. С. 6–10.

8. Лескова Ю.Г. Саморегулируемая организация как правовая модель внедрения и развития социального предпринимательства // Юрист. 2013. № 11. С. 13–17.

Дата поступления: 22.06.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.21

**ALEXEY VLADIMIROVICH BARKOV: ORIGINAL SCIENTIST,
TALENTED EDUCATOR AND TEACHER, PROFESSIONAL
COLLEAGUE (TO THE 60TH ANNIVERSARY OF A.V. BARKOV)**

LEVUSHKIN Anatoliy Nikolaevich

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law, Moscow Region State University, Moscow, Russia. E-mail: lewuskin@mail.ru

ALBOROV Suliko Viktorovich

Candidate of Sciences (Law), Senior Instructor of the Department of Civil Law, Moscow Region State University, Moscow, Russia.

E-mail: alborov.asp@mail.ru

The article formulates some reasoning about Alexey Vladimirovich Barkov as an original scientist, teacher, professional colleague, competent specialist in the field of social entrepreneurship, who made a significant contribution to the development of the doctrine of business law, in particular, the theory of socially oriented entrepreneurship. Purpose: scientific and practical understanding of Alexei Vladimirovich Barkov's years of work, dedicated to social entrepreneurship in Russia. The methodological basis of this article is general scientific methods of cognition of legal phenomena, such as synthesis, the method of analogy, formal logic, deduction, and others. Results: The authors note the high theoretical and practical significance of Alexei Vladimirovich Barkov's scientific achievements for private law and business law. The authors emphasize the invaluable, innovative and bold contribution to the development and improvement of national civil science and the law enforcement implementation of norms.

Key words: A.V. Barkov, business activity, scientist, teacher, science of business law.

References

1. Barkov A.V., Yemel'yanova V.D. Pravovoye obespecheniye otsenki stepeni sotsial'no-ekologicheskoy poleznosti missiya-oriyentirovannykh korporatsiy (Legal support for assessing the degree of social and environmental usefulness of mission-oriented corporations), *Grazhdanskoye pravo*, 2020, No. 2, pp. 8–11.
2. Barkov A.V., Grishina Ya.S. Kriticheskiy analiz rossiyskogo pravotvorcheskogo podkhoda k legalizatsii sotsial'nogo predprinimatel'stva (Critical

analysis of the Russian law-making approach to the legalization of social entrepreneurship), *Grazhdanskoye pravo*, 2019, No. 2, pp. 3–5.

3. Barkov A.V. Rynok sotsial'nykh uslug: problemy pravovogo regulirovaniya (The market of social services: problems of legal regulation), avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Moscow, 2008.

4. Barkov A.V., Serova O.A. Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo na rynke sotsial'nykh uslug v svete razvitiya sotsial'nogo predprinimatel'stva: problemy garmonizatsii pravovogo regulirovaniya (Public-private partnership in the market of social services in the light of the development of social entrepreneurship: problems of harmonization of legal regulation), *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki*, 2016, No. 3 (33), pp. 268–280.

5. Grishina YA.S. Kontseptual'naya model' pravovogo obespecheniya rossiyskogo sotsial'nogo predprinimatel'stva (Conceptual model of legal support of Russian social entrepreneurship), dis. ... d-ra yurid. nauk. Moscow, 2016.

6. Levushkin A.N. Napravleniya sovershenstvovaniya Semeynogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (Directions for improving the Family Code of the Russian Federation), *Semeynoye i zhilishchnoye pravo*, 2018, No 1, pp. 55–57.

7. Levushkin A.N. Grazhdansko-pravovoye regulirovaniye i razvitiye semeynogo predprinimatel'stva kak vida sotsial'nogo predprinimatel'stva v Rossiyskoy Federatsii (Civil law regulation and development of family entrepreneurship as a type of social entrepreneurship in the Russian Federation), *Grazhdanskoye pravo*, 2019, No. 2, pp. 6–10.

8. Leskova Yu.G. Samoreguliruyemaya organizatsiya kak pravovaya model' vnedreniya i razvitiya sotsial'nogo predprinimatel'stva (Self-regulatory organization as a legal model for the implementation and development of social entrepreneurship), *Yurist*, 2013, No. 11, pp. 13–17.

Received: 22.06.2020

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

УДК 343.132

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.22

В ЕДИНОМ ПОНИМАНИИ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Председатель Следственного комитета Российской Федерации

А.И. Бастрыкин и его соавторы выпустили значимую книгу по оперативно-розыскной деятельности. См.: Оперативно-розыскная деятельность. Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону / А.И. Бастрыкин, В.М. Егоршин, С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, И.Н. Кондрат, Д.В. Ривман, В.П. Сальников, А.Г. Хабибулин, А.В. Шахматов ; под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М. : Юрлитинформ, 2020

АНТОНОВ Игорь Алексеевич

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, г. Москва, Россия. E-mail: docantonov@yandex.ru

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия. E-mail: galievfarkhat@mail.ru

Рецензируется комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», подготовленный авторитетными учеными и практиками. Рецензенты приходят к выводу о значимости и полезности выпущенной книги как практическим работникам (оперативникам, следователям, судьям, прокурорам), так и широким слоям населения. Приводятся конкретные положения, показывающие, чем рецензируемый комментарий глубже и качественней аналогичных работ.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; комментарий; оперативно-розыскные мероприятия; законность.

Статус оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в российском обществе за последнее двадцатилетие значительно вырос. Это связано со многими причинами, в первую очередь политическими и социально-экономическими. Действительно, чтобы население России чувствовало

себя спокойным и защищенным, видело реальное обеспечение своих прав, необходимо, чтобы эффективно работала правоохранительная система. И сейчас не только специалистам, но и обывателям стало очевидно, что работу суда, прокуратуры, следствия обеспечивают, а подчас и направляют, органы, осуществляющие ОРД. От них зависят раскрытия преступлений, борьба с коррупцией, обеспечение режима законности на всех уровнях: от рабочего до министра. Как отметили С.И. Захарцев и В.П. Сальников, в любом государстве работа оперативных подразделений всегда пронизывает все общество. Эта цитата разлетелась афоризмом по всему миру [35].

Конечно, такая деятельность, особенно полномочия субъектов ОРД, должна строиться на законодательной основе. Оперативно-розыскное законодательство появилось в России в 1992 году. В 1995 году был принят ныне действующий Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). За истекшие двадцать пять лет в него внесли ровно 30 поправок. Хороший ли это закон? Полный ли? Правильно ли понимаемый как специалистами, так и широкими слоями населения? Ответы на эти и другие вопросы даны в недавно вышедшем комментарии к указанному Федеральному закону под редакцией председателя Следственного комитета РФ, доктора юридических наук, профессора А.И. Бастрыкина [27].

А.И. Бастрыкин, крупный ученый и серьезнейший практик, возможно, как никто другой понимает важность разъяснения всех положений Закона об ОРД. Ведь именно на нем базируется доверие к органам следствия, особенно в части расследования серьезных уголовных дел. Кроме того, формируется нормальное отношение к прокуратуре и суду, понимание справедливости и объективности их решений, а в целом, уважение к государственной власти. Последние события в мире – взять хоть кризис в США, хоть волнения в соседних Украине и Белоруссии – более чем наглядно показали важность наличия уважения и доверия к органам государства. Видимо, поэтому, несмотря на занятость, А.И. Бастрыкин решил организовать выпуск именно комментария к Закону об ОРД. Более того, лично сформировать авторский коллектив и принять непосредственное участие в написании книги.

Собственно, А.И. Бастрыкин является известным ученым, специализирующимся как раз на вопросах розыска, дознания, следствия, криминалистики [2; 23; 29]. Например, его книга «Розыск, дознание, следствие», выпущенная совместно с выдающимся криминалистом И.Ф. Крыловым еще в 1984 году, надолго стала буквально бестселлером для практических работников [24] и выдержала десятки изданий.

Чем рецензируемый комментарий принципиально отличается от остальных?

Во-первых, глубиной. Все имеющиеся в Законе об ОРД пробелы и проблемы тщательно разобраны. На этой основе ученые четко и точно формулируют свои выводы. Причем выстроенная авторами система доказательств основывается на глубоком знании вопроса и тесной связи теоретических аспектов с практикой.

Во-вторых, широким юридическим кругозором. Ведь ОРД, как уже отмечалось, пронизывает все сферы общества и, соответственно, затрагивает практически все отрасли права. Это и конституционное право, регулирующее государственное устройство Российской Федерации, провозглашающее его суверенитет и, одновременно, обязывающее соблюдать права человека и гражданина, международное право, на основе которого осуществляется взаимодействие с полицией и спецслужбами иностранных государств, и, само собой, уголовное, уголовно-процессуальное, административное, гражданское право и т. д.

В-третьих, богатым списком научно-практических источников. Современные комментарии редко содержат внушительный список литературы и совсем редко эта литература реально использовалась. В данном случае коллектив специалистов не просто изучил практически весь массив имеющихся публикаций, но и широко использовал его для написания, выводов, объективных оценок [27, с. 179–272]. Например, действительно стыдно за то, что часть исследователей, пишущих про оперативно-розыскное законодательство, пытались обосновать допустимость использования незаконно полученных результатов ОРД в уголовном процессе, более того – в доказывании [20; 34].

В-четвертых, в комментарии детально проработан процесс представления результатов ОРД органам следствия [27, с. 91–126]. Собственно, А.И. Бастрыкин, наверное, более всех заинтересован в четкой, единой и понятной процедуре как представления результатов ОРД в уголовное судопроизводство, так и их дальнейшего использования. В других комментариях и учебниках эти вопросы были освещены или недостаточно подробно, или, как отмечалось, содержали призывы к признанию незаконных действий допустимыми.

Из изложенного следует пятое отличие. В комментарии на высшем уровне рассмотрен процесс прокурорского надзора за деятельностью оперативных подразделений, приведена методика надзора [27, с. 162–177]. Прокурорский надзор объективно улучшает качество работы оперативных подразделений и, кроме того, повышает доверие к результатам их работы. Детальное рассмотрение прокурорского надзора важно и потому, что в Законе об ОРД полномочия прокурора регламентированы куцо, излишне обобщенно. Фактически полномочия прокурора по надзору за ОРД регулируются приказами Генерального прокурора РФ, что, конечно, не верно. Полномочия прокурора по надзору за такой специфичной деятель-

ностью, как ОРД, права прокурора, обязанности, ответственность, пределы надзора должны быть четко закреплены именно на законодательном уровне. В Закон об ОРД необходимо внести дополнительные статьи, четко регламентирующие статус прокурора по надзору за ОРД. Пока требуемые дополнения не внесены, что делает рецензируемый комментарий практически настольной книгой для прокуроров и сотрудников оперативных подразделений.

Будем объективны, далеко не все оперативные сотрудники нацелены на строгое соблюдение закона. Им потворствуют и некоторые научные работники. Так, буквально недавно В.Ф. Луговик в научной статье поставил, казалось бы, очевидный вопрос о том, «...могут ли быть предметом прокурорского внимания вопросы соблюдения должностными лицами оперативных подразделений полиции требований ведомственных нормативных правовых актов МВД России? Так, в протестах и представлениях прокурора часто можно встретить указания о нарушении или невыполнении какого-либо пункта ведомственного приказа». С такими протестами и представлениями прокурора В.Ф. Луговик почему-то не согласился. А далее вообще попытался оспорить полномочия прокурора по надзору за законностью ведомственных нормативно-правовых актов МВД, касающихся оперативно-розыскной деятельности [25, с. 45]. Интересно, изменилась бы точка зрения В.Ф. Луговика, если бы был издан ведомственный приказ о совершении преступных действий в отношении него самого и его родных? И куда бы он обратился по обжалованию этого приказа?

Прокуратура осуществляет надзор за соблюдением законов в Российской Федерации. Но совершенно нелепо предполагать, что прокурорский надзор ограничивается узкими формулировками закона и не касается подзаконных нормативно-правовых актов. Мы уверены, что В.Ф. Луговик это знает, но не понимаем, зачем он пытается обосновать обратное.

Важным отличием, которое мы тоже особо выделяем, стало подробное разъяснение принципов ОРД. Дело в том, что в статье 3 Закона об ОРД указаны всего лишь четыре принципа:

- законности;
- уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина;
- конспирации;
- сочетания гласных и негласных методов и средств.

Вместе с тем очевидно, что у ОРД принципов значительно больше. Однако далеко не все исследователи рассматривают те принципы, которые не указаны в законе. Кто-то вообще делает вид, что других принципов в ОРД нет.

Авторы рецензируемого комментария пошли по другому пути. Они постарались рассмотреть все известные принципы ОРД, добавив к пере-

численным принципами гуманизма, деидеологизации, вневедомственного контроля, всесторонности, объективности и др. [27, с. 13–17]. Такой подход авторов ярко показывает их высокую юридическую образованность.

И наконец, в-седьмых, главное. В рецензируемом комментарии на высочайшем уровне рассмотрена правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий [27, с. 34–130].

В книге проводится подробное исследование феномена под названием «оперативно-розыскное мероприятие», тщательно анализируются его отличительные признаки. Это позволило сформулировать понятие этого феномена, обосновать важность его единого понимания.

На базе сформулированного понятия авторами тщательно изучены основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий. В результате такой работы в Законе об ОРД выявлено несколько принципиальных упущений правового регулирования ОРД. Благодаря этому получилось не только лучше, глубже, точнее осознать сами мероприятия, но и обосновать их оптимальную законодательную регламентацию. Конкретные предложения по совершенствованию Закона об ОРД в комментарии имеются.

В книге даны четкие понятия всех оперативно-розыскных мероприятий, в том числе недавно введенного – «получение компьютерной информации». Кстати сказать, некоторые авторы комментария принимали активное участие в обосновании официального включения получения компьютерной информации в предусмотренный Законом об ОРД перечень оперативно-розыскных мероприятий. Практические работники за это очень благодарны. Благодарны и обычные люди, поскольку своевременное получение компьютерной информации позволит раскрывать и предупреждать преступления, вовремя ловить преступников, защищать людей.

В комментарии обоснована необходимость включения в Закон об ОРД еще четырех оперативно-розыскных мероприятий: засады, захвата, применения полиграфа, тарификации соединений. Авторы, собственно, многократно обосновывали, что эти действия являются оперативно-розыскными мероприятиями и их необходимо включить в Закон об ОРД [18, с. 251; 19, с. 212–213]. Хотя не возникает сомнений в том, что эти действия, во-первых, объективно существуют, а во-вторых, давно применяются органами, осуществляющими ОРД (например, засада известна не одно столетие). С ними, в принципе, никто не спорил, однако в закон они до сих пор не включены. Вместе с тем правильная регламентация указанных действий в Законе об ОРД даст оперативникам новые возможности, следователи смогут использовать результаты некоторых из них в доказывании и т. д. [27, с. 53–54].

Прочитавшие комментарий специалисты дают ему только высшую оценку. Книга написана настолько глубоко, точно, понятно и профессионально, что вскоре заменит большую часть учебников по ОРД.

В чем причина подготовки столь солидной работы? Нам кажется, что основная причина заключается в авторском коллективе. А.И. Бастрыкин тщательно подошел к его подбору и пригласил сильнейших специалистов. Практически все авторы – серьезные практические работники, занимавшие высокие должности в субъектах ОРД, органах прокуратуры, следствия, отвечавшие за подготовку кадров. Посмотрим сами: из девяти авторов один генерал армии, два генерал-полковника, два генерал-лейтенанта, остальные генерал-майоры и полковники. При этом каждый является крупным ученым, авторитетным и широко цитируемым специалистом. Достаточно сказать, что восемь из девяти авторов доктора наук. Такого сильного авторского коллектива ни один из ранее вышедших комментариев не имел. В результате получилась фундаментальная книга, которая, несомненно, значительно весомее предыдущих аналогичных работ.

Среди авторов, помимо А.И. Бастрыкина, мы особенно хотим выделить В.П. Сальникова и С.И. Захарцева.

В.П. Сальников является признанным выдающимся ученым и организатором науки. Именно благодаря его инициативе и настойчивости в 1999 году вышел первый открытый учебник по ОРД. Это, напомним, произошло спустя всего четыре года после принятия Закона об ОРД. Ранее о том, чтобы правовую регламентацию ОРД изучать в открытом виде, причем честно, базируясь на законности, а не на секретных приказах, никто даже не помышлял. В.П. Сальников как бывший оперативник хорошо понимал, что в основе любых действий государственных органов (в первую очередь оперативно-розыскных подразделений, следствия, прокуратуры, суда) должна быть законность, соблюдение прав человека, справедливость. И чем четче и понятнее будут требования закона, тем будет лучше для всех. Речь, конечно, не шла о раскрытии служебных тайн, тактике работы спецслужб. Речь шла именно о законности и точном понимании прав и обязанностей как сотрудниками государственных органов правопорядка, так и обычными гражданами. Люди постарше помнят, как в Советском Союзе шепотом обсуждалась возможность органов госбезопасности прослушивать телефоны. Но ведь проблема не в возможности прослушивания, а в том, чтобы люди, во-первых, были защищены от преступников, во-вторых, сами не совершали преступлений и – главное! – четко знали пределы полномочий и возможностей оперативных подразделений. Эти вопросы были хорошо разъяснены в первом учебнике по ОРД, выпущенном в возглавляемом В.П. Сальниковым Санкт-Петербургском университете МВД России. В.П. Сальникова поддержал С.В. Степашин, в то время министр внутренних дел, под редакцией которого указанный учебник вышел

в свет [28]. В последующем учебник неоднократно переиздавался под редакцией другого министра – В.Б. Рушайло.

С названного времени В.П. Сальников активно пишет об оперативно-розыскной науке как лично, так и в соавторстве с одним из своих наиболее ярких учеников С.И. Захарцевым. С.И. Захарцев служил в органах ФСБ. Без отрыва от основной работы защитил вначале кандидатскую, а затем (в возрасте 28 лет, самым молодым в России!) и докторскую диссертацию по ОРД [6; 7]. Ему удалось поднять науку ОРД на философский уровень, разъяснить, что диалектика находится в основе дальнейшего развития юридических наук, в том числе и методологии ОРД, на качественно новом фундаментальном уровне обосновать наличие оперативно-розыскного права, разработать теорию оперативно-розыскных мероприятий как открытую частную теорию науки ОРД [3; 5; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17].

Проведенная С.И. Захарцевым работа помогла выявить упущения в российском законодательстве. Ученым сформулированы конкретные предложения по качественному улучшению правовой регламентации, которые постепенно реализуются. С.И. Захарцев первым в науке ОРД системно показал, насколько опасны рассуждения о возможности использования незаконно полученных результатов ОРД в уголовном процессе. Благодаря его трудам и вскоре после защиты им докторской диссертации в Закон об ОРД специально внесли дополнение: органам (должностным лицам), осуществляющим ОРД, запрещается фальсифицировать результаты ОРД (п. 5 ч. 8 ст. 5).

По данным Российского индекса научного цитирования работы С.И. Захарцева являются самыми цитируемыми и востребованными, заметно обгоняющими любого другого специалиста по ОРД. С.И. Захарцев, без сомнения, сейчас является самым авторитетным ученым в данной науке [4, с. 33]. Фундаментальность взглядов С.И. Захарцева и наличие широкого круга его последователей позволяют утверждать, что его научная школа по ОРД объективно занимает лидирующие позиции [1; 30; 21; 22; 26; 31; 32; 33].

Все без исключения авторы, участвующие в подготовке комментария, заслуживают такой же не менее значимой оценки их научной деятельности, как приведенная.

Многие ученые не раз с тоской говорили о том, что современники стали меньше читать. Приятно, что рецензируемого комментария эта проблема не коснулась. Выпущенный в серьезном юридическом издательстве «Юрлитинформ» он стал быстро раскупаться специалистами. Он, несомненно, будет полезен всем: оперативникам, следователям, прокурорам, судьям, но уверены, что и обычные граждане тоже найдут в комментарии много полезного и важного. Кроме них мы рекомендуем комментарий профессорско-преподавательскому составу юридических вузов, аспирантам, адъюнктам, студентам и слушателям.

Мы же от имени ученых хотим поблагодарить весь авторский коллектив и в первую очередь его руководителя А.И. Бастрыкина за подготовку столь значимой работы.

Библиографические ссылки

1. Антонов И.А., Кондрат И.Н., Числов А.И., Шахматов А.В. Уголовный процесс и ОРД однозначно одинаково правовые науки. О вкладе профессора С.И. Захарцева в становление юридической оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С. 175–184.
2. Бастрыкин А.И. Криминалистика: техника, тактика и методика расследования преступлений : научно-практическое пособие. М. : Ореол, 2008.
3. Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве : монография / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2004.
4. Голубовский В.Ю., Кондрат И.Н., Хабибуллин А.Г., Числов А.И. Вклад профессора С.И. Захарцева в развитие уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной науки // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2 (35). С. 29–36.
5. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (правовой анализ) : монография / Б.М. Евстратиков, С.И. Захарцев, В.Н. Медведев, В.П. Сальников ; под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2005.
6. Захарцев С.И. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности и уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002.
7. Захарцев С.И. Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.
8. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом : монография / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2003.
9. Захарцев С.И. Понятие и виды оперативно-розыскных мероприятий // Известия высших учебных заведений. Сер.: Правоведение. 2003. №. 4 (249). С. 135–139.
10. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия. Общие положения : монография. СПб. : Юридический центр «Пресс», 2004.
11. Захарцев С.И., Медведев В.Н. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы : монография / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2004.
12. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия: теория и практика : монография / под ред. В.П. Сальникова. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2004.

13. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке : монография. СПб. : Фонд «Университет», 2006.
14. Захарцев С.И., Чабукиани О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение : монография. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2010.
15. Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты : монография. СПб. : Издательский Дом С-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2011.
16. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Оперативно-розыскное право // Правовое поле современной экономики. 2013. № 9. С. 187–192.
17. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Новые фантомы оперативно-розыскной деятельности: оперативно-розыскная характеристика и оперативно-розыскной кодекс // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 9. С. 94–101.
18. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке : монография. М. : Норма, 2015.
19. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность : монография / С.И. Захарцев, В.А. Вихров, Ю.Ю. Игнащенко, В.П. Сальников ; под ред. С.И. Захарцева. М. : Граница, 2017.
20. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / отв. ред. А.Ю. Шумилов. М. : Вердикт-1-М, 1997.
21. Кондрат И.Н., Сальников В.П. О научных школах изучения оперативно-розыскной деятельности и месте школы С.И. Захарцева в изучении ОРД // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 2 (25). С. 370–377.
22. Кондрат И.Н., Сальников В.П. О научной школе изучения оперативно-розыскной деятельности профессора С.И. Захарцева // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 2. С. 96–103.
23. Криминалистика : учебник / под ред. А.И. Бастрыкина. М. : Экзамен, 2015.
24. Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984.
25. Луговик В.Ф. Прокурор не всегда прав: судебная практика об ответственности сотрудников оперативных подразделений полиции за невыполнение требований прокурора // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26, № 2 (77). С. 43–48.
26. Маджидзода Д.М., Сальников В.П., Солиев К.Х. Научная школа профессора С.И. Захарцева – ведущая в России школа изучения оперативно-розыскной деятельности // Известия института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. 2016. № 4. С. 153–162.

27. Оперативно-розыскная деятельность: научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону / А.И. Бастрыкин [и др.] ; под ред. А.И. Бастрыкина. М. : Юрлитинформ, 2020.
28. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. С.В. Степашина. СПб. : Лань, 1999.
29. Расследование преступлений: проблемы и пути их решения / под ред. А.И. Бастрыкина. М. : Юнити-Дана, 2014.
30. Поздравляем с 40-летием Сергея Ивановича Захарцева / Ю.Ю. Игнащенко [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 11. С. 17–21.
31. Сальников В.П., Степашин С.В., Числов А.И. История научной школы профессора С.И. Захарцева: от формирования до лидирующих позиций в науке оперативно-розыскной деятельности // Мир политики и социологии. 2016. № 3. С. 155–163.
32. Сальников В.П., Солиев К.Х., Хабибулин А.Г., Числов А.И. Научная школа профессора С.И. Захарцева, или Какой должна быть оперативно-розыскная деятельность // Правовое поле современной экономики. 2016. № 2. С. 139–149.
33. Сальников В.П., Степашин С.В., Кондрат И.Н. Научная школа профессора С.И. Захарцева – взгляд в будущее оперативно-розыскной деятельности // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 3 (45). С. 155–165.
34. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. М. : Инфра-М, 2006.
35. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2018.

Дата поступления: 02.03.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.22

IN A UNIFIED UNDERSTANDING OF SCIENCE AND PRACTICE

Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation

A.I. Bastrykin and his co-authors have published a significant book on law enforcement operations. See: Law Enforcement Operations. Scientific and practical commentary (article-by-article) on the Federal Law /

A.I. Bastrykin, V.M. Egorshin, S.I. Zakhartsev, Yu. Yu. Ignaschenkov, I.N. Kondrat, D.V. Rivman, V.P. Salnikov, A.G. Khabibulin, A.V. Chess; under total. ed. A.I. Bastrykin. M. : Jurlitinform, 2020

ANTONOV Igor Alekseevich

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Management of Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia. E-mail: docantonov@yandex.ru

GALIEV Farit Khatipovich

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: galievfarkhat@mail.ru

The commentary on the Federal Law “On Law Enforcement Operations” prepared by reputable scientists and practitioners is being reviewed. The reviewers conclude that the book is significant and useful both for practical workers (operatives, investigators, judges, prosecutors) and general public. Specific provisions are given that show that the reviewed commentary is deeper and better than similar works.

Key words: law enforcement operations; commentary; operational search activities; legality.

References

1. Antonov I.A., Kondrat I.N., Chislov A.I., Shakhmatov A.V. Ugolovnyy protsess i ORD odnoznachno odinakovo pravovyye nauki. O vklade professora S.I. Zakhartseva v stanovleniye yuridicheskoy operativno-rozysknoy deyatel'nosti (Criminal procedure and law enforcement operations are unambiguously equally legal sciences. On the contribution of Professor S.I. Zakhartsev in the formation of legal operational search activities), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2019, No. 7, pp. 175–184.
2. Bastrykin A.I. Kriminalistika: tekhnika, taktika i metodika rassledovaniya prestupleniy (Forensic science: techniques, tactics and methods of crime investigation), nauchno-prakticheskoye posobiye, Moscow, Oreol, 2008.
3. Vinnichenko N.A., Zakhartsev S.I., Rokhlin V.I. Pravovaya reglamentatsiya ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti v ugolovnom su-

doproizvodstve (Legal regulation of the use of the results of operational-search activities in criminal proceedings), monografiya, pod obshch. red. V.P. Sal'nikova, St. Petersburg, Fond «Universitet», 2004.

4. Golubovskiy V.Yu., Kondrat I.N., Khabibulin A.G., Chislov A.I. Vklad professora S.I. Zakhartseva v razvitiye ugovno-protsessual'noy i operativno-rozysknoy nauki (Contribution of Professor S.I. Zakhartsev in the development of criminal procedural and operational-search science), *Monitoring pravoprimeniya*, 2020. No. 2 (35), pp. 29–36.

5. Yevstratkov B.M., Zakhartsev S.I., Medvedev V.N., Sal'nikov V.P. Operativno-rozysknyye meropriyatiya na kanalakh svyazi (pravovoy analiz) (Operational-search measures on communication channels (legal analysis), monografiya, pod obshch. red. V.P. Sal'nikova, St. Petersburg, Fond «Universitet», 2005.

6. Zakhartsev S.I. Proslushivaniye telefonnykh peregovorov v operativno-rozysknoy deyatel'nosti i ugovnom protsesse (Wiretapping of telephone conversations in operational-search activity and criminal procedure), dis. ... kand. yurid. nauk, St. Petersburg, 2002.

7. Zakhartsev S.I. Teoriya i pravovaya reglamentatsiya operativno-rozysknykh meropriyatiy (Theory and legal regulation of operational-search measures), dis. ... d-ra yurid. nauk, St. Petersburg, 2004

8. Zakhartsev S.I. Operativno-rozysknyye meropriyatiya v Rossii i za rubezhom (Operational-search activities in Russia and abroad), monografiya, pod obshch. red. V.P. Sal'nikova, St. Petersburg, Fond «Universitet», 2003.

9. Zakhartsev S.I. Ponyatiye i vidy operativno-rozysknykh meropriyatiy (The concept and types of operational search measures), *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*, 2003, No. 4 (249), pp. 135–139.

10. Zakhartsev S.I. Operativno-rozysknyye meropriyatiya. Obshchiye polozheniya (Operational search activities. General provisions), monografiya, St. Petersburg, «Yuridicheskiy tsentr «Press», 2004.

11. Zakhartsev S.I., Medvedev V.N. Snyatiye informatsii s tekhnicheskikh kanalov svyazi: pravovyye voprosy (Removing information from technical communication channels: legal issues), monografiya, pod obshch. red. V.P. Sal'nikova, St. Petersburg, Fond «Universitet», 2004.

12. Zakhartsev S.I. Operativno-rozysknyye meropriyatiya: Teoriya i praktika (Operational search measures: theory and practice), monografiya, pod red. V.P. Sal'nikova. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2004.

13. Zakhartsev S.I., Ignashchenkov Yu.Yu., Sal'nikov V.P. Operativno-rozysknyye meropriyatiya v XXI veke (Operational-search activities in the XXI century), monografiya, St. Petersburg, Fond «Universitet», 2006.

14. Zakhartsev S.I., Chabukiani O.A. Operativno-rozysknyye meropriyatiya i sledstvennyye deystviya: ponyatiya i sootnosheniye (Operational-search measures and investigative actions: concepts and correlation), monografiya, St. Petersburg, Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2010.

-
15. Zakhartsev S.I. Nauka operativno-rozysknoy deyatel'nosti: filosofskiy, teoretiko-pravovoy i prikladnoy aspekty (The science of operational-search activity: philosophical, theoretical-legal and applied aspects), monografiya, St. Petersburg, Izdatel'skiy Dom S-Peterb. gos. un-ta, Izdatel'stvo yuridicheskogo fakul'teta SPbGU, 2011.
 16. Zakhartsev S.I., Kiryushkina N.O. Operativno-rozysknoye pravo (Operational-investigative law), *Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki*, 2013, No. 9, pp. 187–192.
 17. Zakhartsev S.I., Kiryushkina N.O. Novyye fantomy operativno-rozysknoy deyatel'nosti: operativno-rozysknaya kharakteristika i operativno-rozysknoy kodeks (New phantoms of operational-search activity: operational-search characteristics and operational-search code), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2013, No. 9, pp. 94–101.
 18. Zakhartsev S.I., Ignashchenkov Yu.Yu., Sal'nikov V.P. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v XXI veke (Operational-search activity in the XXI century), monografiya, Moscow, Norma, 2015.
 19. Zakhartsev S.I., Vikhrov V.A., Ignashchenkov Yu.Yu., Sal'nikov V.P. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' i voyennaya bezopasnost' (Operational-search activity and military security), monografiya, pod red. S.I. Zakhartseva, Moscow, Granitsa, 2017.
 20. Kommentariy k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti» (Commentary to the Federal Law "On operational-search activity"), otv. red. A.Yu. Shumilov, Moscow, Verdikt-1-M, 1997.
 21. Kondrat I.N., Sal'nikov V.P. O nauchnykh shkolakh izucheniya operativno-rozysknoy deyatel'nosti i meste shkoly S.I. Zakhartseva v izuchenii ORD (On scientific schools for the study of operational-search activities and the place of the school of S.I. Zakhartsev in the study of the OSA), *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal*, 2016, No. 2 (25), pp. 370–377.
 22. Kondrat I.N., Sal'nikov V.P. O nauchnoy shkole izucheniya operativno-rozysknoy deyatel'nosti professora S.I. Zakhartseva (On the scientific school for the study of operational-search activity of Professor S.I. Zakhartsev), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 2, pp. 96–103.
 23. Kriminalistika (Forensic science), uchebnyk, soavt. i pod red. A.I. Bastrykina, Moscow, Ekzamen, 2015.
 24. Krylov I.F., Bastrykin A.I. Rozysk, doznaniye, sledstviye (Search, inquiry, investigation), Leningrad, Izd-vo LGU, 1984.
 25. Lugovik V.F. Prokuror ne vseгда prav: sudebnaya praktika ob otvetstvennosti sotrud-nikov operativnykh podrazdeleniy politsii za nevympolneniye trebovaniy prokurora (The prosecutor is not always right: judicial practice on the responsibility of employees of operational police units for failure to comply with the requirements of the prosecutor), *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*, 2020, T. 26, No. 2 (77), pp. 43–48.
-

26. Madzhidzoda D.M., Sal'nikov V.P., Soliyev K.Kh. Nauchnaya shkola professora S.I. Zakhartseva – vedushchaya v Rossii shkola izucheniya operativno-rozysknoy deyatel'nosti (The scientific school of Professor S.I. Zakhartsev - the leading school for the study of operational-search activity in Russia), *Izvestiya instituta filosofii, politologii i prava im. A. Bakhovaddinova Akademii nauk Respubliki Tadzhikistan*, 2016, No. 4, pp. 153–162.
27. Operativno-rozysknaya deyatel'nost': nauchno-prakticheskiy kommentariy (postateynyy) k Federal'nomu zakonu (Operational-search activity: scientific and practical commentary (article by article) to the Federal law), A.I. Bastrykin [i dr.], pod red. A.I. Bastrykina, Moscow, Yurlitinform, 2020.
28. Osnovy operativno-rozysknoy deyatel'nosti (Fundamentals of operational-search activity), uchebnik, pod red. S.V. Stepashina. St. Petersburg, Lan', 1999.
29. Rassledovaniye prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya (Investigation of crimes: problems and ways of their solution), pod red. A.I. Bastrykina. Moscow, Yuniti-Dana, 2014.
30. Pozdravlyayem s 40-letiyem Sergeya Ivanovicha Zakhartseva (Congratulations on the 40th birthday of Sergei Ivanovich Zakhartsev), Ignashchenkov Yu.Yu. [i dr.], *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 11, pp. 17–21.
31. Sal'nikov V.P., Stepashin S.V., Chislov A.I. Istoriya nauchnoy shkoly professora S.I. Zakhartseva: ot formirovaniya do lideruyushchikh pozitsiy v nauke operativno-rozysknoy deyatel'nosti (The history of the scientific school of Professor S.I. Zakhartsev: from formation to leading positions in the science of operational-search activity), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 3, pp. 155–163.
32. Sal'nikov V.P., Soliyev K.Kh., Khabibulin A.G., Chislov A.I. Nauchnaya shkola professora S.I. Zakhartseva ili kakoy dolzhna byt' operativno-rozysknaya deyatel'nost' (Scientific school of professor S.I. Zakhartsev or what should be the operational-search activity), *Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki*, 2016, No. 2, pp. 139–149.
33. Sal'nikov V.P. Stepashin S.V. Kondrat I.N. Nauchnaya shkola professora S.I. Zakhartseva – vzglyad v budushcheye operativno-rozysknoy deyatel'nosti (The scientific school of Professor S.I. Zakhartsev - a look into the future of operational-search activity), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2016, No. 3 (45), pp. 155–165.
34. Teoriya operativno-rozysknoy deyatel'nosti (Theory of operational-search activity), uchebnik, pod red. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinskogo, G.K. Sinilova, Moscow, Infra-M, 2006.
35. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science, Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, 2018.

Received: 02.03.2020

К АВТОРАМ

**Приглашаем Вас к сотрудничеству с журналом
«ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»**

Цель журнала – консолидировать усилия общественности для решения актуальных проблем в области формирования правового государства.

Основные задачи журнала:

- публикация материалов, посвященных актуальным проблемам государственного строительства, вопросам реформирования правовой системы, законотворческой деятельности, развития парламентаризма, институтов гражданского общества;
- обсуждение проблем повышения эффективности научных исследований в области права, мобилизация усилий научных коллективов на разработку проблем совершенствования государственно-правовой и судебной систем, повышения правовой грамотности населения;
- организация обсуждений проектов нормативно-правовых документов и существующих в российском законодательстве проблем;
- освещение опыта зарубежных стран по совершенствованию законотворческой деятельности и правоприменительной практики, актуальных проблем развития международного права в условиях глобализации.

**ПЕРЕЧЕНЬ ТРЕБОВАНИЙ И УСЛОВИЙ ЖУРНАЛА
«Правовое государство: теория и практика»
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ**

- Статьи предоставляются в редакцию в электронном виде (по электронной почте E-mail: niirpg@mail.ru) или на бумажном носителе с приложением электронного варианта на диске 3,5" в формате *.tlf или *.doc текстового редактора Word электронной версии.
- Объем публикации – от 20 000 до 30 000 знаков, включая пробелы. В случае предоставления материала, большего по объему, что предусмотрено Порядком предоставления работ для журнала, редакция оставляет за собой право возврата материала автору для сокращения.
- Шрифт основного текста работы – 14, шрифт Times New Roman через 1,5 интервала, поля со всех сторон 20 мм. Формат документа: MS WORD (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (Иванов И.И.).
- На первой странице указывается ФИО автора, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна и e-mail. Название статьи печатается заглавными буквами. Далее идет аннотация не менее 100 и не более 250 слов. Редакция обращает внимание авторов на то, что общий объем предоставляемого материала, включая (Ф.И.О., ученая степень, звание, место работы, название статьи, аннотация, ключевые слова и библиографические ссылки оформляются на русском и английском языках). Внутритекстовые текстовые сноски оформляются в самом тексте посредством квадратных скобок: [3, с. 145]. Библиографические ссылки следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.5–2008 (без тире). Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала.
- Приоритет в публикации имеют авторы, использовавшие в исследовании иностранные источники литературы и источники из изданий, индексированных в базах данных Web

of Science и Scopus (напр., Russian Law Journal, Вестник Томского государственного университета, Всероссийский криминологический журнал, Право – Журнал Высшей школы экономики, BRICS Law Journal, Психология и право, Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки, Вестник Пермского университета, Вестник МГИМО-Университета).

- Следует различать сноски и ссылки. Сноски оформляются внизу страницы и содержат пояснения, определения, ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику. Они помещаются в текст научной статьи в качестве постраничных сносок (в квадратные скобки не помещаются) и в библиографическом списке не указываются.
- Диаграммы, таблицы, рисунки должны быть сделаны в текстовом редакторе Word и дополнительно сохранены в отдельном файле. Фотографии и рисунки прилагаются отдельными файлами в формате TIFF или JPEG.
- Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
- Предоставляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует отсутствие плагиата и других форм неправомерного использования в статье информации.
- В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал возвращается автору на доработку, и рукописи подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О произведенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме.
- К статье прилагается фото в формате JPG (книжная ориентация с указанием Ф.И.О.) для размещения на сайте журнала. Также следует указать почтовый адрес, номер контактного телефона, они необходимы для связи сотрудников редакции с авторами и в журнале не публикуются.
- Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами.
- Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Подписка на журнал возможна с любого месяца

Все права защищены и охраняются Законом Российской Федерации «Об авторском праве». Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другим без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Редакция сохраняет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Автор может претендовать на вознаграждение в виде одного бесплатного авторского экземпляра журнала при условии указания им своего адреса. Редакция уважает мнение авторов опубликованных статей, но при этом их мнение не всегда совпадает с мнением редакции.

© Уфа: РИО НИИППГ, 2020

[12+]

Периодическое печатное издание (журнал): "Правовое государство: теория и практика" № 3 (61) 2020.

Учредители: Башкирский государственный университет ;

Частное учреждение "Научно-исследовательский институт проблем правового государства".

Главный редактор: Зайнуллин Р.И.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер: ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г.

Адрес издателя и редакции: 450005, Российская Федерация, РБ, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131, к. 319. Тел.: (347) 228-83-51, E-mail: niirpg@mail.ru; сайт: <http://pravgos.ru>.

Подписной индекс в объединенном каталоге

"Газеты. Журналы" (Роспечать): 81192

Подписан в печать 23.09.2020 г. Вышел в свет 30.09.2020 г.
Бумага писчая. Формат 70x100/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 21,39. Уч. изд. л. 14,72. Тираж 500. Заказ 17.
Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе Института права
Башкирского государственного университета
450005, РБ, г. Уфа, ул. Достоевского, 131, к. 105.